ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

PECHAT' I REVOLIUTSIIA

ZHURNAL LITERATURY ISKUSSTVA KRITIKI I BIBLIOGRAFII

Vol. 1

Nos. 1-3

1921

MOCKBA
KRAUS REPRINT
A Division of
KRAUS-THOMSON ORGANIZATION LIMITED
Nendeln, Liechtenstein
1970

Printed in Switzerland

Р.С.Ф.С.Р.

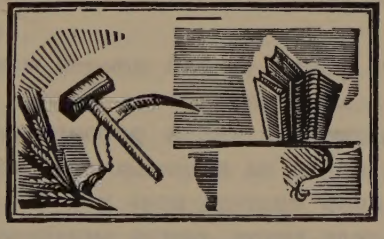
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.



КНИГА ПЕРВАЯ
МАЙ - ИЮЛЬ

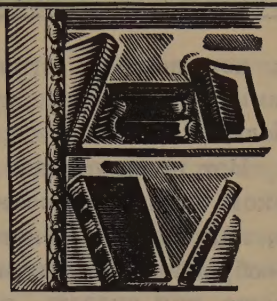
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1921

ПЕСНЯ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА
М. В. ПОКРОВСКОГО, В. Л. ПОЛОНСКОГО,
Н. Н. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА

КНИГА ПЕРВАЯ
1918 - 1919

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



СВОБОДА КНИГИ И РЕВОЛЮЦИЯ.

А. Луначарский.

Идея революции в большинстве умов прочно связана с идеей свободы. В самом деле, что такое революция, согласно самому глубокому ее анализу, тому, который дал Маркс?

В обществе накопляются новые силы, движимые экономической стихией развернувшейся новой формы хозяйственной жизни, верхние же пласты надстроек, наросшие на почве прежнего хозяйственного уклада, держат эти выросшие глубины в своих косных рамках. Происходит в известной стадии развития неизбежный взрыв, до сих пор сдерживаемые силы сегодняшнего дня разбивают вчерашние оковы и освобождаются.

С точки зрения классов процесс этот всегда выражается в том, что власть переходит в руки нового класса, выдвинутого экономической эволюцией в качестве естественного руководителя новой фазы культурного развития.

В обывательской же мысли, в мысли прогрессивного обывателя, не заходящего в своем анализе так глубоко, революция обыкновенно соединяется с классической формулой XVIII века: торжество свободы, равенства и братства.

Свобода на самом первом плане. Между тем, на самом деле ни одна революция не создает режима свободы и не может его создать. Революция есть гражданская война, неизменно сопровождаемая войною внешней. Латинская пословица не даром говорит: «под звон оружия молчат законы», и под звон оружия молчит искусство.

Это, конечно, особенно верно, когда дело идет о войне гражданской. Вся страна наполнена враждебными друг другу силами. Новое революционное правительство, не имеющее солидного государственного механизма, в несравненно бо́льшей мере вынуждено опасаться контр-революционных происков, контр-революционных мятежей, чем это бывает даже с самым закоснелым контр-революционным правительством. С прошлым прямо и косвенно связано столько различных интересов, народ, переживающий революцию, в своих массах (как это было до

сих пор во всех странах) еще настолько темен, что опасности эти ежеминутно грозят превратиться, как учит история, в настоящую гибель.

Вот почему даже революция социалистическая, происходящая под знаком окончания всяких войн и отмены всякой государственной власти, как идеалов *конечных*, на *первых* порах вынуждена усилить дух своеобразного милитаризма, усилить диктатуру государственной власти и даже, так сказать, полицейский ее характер.

Для настоящего революционера, не болтуна, а работника революции, совершенно ясно, что являющееся отвратительным и реакционным в руках соответственного реакционного правительства, насилие оказывается священным, необходимым в руках революционера.

Революционер видит далеко, он сознает, что упразднение войны и государства возможно только через героическое, часто наступательное, энергичнейшее ведение войны и через жесткую диктатуру власти, через настоящую монополию власти в руках не только определенных классов, но даже определенных групп, именно тех, которые выражают классовую идеологию во всей полноте.

Обыватель этого не понимает. Он лепечет что-то о том, что вот-де революция, вышедшая из недр народа, протестовавшего против оков власти, оказывается *такой же* тиранией, как и прежде. Он лепечет что-то о готтентотской морали. Но в так называемой готтентотской морали есть глубочайший смысл. Разве есть на свете человек, который рассуждал бы во время войны иначе, чем пресловутый готтентот? Готтентот говорит: если я отобью у кого-нибудь жену, то это добро, а если кто-нибудь отобьет ее у меня, то это зло. А разве есть, повторяю, человек на свете, который не говорил бы: если мы разбили неприятеля, то это добро, а если он разбил нас, то это зло? И больше всего может быть уверен в том, что это субъективное добро совпадает с объективным тот, кто ведет свою войну во имя великих идеалов.

Революция работает во имя великих идеалов. Имеет против себя целый мир врагов и потому обязана отступить от своих идеалов *в пути*. Средства вовсе не обязательно сходны с целью. Если вы хотите выгрести против течения на тихий остров, где думаете отдохнуть, то цель ваша—отдых, но из этого вовсе не следует, что вы можете отдыхать в лодке: здесь от вас требуется величайшее напряжение.

Наша цель, например, отсутствие всякой дисциплины, естественные взаимоотношения людей, основанные на понимании каждым интересов целого, на ясном представлении общественных трудовых процессов, в которых он участвует, но если вследствие этого мы бы заявили, что нам не нужна сейчас ни дисциплина партийная, ни дисциплина профессиональная,—хороши бы мы были гуси!

Один талантливый молодой поэт, бывший левым социалистом, а теперь коммунист и руководящий в Швейцарии работой пролеткульта, Отто Фолькерт, пишет мне в письме, полученном мною недавно: «Я совершенно убежден в том, что вы показали Европе единственно пра-

вильный путь и что европейско-американский труд пойдет по нему. Надо только охранить права *творческой индивидуальности*».

Конечно, наши художники, главным образом, писатели, хором ответили бы Фолькерту: «Права творческой индивидуальности не охранены в России».

Но прежде всего надо спросить себя: *должно* ли революционное правительство принципиально охранять права индивидуального творчества?

На этот вопрос я, не обинуясь, скажу: да, должно. Каутский в своей и теперь замечательной и поучительной книге—«На другой день после социальной революции»—дает совершенно правильную формулу, когда он говорит: величайший порядок и планомерность в производстве и полная анархия в области искусства.

Под «анархией» разумеется здесь совсем не то, что разумеет обыкновенно обыватель, т.-е. не беспорядок, а безвластие, отсутствие начальства, предписывающего вдохновению те или другие нормы.

Искусство, конечно, нужно народу. Я должен с удовольствием сказать, что могу констатировать, как несомненный факт, как несомненное приобретение, что за всеми спорами не только интеллигенция всех направлений, но и сами массы, как таковые, поняли сейчас, как никогда не понимали, важность вопросов искусства. Не даром же о нем толкуют так много, но подлинное искусство, то, которое носит на себе печать гения или таланта, в клетке петь не может. Приспособленный к клетке талант превращается из соловья в чижика, из орла в курицу. Я, разумеется, не делаю отсюда вывода, что революция может иметь в качестве своих поэтов и художников только чижей и кур. Наоборот, свободный артист, свободный поэт может быть до глубины сердца революционером, но именно постольку, поскольку творчество его совпадает с его свободным устремлением.

Отсюда вывод: революционное культурное государство не может не заботиться о развитии искусства в стране, искусства вообще, как дарующего радость жизни, как формулирующего в ярких образах переживания данного времени.

Оно не может не радоваться и не покровительствовать особенно тому искусству, которое находится в консонансе с нею. Но оно не должно искусственно срывать цветы, которые кажутся ему почему-нибудь далекими или не совсем соответственными его идеалам, ни безвкусно потакать шарлатанам и угодникам, старающимся продать ему под видом искусства льстивую подделку.

Опять-таки здесь надо сделать оговорку: государство имеет право и должно создавать плакаты, плакатно-агитационные пьесы, революционные песни и т. д., и т. п.

Все это будет искусством, если для этого найдутся искренне увлеченные революционными идеями художники, и это будет почтенным и обладающим действительной силой художественным ремеслом, художественной промышленностью, если дело будет итти о добросовестных

мастерах, которые государственные заказы добросовестно выполняют,— определенное агитационное полуискусство.

Отвратительно, грубо тенденциозно, пошло это будет тогда, когда за дело возьмется не артист, а пошляк, проделывающий карьеру в революционной маске.

Но если таким образом государство должно быть в высокой степени *либеральным* в области искусства, если оно не должно говорить: «вот такие-то и такие формы искусства устарели», а предоставлять устарелым формам искусства эволюционировать или умирать естественно; и если государство не должно говорить: «такие-то и такие-то формы искусства суть аберрации», но, проверив, что за этими формами стоят действительно искренние группы художников, а не какие-нибудь отдельные шарлатаны, желающие морочить публику (вроде, например, имажинистов, среди которых есть талантливые люди, но которые как бы нарочно стараются опаскудить свои таланты), опять-таки предоставить самой жизни выправить эти аберрации или отбросить их совсем,— то, с другой стороны, целый ряд обстоятельств делают этот принцип, в котором революционная власть не сомневается, весьма трудно проводимым в жизнь.

Прежде всего военное напряжение и скудость средств, которыми располагают революционные правительства (в том числе и наше), заставляют направлять внимание и рессурсы страны в область настоятельнейших нужд, и с этой точки зрения, как бы мы ни относились к искусству, оно все-таки является потребностью второго порядка.

Пусть кто-нибудь скажет—высшего, но все-таки второго. «Сначала жить, а потом философствовать», говорили римляне.

Если сообразить все подавляющие трудности, среди которых билась в течение трехлетней войны наша республика, среди которых она бьется и сейчас, в особенности благодаря происках тех же контрреволюционных партий, то, конечно, придешь к выводу, что история с изумлением остановится перед теми огромными затратами (соотносительно средствам, бывшим в нашем распоряжении), которые Советская власть сумела передать художникам.

Только обывательское брюзжание одних и какое-то желчное раздражение других (критиков особенно) мешает видеть, что мы переживаем интересную страницу в области художественного творчества, несмотря на его кажущееся оскудение, что огромные массы привлечены к участию в художественной жизни страны, что эта художественная жизнь не замерла, несмотря на страшные препятствия, что она во многих случаях продвинулась вперед и по форме, и по содержанию.

Однако, отрицать нельзя, что абсолютное количество благ, какими государство располагает для искусства, конечно, значительно меньше, чем то, которое давалось ему в дореволюционное время.

Вторым условием, одинаковым для всех областей искусства, в том числе и для книги, является самая борьба, а стало быть и невозможность допустить свободу и особенно свободу слова.

Слово есть оружие и совершенно так же, как революционная власть не может допустить существования револьверов и пулеметов у всякого встречного и поперечного, ибо этот самый встречный и поперечный часто есть злейший враг; так же государство не может допустить свободы печатной пропаганды.

Россказни о том, что революционеры-де добиваются свободы слова, когда старая власть им ее не дает, а потом сами ее отнимают,—сущая обывательская чепуха.

Конечно, революционеры устремляются к полной свободе слова, но как к конечному идеалу, и идеал этот тем скорее превратится в действительность, чем полнее будет победа революции и над сознательными определенными контр-революционерами, и над всеми темными интеллигентами и темными крестьянами, которые по недоразумению, по малодушию, по наущению других принимают участие в контр-революционных интригах.

Вряд ли кто-нибудь мало-мальски разумный будет спорить с тем, что революцию в высшей степени укрепляет возможность, пользуясь всеми государственными рессурсами, вести свою печатную пропаганду и агитацию, и, пользуясь теми же рессурсами, уничтожить яд контр-революционной пропаганды и агитации.

Это будет приводить в бешенство всех «либералов», принципиально не согласных с руководящей революционной партией, это будет заставлять возмущаться тех розовеньких и чистеньких либералов, которые уверяют, что они беспартийны, но вообще за «свободу и культуру», за все «высокое и прекрасное», но это будет совершенно понятно всякому бойцу, и для человека, чье сердце бьется хотя несколько в унисон с коммунистической партией в наше время,—это не подлежит сомнению.

Но вот, что касается книги поэтической, книги беллетристической, не нужна ли здесь полнейшая свобода? Однако, можно не сомневаться, что в беллетристической форме, которая ведь есть, как и всякое искусство, нарочито агитационная форма, т.-е. волнующая именно чувства,—пропаганда возможна как нельзя лучше.

Если государство само стремится создать и поощрить *художественную* пропаганду, то оно вместе с тем обязано пресекать художественную антипропаганду.

Цензура?

Какое ужасное слово! Но для нас не менее ужасные слова: пушка, штык, тюрьма, даже государство. Все это для нас ужасные слова, все это *их* арсенал, всякой буржуазии консервативной и либеральной. Но мы считаем священными штыки и пушки, самые тюрьмы и *наше* государство, как средство к разрушению и уничтожению всего этого.

То же самое и с цензурой. Да, мы нисколько не испугались необходимости цензуровать даже изящную литературу, ибо под ее флагом, под ее изящной внешностью может быть внедряем яд еще наивной и темной душе огромной массы, ежедневно готовой пошатнуться

и отбросить ведущую ее среди пустыни к земле обетованной руку из-за слишком больших испытаний пути.

Есть и еще одно неприятное условие: крайняя бумажная и типографская скудость.

Страна, промышленно раздавленная и окруженная блокадой, имеет соответственно уменьшенные силы в области издательства, а так как потребность в широчайшей печатной пропаганде, во всякого рода учебниках, популярных газетах, брошюрах и т. п. становится в революционное время поистине необъятной, то, конечно, государство не может не оставить на потребности вольного художественного слова лишь очень небольшие остатки.

Со всеми этими отрицательными условиями приходится считаться, но не следует выходить за их рамки.

Тот, кто скажет нам: необходима цензура, приостанавливающая даже великие художественные произведения, если в них таится очевидная контр-революция; нам нужен выбор, откладывающий до 3-й и 4-й очереди несомненно нужные книги по сравнению с книгами величайшей нужды,—тот будет прав. Человек же, который скажет: «долой все эти предрассудки о свободе слова, нашему коммунистическому строю соответствует государственное руководство литературой, цензура есть не ужасная черта переходного времени, а нечто присущее упорядоченной, социализированной социалистической жизни»,—тот, кто сделает из этого вывод, что самая критика должна превратиться в своего рода донос, или в пригонку художественных произведений на примитивно революционные колодки, тот покажет только, что под коммунистом у него, если его немного потереть, в сущности, сидит Держиморда, и что, сколько-нибудь подойдя к власти, он ничего другого из нее не взял, как удовольствие куражиться, самодурствовать и в особенности тащить и не пущать...

Эти симптомы, конечно, есть у нас, не может их не быть,—слишком мы мало культурный народ.

Угроза превращения сильной пролетарской власти в младших агентах и случайных выразителях в полицейщину, в аракчеевщину,—как сказал наш товарищ коммунист в владивостокском журнале «Творчество» (т. Чужой),—имеется на-лицо и надо ее всячески избегать.

Народный Комиссариат по Просвещению, с одной стороны, будет всемерно, и не заботясь нисколько о том, что скажут прекраснодушные либералы, проводить и политическую цензуру, и отбор более важных книг по сравнению с теми, появление которых в свет терпит, но вместе с тем он будет на-страже изложенного здесь принципиального отношения к искусству, он будет бороться против некоторых медведей, которые тоже берутся гнуть дуги, против некоторых обезьян, которые тоже надевают очки для того, чтобы рассмотреть контр-революцию, иногда надевая их на хвост.

Правда, наш собственный подлинный «либерализм», наше стремление к полной свободе творчества, которая невиданно пышным цветом

расцветет в подготовляемом нами общественном строе,—сквозь проклятую необходимость навязанной нам контр-революцией надобности насильственно оберегать этот самый идеал, сквозь навязанную нам ею же усиленную нужду,—может проглядывать только, как бледный луч месяца среди бегущих туч.

Но что же делать? Переходное время есть переходное время. Не надо нетерпеливо отмахиваться от тех его сторон, которые в нем неизбежны, которые являются путями к лучшему будущему, но не надо эти стороны, часто горькие, превращать чуть не в источник удовольствия, чуть не в самоцель.

О РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Н. Мещеряков.

Ввиду того, что громадное большинство товарищей, даже занимающихся литературным трудом, очень мало осведомлено о работе Госуд. Издательства, нужно прежде всего заметить, что ни Главбум, ни Полиграфический Отдел, ни Главкраслак не входят в Госуд. Издательство. Поэтому Госиздат не может нести ответственности ни за количество выпущенных им изданий, которое ограничивается количеством бумаги, отпущенной в его распоряжение, ни за качество бумаги, на которой он вынужден печатать книги, ни за недостатки печати, которые зависят от плохого качества бумаги, краски и т. п. Правда, вся бумага, годная для печати (кроме той, которая предназначена для столичных газет), находится в распоряжении Госиздата, и он может дать из своего запаса на какую-нибудь книгу лучшую бумагу. Но в таком случае другая книга будет печататься на худшей бумаге.

Тем не менее, приступая к характеристике работы Госиздата, нужно сказать хоть несколько слов о тех возможностях, которые предоставляются в его распоряжение Главбумом и Полиграфотделом. Начнем с Главбума.

В 1914 году в бывшей Росс. империи было выработано около 23 милл. пуд. бумаги; из Финляндии было ввезено около 10 милл. пуд. Итого 33 милл. пуд. В 1920 г. в Р. С. Ф. С. Р. было выработано 2.100.000 пуд. и ввезено из Эстонии 400.000 пуд. Итого 2.500.000 пуд., т.-е. в 13 раз меньше.

Из 2.100 000 пуд. бумаги, выработанной в 1920 г. в Р. С. Ф. С. Р. газетной и печатной было выработано только 1.430.000 пуд. Из этих 1.430.000 пуд. для газет в Москве и Питере пошло 880 тыс. пуд. Следовательно, для нужд Госиздата в 1920 г. осталось только 550 тыс. пуд. или 46 тыс. пуд. в месяц на всю Россию; из этого

ничтожного количества приходилось уделять около 40% на провинциальные газеты.

В 1921 г. положение с бумагой становится еще хуже. На первые 3 мес. года Госиздат получил 128 тыс. пуд., т.-е. по 43 тыс. пуд. в месяц. В силу ряда причин (недостаток топлива, приводящий к остановке бумажных фабрик и т. п.) с апреля это количество сократится еще более. С апреля Госиздату обещано Главбумом с русских фабрик только по 23 тыс. пуд. в месяц.

Эти цифры показывают, как катастрофично положение с бумагой и как Госиздат был стеснен в своей работе.

С типографиями дело обстоит не лучше. Уменьшилось общее количество работающих предприятий полиграфической промышленности. Из-за изношенности, недостатка отдельных частей, отсутствия многих вспомогательных материалов из строя выбыла значительная часть наборных, ротационных и плоских машин. Недостаток топлива в зимние месяцы сокращал работу здоровых предприятий. Значительно уменьшилось также количество рабочих, занятых в полиграфической промышленности. Можно с уверенностью сказать, что разруха особенно больно ударила именно по полиграфической промышленности. Этого нельзя забывать, когда говоришь о состоянии издательского дела в республике.

Сильно уменьшилась и производительность труда. До войны наборщик выставлял в среднем 10—12 тыс. букв в день, теперь нормой считается 4.000, а 7.000 составляет максимум, за который выдается премия.

Все это ясно показывает, как стеснены технические возможности Госиздата. Более подробные данные читатель найдет в статьях т.т. Бельского и Шендеровича, посвященных судьбам печатного дела в России.

* * *

Во главе Госиздата состоит центральная редакционная коллегия. Теперешняя коллегия была назначена в конце июля 1920 г. В состав ее входят: Н. Л. Мещеряков (председатель коллегии и заведующий Госиздатом), И. И. Скворцов-Степанов (заместитель), М. Н. Покровский, Е. Ярославский (от Ц. К. Партии), Д. Л. Вейс (заведует всей технической и административной частью) и В. П. Полонский, представляющий интересы Революционного Военного Совета Республики. К сожалению, все члены коллегии, кроме т. Вейса, работают в других учреждениях и не могут отдавать Госиздату все свое время.

Центр. коллегия собирается раз в неделю. На-ряду с ней с августа организованы так называемые распорядительные заседания, которые решают все мелкие непринципиальные вопросы, подписывают рукописи к печати и т. п. На долю центральной коллегии остаются только крупные или спорные вопросы. В состав распорядительного заседания входят: т. Вейс и какой-нибудь второй член коллегии— т.т. Мещеряков или Степанов, а иногда оба. Вот цифры, рисующие работу центральной и распорядительной коллегии:

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Месяцы.	Заседаний.	Рассмотрено вопросов.
Июль 1920 г.	4	35
Август „ „	4	47
Сентябрь „ „	4	55
Октябрь „ „	4	66
Ноябрь „ „	5	33
Декабрь „ „	3	22
Январь 1921 г.	5	45
Февраль	4	26
Март	3	34

РАСПОРЯДИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ.

Август 1920 г.	8	83
Сентябрь „ „	7	128
Октябрь „ „	18	299
Ноябрь „ „	14	302
Декабрь „ „	18	487
Январь 1921 г.	14	340
Февраль	18	391
Март	10	256

Центральная коллегия организовала ряд так называемых «рабочих коллегий», которые и ведут всю работу по подготовке и редактированию рукописей. Почти все эти коллегии образованы за последние полгода. В состав этих рабочих коллегий входят специалисты по тем отраслям знаний, которые обслуживаются этими коллегиями.

До августа 1920 г. на-ряду с Госиздатом существовали издательские отделы чуть не у всех ведомств и Комиссариатов. Все они работали независимо друг от друга, без общего плана и руководства. Эта несогласованность работы вела к появлению ненужных, повторных или даже никуда не годных книг и к расточению бумаги. С августа новая коллегия Госиздата поставила целью объединить в своих руках все издательства Комиссариатов и ведомств. Это было достигнуто без больших трений путем добровольного соглашения с ведомствами, которые скоро убедились, что план Госиздата ничуть не стесняет их в работе, а в то же время вносит порядок в издательское дело.

Рабочие коллегии организуются следующим образом:

Состав членов рабочей коллегии устанавливается по соглашению центральной коллегии Госиздата с коллегией Комиссариата. Споров по этому вопросу до сих пор не было ни разу. Назначенная коллегия (положим, по вопросам сельского хозяйства) ведет всю работу по подготовке и редактированию рукописей по этому вопросу. В нее поступают все рукописи по этому вопросу, откуда бы они ни поступали; ни одна рукопись не рассматривается центральной коллегией, пока о ней нет отзыва соответствующей рабочей коллегии. Конфликтов между центральной коллегией и рабочими за полгода работы не было.

Рабочая коллегия находится таким образом в двойном подчинении. С одной стороны, она должна выполнять задания своего ведомства, обслуживать его, проводить его директивы. А с другой, она ответственна перед центральной коллегией Госиздата с точки зрения политической; она должна дать отзыв о всякой рукописи по этому вопросу, которая будет передана ей центральной коллегией, если рукопись поступила от автора. Коллегии, не имеющие отношения к ведомствам, подчинены одному Госиздату.

В настоящее время уже работают следующие рабочие коллегии: 1) агитационно-пропагандистская, 2) научно-популярная, 3) марксистской литературы, 4) антирелигиозная, 5) сельско-хозяйственная, 6) календарная, 7) по профессиональному движению (организована по соглашению с В. Ц. С. П. С.), 8) Наркомздрава, 9) Главпрофобра, 10) научно-учебная, 11) производственной пропаганды, 12) литературно-художественная, 13) детской литературы, 14) Истпарт. Организуются коллегии: 1) Музо, 2) литературы тюркских народов, 3) юридическая, 4) Наркомпрода, 5) экономическая, 6) по национальным вопросам, 7) по изданию книг на языках западных народов, 8) кооперативная и т. д.

Вместе с тем разрабатывается вопрос об объединении и согласовании деятельности рабочих коллегий в вопросах, затрагивающих сферы двух-трех или более отделов.

Рабочая коллегия может организовывать подотделы по специальностям. Например, отдел популярно-научной литературы распадается на следующие секции:

1) биологическая, 2) брошюрно-плакатная, 3) антропологическая, 4) астрономическая, 5) географическая, 6) геологическая, 7) по изданию сборника к годовщине смерти К. А. Тимирязева, 8) физико-химическая.

Научно-популярная коллегия была реорганизована в октябре и с тех пор работа ее пошла очень интенсивно. В настоящее время ею подготовлен или заканчивается ряд книжек и брошюр научно-популярного характера, написанных вновь известными специалистами.

Следует отметить также очень хорошую, энергичную работу Агитационно-пропагандистского Отдела. Обещают быть интересными работы коллегии по производственной пропаганде. Трудная, но интересная и благодарная задача поставлена перед коллегией детской литературы: создать для детей новую литературу, которая должна воспитывать в детях чувства смелого, гордого, свободного строителя новой жизни.

Развитие деятельности Госиздата тормозится не только отсутствием технических возможностей (бумаги, типографии, краски и т. п.), но и тем, что в его распоряжении мало писателей. Много старых беллетристов ушло к белогвардейцам, а оставшиеся пишут мало, объясняя свое молчание тем, что надо время, чтобы осознать и переварить великие сдвиги, произведенные великой революцией. Ученые неизмеримо охотнее идут на совместную работу с Госиздатом. Ряд ученых теперь деятельно работает в рабочих коллегиях Госиздата.

Несмотря на все поистине великие трудности работы, деятельность Госиздата развивается, как это показывают следующие цифры:

Петербургским отделением за 1920 г. было выпущено 345 изданий в количестве 17.166.000 экз., из них изданий общественно-политич. характера 7 милл. экз., беллетристического содержания 5.250.000 экз., научно-школьного характера (большинство учебники)—2.753.000 экз., сельско-хозяйств.—914 тыс. экз., журналов—105 тыс. экз.

Вот цифры, характеризующие работу Госиздата в Москве:

ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ВЫПУЩЕНО В МОСКВЕ В ТЕЧЕНИЕ 1920 ГОДА СЛЕДУЮЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ИЗДАНИЙ:

За какое время.	Количество названий.	Количество экземпляров.	Число печатных листов.
С 1 января 1920 г. по 1 мая 1920 г., т.-е. за 4 мес.	122	8.384.200	18.217.200
С 1 мая 1920 г. по 1 янв. 1921 г., т.-е. за 8 мес.	501	29.077.000	49.001.175
Всего за год	623	37.461.200	67.218.375

И З Н И Х.

	Названий.	Колич. экземпляр.
Учебно-педагогическая литература	41	5.469.000
Техническая „	9	95.000
Научная „	45	2.695.000
Сельско-хозяйственная „	51	889.200
Агитационная „	165	11.974.500
Плакаты	75	3.172.000
Художественная беллетристика	42	1.240.600
Детская	24	710.000
Журналы	38	1.050.000
Официальная, календари и прочие издания .	133	10.065.900
ВСЕГО	623	37.361.200

За февраль 1921 г. в Москве было выпущено 74 издания (234 листа набора) в количестве 2.440.500 экз., всего 8.399.125 листов. Все эти цифры убедительно показывают, что работа Госиздата растет и развивается из месяца в месяц.

Все вышесказанное относится к центру. На местах работа идет хуже. Там часто под флагом «демократического централизма» местные отделы печати печатают совершенно негодные, неграмотные произведения (напр., в Казани книжки Фарфоровского). Но за последнее время Госиздату удается построить в провинции ряд отделов, которые работают по его заданиям, поскольку дело касается литературы общего значения. В деле обслуживания местных вопросов, местные отделы работают самостоятельно.

Госиздатом в Москве организована «Книжная Палата», задачей которой является собирание и регистрация всех выходящих печатных произведений. Книжная Палата, в которой работают специалисты-биб-

лиографы, издает небольшой журнал «Книжная Летопись». Отделение с аналогичными задачами имеется в Петербурге. Работники московской Книжной Палаты принимали энергичное участие (совместно с Библиотечным Подотделом Главполитпросвета) в разработке десятичной системы классификации книг и в приспособлении ее к новым вопросам, поднятым в литературе происходящей пролетарской революцией. Работа эта почти закончена.

В заключение заметим, что технические трудности часто заставляют Госиздат откладывать хорошие, но не необходимые в настоящий момент книги в портфель и печатать брошюры и книги низшего достоинства, но настоятельно необходимые для удовлетворения нужд настоящего. Портфель редакции поэтому растет, и весь размер произведенной работы обнаружится только тогда, когда мы будем иметь достаточно бумаги и типографий для того, чтоб пустить в работу все накопленное.

ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Вяч. Полонский.

I.

За Государственным Издательством много грехов. С первых же страниц журнала, издаваемого Государственным Издательством, мы открыто признаем это. Опыт—учит. Почти 2-летняя работа Госиздата говорит о том, что нередко делалось им не то, что надо, и не так, как надо. Все те общие условия, что помешали нам за истекший период воссоздать нашу промышленность и сколотить крепкую систему учреждений, сказались и на работе Государственного Издательства. Недостаток людей и недостаток технических средств, незначительность топливных и материальных рессурсов, разруха полиграфической промышленности, низкая оплата литературного труда и т. д. и т. д. И, наконец, как общий фон этих отрицательных обстоятельств, незначительное внимание, которое уделял Центральный Комитет Р. К. П. литературным и издательским нуждам республики. Все это вместе взятое и способствовало тому положению, которое не украсило лаврами репутации Государственного Издательства.

Я не стану здесь касаться всех организационных и технических недочетов прошлого, которые *должны быть* устранены и которые несомненно *будут устранены* в ближайшем будущем. Вопрос об упорядочении технического аппарата Госиздата, о создании условий, благоприятных для его работы, поставлен Центральным Комитетом

Р. К. П. в порядок дня. Этого достаточно, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Я хочу лишь остановиться на наиболее существенной стороне работы Государственного Издательства, на мозговой его, так сказать, части. Я говорю о стороне *редакционной*.

Достаточно бегло перелистать настоящий выпуск нашего журнала, чтобы заключить, что дело в этом отношении обстоит очень не благополучно. Республика стонет от недостатка бумаги. Просветительная работа Наркомпроса не может быть развернута из-за отсутствия учебников. Ликвидация безграмотности замедляется недостатком элементарных пособий. Почти что перестала выходить научная книга; нет научных журналов. Замерла художественная литература, столь же необходимая для духовного здоровья народных масс, как всякая иная литература, и которая, благодаря своей способности волновать и возбуждать читательское сознание, является великолепнейшим агитационным и пропагандистским материалом.

А в это самое время типографии Москвы и Петербурга—я не говорю уже о провинции!—выбрасывают книги под маркой Госиздата, содержание которых способно вызвать лишь негодующее изумление. Среди отзывов о книгах читатель найдет рецензии на чудовищную книгу Лемке, на контр-революционный роман Феликса Гра, на некоторые издания «Всемирной Литературы» и др. Мы отказались от мысли поместить отзыв на бульварнейшие произведения Немировича-Данченко, отпечатанные в количестве что-то около десятка названий, никому в наше время не нужные, пошлые, способные привить дурной вкус. Мы могли бы перечислить ряд книг разных авторов в других областях знания, переизданных Госиздатом, которых переиздавать ни в каком случае не следовало. В наших обзорах и рецензиях в свое время читатель не однажды столкнется с иными из них.

Все это говорит о том, что до последнего времени редакционный аппарат Госиздата работал крайне плохо. Книги издавались без толку и без системы, без какой бы то ни было руководящей идеи. Скажем короче: *предшествовавшая деятельность Госиздата протекала без производственного плана*. Отсутствие этого плана было самым тяжким грехом, от которого и пошли все дурные качества, все недочеты его работы. Поскольку типографская разруха и недостаток бумаги суживали размах работы Госиздата, постольку нарекания на него в недостаточном развертe деятельности были неосновательны. Но поскольку в распоряжении Госиздата имелся определенный запас бумажных и типографских средств, постольку он должен был все силы приложить к тому, чтобы эти ограниченные средства были использованы целесообразнейшим образом. Этого, к несчастью, сделать Госиздату не удалось. Мы должны признать это обстоятельство. А признание его поможет нам устранить этот первородный грех учреждения, в руках которого сосредоточено государственное производство книги, т.-е., выражаясь иначе, которому поручена исключительная по важности обязанность быть *Наркомпродом духовной пищи*.

Из приведенных строк становится ясной задача, которую мы ставим перед Государственным Издательством в первую очередь. Это создание *плана* работы, достаточно широкого и всеобъемлющего, который не упустил бы из виду ни одной, хотя бы второстепенной, но необходимой, отрасли теоретического или прикладного знания, художественной и всякой иной литературы. Создание такого плана мыслимо лишь при условии централизации редакционного аппарата, с соответственными, конечно, ответвлениями на периферии, объединенными единой руководящей идеей и составленными персонально из товарищей, которым должно быть ясно общее направление работ Государственного Издательства. Госиздат в настоящее время занят созданием такого редакционного аппарата. Надо заметить, что трудностей это стоит немалых. Приходится преодолевать упорное сопротивление отдельных редакций и издательств, которые не могут подняться до интересов республики в целом над интересами своих изолированных аппаратов.

По какой же схеме должна производиться эта плановая работа?

II.

Мы являемся наследниками богатой культуры вчерашнего дня. И никто из нас не намерен отказываться от этого наследства. Мы не хотим и не должны упустить ничего ценного из сокровищ человеческого духа, созданных коллективным опытом долгих веков развития. Но в наследстве этом, кроме драгоценностей, необходимых и полезных, есть вещи мало значительные, просто не нужные и даже в условиях нашей современности, в эпоху не затихшей классовой войны, прямо вредные. Кроме того, ограниченные размеры наших технических средств не позволяют нам использовать все, что мы найдем нужным сделать достоянием широких народных масс. Необходим, следовательно, отбор. *Необходим пересмотр этого наследства для практической цели переиздания.* Я говорю сейчас, разумеется, только о книжном наследстве.

Конкретно эта работа мыслится мною по следующей схеме:

Во-первых, должна быть пересмотрена вся наличная русская литература по всем отраслям знания теоретического и прикладного, художественная, учебная, справочная и прочая с тем, чтобы в результате пересмотра были выделены книги, которые должны быть и могут быть переизданы *без всяких изменений*, комментариев и дополнений. *Во-вторых*, должны быть выделены книги, которые могут быть переизданы с соответственными комментариями, изменениями и дополнениями и, наконец, *в-третьих*, книги, которые должны быть сочтены ненужными, бесполезными или даже вредными и которых переиздавать вовсе не следует.

Аналогичная работа должна быть произведена также и в области иностранной литературы. Эту работу в области, главным образом, художественной литературы не совсем удачно, нередко же очень неудачно, проделывает «Всемирная Литература».

Но это одна сторона задачи. Пассивная, так сказать, ее часть и, при всем ее огромном объеме наиболее легко выполнимая. Другая же часть, творческая, более важная и более трудно выполнимая, заключается в создании книг, которые еще не написаны, но которые должны быть созданы, в которых отразился бы не вчерашний день человеческой культуры, а день сегодняшний, с его жестоким и глубоким опытом и светлыми горизонтами будущего.

III.

Задача эта необычайна по своему размаху. Намеченная в десятке строк, она не дает и малого представления об ее грандиозности. Выполнение ее возможно лишь при полном использовании всех без остатка культурных сил Р. С. Ф. С. Р. Эта задача, конечно, длительная. В пару месяцев ее не исполнишь. Но избежать ее нельзя. Без планомерного ее осуществления немыслимо создание производственного плана Госиздата, немыслим качественный подъем издательского дела в республике на ту высоту, которой требуют культурные запросы нашей великой эпохи.

Эта задача не может быть осуществлена сразу во всем объеме—ее надо осуществлять по частям. Особенно остро чувствуется недостаток подходящих учебников—пересмотр учебной и педагогической литературы должен быть поставлен в первую очередь. У нас может не хватить свободных сил для того, чтобы заняться разработкой плана во всю ширь—ограничим сегодня нашу задачу более узко с тем, чтобы при первой возможности ее расширить. Частично к исполнению этой задачи Госиздат уже приступил. У нас не хватит технических средств, чтобы сразу переиздать все, что мы найдем необходимым—издадим лишь то, что сможем, будем издавать самое ценное, самое актуальное, занимающее первостепенное место в нашем общем плане. Только при таком условии мы сумеем целесообразно использовать наши небогатые рессурсы и взять от них все то, что они могут дать.

Необходимо затем заняться организацией периодических изданий. В статье акад. Д. Анучина, помещенной в настоящем номере журнала, имеются указания на необходимость воссоздания естественно-научных органов. Мы укажем еще на журналы, посвященные истории и истории литературы, педагогической мысли, общественным наукам. Остро ощущается также отсутствие журнала художественной литературы и критики. Опыт «Лито» с «Художественным Словом», журнал Московского Совета «Творчество» нельзя признать удачными. Следует создать новый толстый журнал, ограничив его содержание художественной прозой, поэзией, статьями по искусству, теории творчества, литературной критики. Для политических и экономических статей в таком журнале при нынешних обстоятельствах оснований нет. Вопрос об издании такого журнала поставлен Госиздатом в порядке дня.

Говорить об *ежемесячном* выпуске таких изданий, конечно, не приходится. Этого не выдержит наша техника. Но трехмесячники, шести-

месячники и даже ежегодники существовать могут и существовать должны. Можно ограничиться невысоким тиражем и наши бумажные запасы позволят сделать это. До последнего времени, благодаря указанным выше недочетам в издательском деле, проскакивала в печать всякая труха. За счет сокращений негодных произведений можно будет без большого труда выделить небольшой бумажный фонд, который обеспечит нам периодический выход журналов—*без них немыслимо развитие научной и художественной мысли*. При острой потребности в них, которая ощущается всеми нами, у автора этих строк не является даже сомнения в том, что мы можем оказаться без соответственных сотрудников.

IV.

Задачи по пересмотру литературы, стоящие перед Госиздатом, стоят в сущности и перед нашим журналом. И та критическая оценка литературы, которой мы займемся, должна производиться под углом зрения, указанным выше. Насколько удастся осуществить нашу задачу—другой вопрос. К сожалению,—между тем, что мы хотим делать, и тем, что сможем осуществить,—лежит дистанция огромного размера, заполненная надводными и подводными рифами, всяческими барьерами и препятствиями, не всегда преодолимыми. Но мы твердо убеждены, что в работе нашей заинтересован весь мыслящий революционный коллектив нашей республики. И мы не сомневаемся в том, что к нам на помощь придут товарищи, которым не безразличны судьбы революции и коммунизма. Мы в праве требовать от них такого содействия, ибо только с помощью общих усилий нам удастся поднять на должную высоту Государственное Издательство, этот могущественный Левиафан новой культуры, о котором лишь мечтали наши предшественники и работать над созданием которого мы получили великое счастье.

РУССКАЯ БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Н. Бельский.

Культурный уровень страны измеряется душевым потреблением в ней бумаги. Нужно, однако, оговориться, что большая часть бумаги идет, как паковочный материал или для промышленного потребления. Доля, непосредственно идущая на цели просвещения, повидимому, не более одной трети всей производимой бумаги.

Учет мирового производства и потребления вообще очень приблизителен. Наиболее авторитетные статистики определяли мировое производство около 1910 г. в 472.000.000 пуд. бумаги и 95.000.000 п. картона, а потребление в отдельных странах от 2 до 60 ф. на душу

населения в год. Место, которое занималось Россией, видно из следующей таблицы:

Наименование страны.	Производство.	Потребление на душу населения.
Соединенные Штаты. .	240 м. пуд.	60 фунтов.
Канада	18	
Германия.	93	48
Англия	53	60
Австрия	23	18
Франция	42	35
Финляндия	10	32 (по друг. данным 20 ф.).
Россия	16	6 (в 1913/14 г.—7½ фун).

По сортам вся производимая бумага распределяется приблизительно так:

Газетной и печатной	40%
Писчей и почтовой и др.	10%
Обертки и упаковочной	10%
Картона	10%

Для России эти цифры несколько иные:

Печатной	25%
Писчей	12%
Обертки	42%
Упаковочной	
Мундштук, гильзовая и раскурка	11%
Разные сорта	10%

Эта разница объясняется, конечно, условиями культурного развития.

Последнее пятилетие перед войной было временем усиленного развития русской бумажной промышленности: строились новые фабрики, согласно последним требованиям техники, ставились новые более мощные машины взамен устаревших, создавалось производство основных полупродуктов для бумаги—целлюлозы и древесной массы. Производство с 14 милл. пуд. бумаги 1908 г. поднялось к 1914 г. до 23 милл. п., однако далеко не покрывая роста потребления. Недостаток пополнялся ввозом главным образом финляндской бумаги, который с 4 милл. пуд. 1908 г. достиг в 1913 г. почти 8 милл. пуд., при чем ввозимая бумага на 55—60% была писчей и печатной.

Первые 3 года войны относительно мало сократили выработку бумаги; исключая местности, занятые немцами, фабрики дали в 1915—1916 г. около 16 милл. пуд. бумаги и картона, против 17½ милл. пуд., произведенных на той же территории в 1913 году.

Очевидно, строительство в бумажной промышленности не прекратилось сразу с началом войны, и несколько новых машин было пущено в ход в 1914—1915 г.—они и восполнили падение выработки на других фабриках.

Война предъявила усиленное требование на газетную бумагу; в то же время, в связи с сокращением промышленности и торговли, резко

упало потребление оберточной и наковочной бумаги. Предприятия мелкие и технически негодные, производившие последнюю, начали останавливаться уже в 1916 г., а к 1918 г. большинство из них бездействовало. Производство остальных фабрик прогрессивно понижалось из года в год, в связи с изношенностью оборудования, которое не могло быть ни заменено заграничным ввозом, как это делалось до 1916 г., ни отремонтировано своими силами за отсутствием необходимых материалов, а часто и рабочей силы.

Фабрики, расположенные в теперешних границах Р. С. Ф. С. Р. дали:

в 1913 г.	9 милл. пудов.	1918 г.	4,7 милл. пудов.		
» 1915 »	10% »	» 1919 »	2.6 »		
» 1916 »	10 » »	» 1920 »	2.1 »	»	брутто.
» 1917 »	8 » »				

а нетто менее 2 милл. пуд., из коих около 60% газетной и печатной, около 25% писчей. В том же году удалось ввезти через Эстонию около полмиллиона пудов газетной и печатной. Затребовано было Госиздатом (кроме других потребителей) 2 милл. 800 тыс. пудов; из них разрешено комиссией использования лишь 1.477 тыс. пуд., а фактически отпущено около 1.100.000 пуд.

Требования всех учреждений на бумагу для первой трети 1921 г. определяются свыше 800.000 пуд. в месяц; требования, очевидно, умеренные, дающие лишь три с четвертью фунта в год душевого потребления. Производственная программа Главбума рассчитана на производство не менее 300 тыс. пудов в месяц; фактически же январь дал 155 тыс. пуд., февраль 213 т. п. бумаги; очевидно, задания программы являются не легко и не скоро достижимыми.

Где же искать выхода из кризиса: в особом ли нажиме на Главбум, или в закупке бумаги за границей?

До осени 1920 г. закупка за границей была исключена условиями блокады, и мы должны были производить бумагу на своих фабриках во что бы то ни стало. Вот печальные результаты этой работы:

На каждые 100 п. бумаги израсходовано	53 п.	целлюлозы.
» » » » » »	43 »	древ. массы.
» » » » » »	9 »	тряпья.
» » » » и приблизительно	25 »	обрезков бумажн.
Расход топлива	5	кубиков (куб. саж.).

Если только указанные материалы и топливо расценить, как валюту по экспортным ценам 1913—1914 г., мы получим расход на 1 п. бумаги 189 к. золотом. Проклейка сукна, сетки, смазочное масло, ремни, ремонтные материалы по той же расценке стоят около 30 коп., и того уже 2 р. 20 к.; между тем средняя цена для таких бумаг в 1913—1914 г. была не выше 2 р. 20 к. (конечно, без пошлины). А на это производство мы, кроме всего, затрачивали труд 20.000 чел. рабочих и служащих;

не считали и расходы на износ оборудования. Даже для лучших фабрик вследствие их неполной работы расход топлива составлял 3 кубика на 100 п. бумаги в то время, как в 1913 г. в среднем для всех фабрик он был не свыше $1^1/_2$ куб.

Вступая теперь в товарообмен с заграницей, руководители народного хозяйства должны решить, какие продукты республика будет производить на своих фабриках и заводах, и какие экономически целесообразнее получить извне, факт существования того или другого предприятия в старой России с ее «отечественной» промышленностью и покровительственными пошлинами еще не доказывает, что эти предприятия имеют право требовать затраты материальных средств и рабочей силы из обще-государственного фонда. Особенно при длительном недостатке топлива, сырья, строительных и ремонтных материалов каждой отрасли промышленности нужно доказать свое право на существование, возможностью и уменьем произвести продукт достаточно экономно, близко к заграничным нормам. Живучи старые привычки: раньше плакали перед начальством о пошлинах и воспособлениях российские промышленники; ныне ходатайствуют о сверхударности, пайках и проч. главки и центры—и каждый старается «урвать», не считаясь с тем, что это рвачество закрывает пути к преодолению царящей разрухи.

Мы и ставим основной вопрос: жизнеспособна ли бумажная промышленность в России, в какой части жизнеспособна, чего можно от нее ждать и, в зависимости от этого, что нужно для нее сделать?

До 70-х годов прошлого века бумага в России (как и за границей) вырабатывалась только из тряпья; фабрики строились там, где было местное тряпье, или куда его можно было подвезти. Размол тряпья требует много силы, поэтому старались использовать водяную силу; фабрики были небольшие, считавшие свое производство тысячами, много десятками тысяч стоп писчей бумаги.

Применения для выработки бумаги сначала древесной массы, а затем целлюлозы совершенно изменили условия существования бумажной промышленности. К XX веку тряпка, как основное сырье, была на 90% заменена гораздо более дешевыми суррогатами, а для производства их необходим, как основное сырье, лес. — преимущественно молодая ель. Новые экономные паровые двигатели освобождали промышленность от непременной зависимости от водяной силы, массовое потребление (особенно газетной бумаги) обеспечивало создание крупных предприятий с производством сотен тысяч и миллионов пудов в год, а такие предприятия могут существовать лишь в непосредственной связи с жел.-дор. транспортом. Рост промышленности благодаря суррогатам виден из следующих цифр: в 1875 г. производство бумаги во всей Европе оценивалось в 47 миллионов пудов, в 1900 г. 145 милл., в 1910 г. 300 милл. пуд.

В России этот процесс запоздал в связи с нашей общей технической и культурной отсталостью, благо покровительственные пошлины без

особых забот обеспечивали барыши владельцев. Только эти пошлины и поддерживали—искусственно и в ущерб нормальному росту промышленности — существование мелких фабрик, разбросанных в старых, потерявших свое былое значение, тряпичных районах, или построенных лесовладельцами вдали от жел. дорог для использования собственных лесов, не находивших в свое время сбыта. Бумажные фабрики давно уже должны были передвигаться ближе к северу, где только и сохранились мощные запасы основного сырья для производства целлюлозы и древесной массы, без которых нельзя серьезно говорить о рациональном производстве бумаги. Целлюлоза получается путем химической обработки рубленого в щепку елового дерева (варка паром в котлах под давлением, с сернистой кислотой), для древесной массы та же елка истирается чисто механическим путем на жерновом камне. Волокно древесной массы мелкое, плохо сволачивается, поэтому для выработки самой невысокой бумаги (газетной) нужно добавлять не менее 20 процентов целлюлозного волокна (или тряпичного). Стоимость производства древесной массы почти вдвое ниже стоимости целлюлозы; тряпичная полумасса обходится значительно дороже целлюлозы. Следовательно мы должны возможно сократить расходы целлюлозы. Но это возможно лишь в том случае, если древесная масса идет в бумагу сырая, сразу после истирания или по крайней мере *с папмашины*. Если же древесную массу приходится перевозить далекое расстояние, ее приходится сушить. Помимо того, что сушка, упаковка и транспорт стоят дорого, не менее 30% себестоимости продукта, понижается качество волокна: чтобы сработать бумагу (газетную) из сухой древесной массы, к ней нужно прибавить не менее половины целлюлозы. Поэтому *древомассные заводы надо ставить обязательно при бумажных фабриках* выгоднее и целлюлозу перерабатывать на месте. Следовательно, говоря о бумажных фабриках, мы должны иметь в виду главным образом *комбинированные* предприятия: *производство бумаги и тут же производство целлюлозы и древесной массы*.

Первые шаги к созданию таких предприятий и были сделаны незадолго перед войной. На месте сгоревшей устарелой Окуловской фабрики (Новгородской губ.) построена новая, согласно всем требованиям техники; на Неве поставлена норвежцами Дубровская фабрика специально для газетной бумаги с машинами, дающими 1.500—1.800 пуд в сутки каждая, такая же машина поставлена на Голодаевской фабрике в Петербурге; вырос новый Сухонский район с производительностью свыше $1^1/_2$ милл. пуд. целлюлозы и 5-ю бумажными машинами, создана новая фабрика на Северном Урале с машиной на 500.000 п. в год. Если к этому перечню добавить две хороших петербургских фабрики (Коммунар и Красногородскую), Каменскую (Тверской губ.) вблизи лесных массивов и Тронцко-Кондровскую (Калужской) с большим штатом высоко квалифицированной рабочей силы, специализировавшуюся на производстве высших сортов, будет исчерпано почти все жизнеспособное в русской бумажной промышленности. Дальнейшее ее развитие

должно базироваться исключительно на новом строительстве, в новых районах линии Петербург — Пермь, Нижний — Котельнич, на Свири, Вычегде.

Наши природные богатства дают все необходимое для создания мощной бумажной промышленности—прежде всего еловый лес, легко доступные запасы которого в северных губерниях Европейской России больше, чем во всей Западной Европе, обеспечили бы годовое производство пятидесяти миллионов пудов бумаги,—необходимый минимум потребления страны к концу текущего десятилетия. Известняк и серный колчедан имеется в достаточном количестве и в хороших транспортных условиях. *Уже до войны Россия частично вывозила целлюлозу за границу*—безусловное доказательство, что даже в тогдашних условиях (покровительственных пошлин и общей дороговизны жизни) лучшие предприятия были способны конкурировать на мировом рынке основным суррогатом—целлюлозой.

Производство бумаги даже на лучших новых фабриках обходилось (по приблизительным расчетам) в массовых сортах процентов на двадцать дороже заграничного. Но это зависело, главным образом, от тех же пошлин на ввозимое оборудование. *Германия на 25% работала бумагу на сырье, ввывозимом из России.* Каждый пуд суррогатной бумаги требует не менее двух пудов дерева. Одна стоимость транспорта этих двух пудов достаточна, чтобы при рациональной постановке дела уравновесить ту экономию, которая обеспечивается в каждом производстве общей высотой промышленного развития данной страны. Предварительные расчеты и определяют среднюю стоимость бумаги на новых фабриках ниже германской. Затраты на оборудование их при годовом производстве 50.000.000 пудов около 220 милл. рублей золотом, т.-е. всего $1^1/_4\%$ общей суммы 17 миллиардов, исчисляемой проектом электрификации на восстановление всей промышленности республики.

Отсюда выводы: *во что бы то ни стало обеспечить новое строительство бумажной промышленности, вводя в общий план его безусловно жизнеспособные существующие предприятия.* Последние должны быть срочно отремонтированы, частью технически восстановлены, частью расширены соответственно сырьевым и топливным рессурсам соответственного района, приблизительно на производство 10 милл. пудов бумаги. На них должно быть возложено и выполнение почти всей производственной программы Главбума. Производительность семи крупнейших предприятий: Голодай, Окуловки, Каменская, Сокол, Дубровка, Николо-Навда, Кондровская, имеющих свои целлюлозные и древомассные отделы, была в военное время $4^1/_2$ милл. пудов бумаги, в 1920 г. они дали лишь 1.200 т. п. По своему техническому состоянию они еще способны были дать вдвое больше, но попали в общую кучу бесчисленных «ударных» предприятий и стояли за отсутствием топлива, ремонтных материалов, бесцельно и по крохам раздававшимся толпе ударных ходатаев; и рабочие на них сидели без достаточного продовольствия, без обуви и одежды наравне с рабочими внесенных в производственные

планы, но совсем бездействующих предприятий. *Нельзя, имея ресурсы на десять фабрик, включать в производственный план полсотни*, надеясь, что сорок лишних обойдутся как-то «своими средствами»: имеется строго ограниченный фонд раб. силы, топлива, металла, ремней и пр. Эти сорок лишних невидными путями, но черпают из того же фонда: в результате здоровые предприятия остаются без снабжения, а больные не столько создают ценности, сколько бесполезно растрачивают последние крохи общегосударственных запасов—опасность особенно реальная в связи с передачей части материальных фондов и управления всеми фабриками II и III группы губсовнархозам. Как показывает вышеприведенный расчет, только за истребляемое ими топливо можно получить больше бумаги из-за границы, чем они дают, требуя еще столько же расходов на переработку этого сырья. Поддерживать работу таких отживших устарелых предприятий—величайший ущерб для народного хозяйства. Необходимо их назначить к срочной ликвидации, дабы сорок «тощих коров» не пожрали десять «жирных»: ни сытее, ни лучше они от этого не сделаются. И, наоборот, здоровые предприятия смогут получить от ненужных порядочный запас всяких годных материалов, отдельных машин, напр., те же моторы.

Основных полупродуктов целлюлозы и древесной массы, как видно из производственного плана Главбума, вырабатывается очень мало, но совершенно достаточно по отношению к возможному производству бумаги.

В 1913 г. производилось в пределах царской России 11 милл. пудов целлюлозы и $3^1/_4$ милл. пудов древесной массы. Оставшиеся ныне в советской России целлюлозные заводы дали в 1918 г. 3.772.000 п. целлюлозы (в том числе свыше полмиллиона пудов соломенной). В 1920 г произведено целлюлозы менее миллиона пудов, древесной массы около 800 тыс. пудов. Главные причины — крайняя изношенность оборудования целлюлозных заводов, недостаток топлива и отдельных частей машин на древомассных заводах. В этой области должны быть приняты все меры к полному восстановлению производительности, не щадя никаких усилий, ибо здесь безусловно выгоднее производить полупродукты в России и отнюдь не покупать их за границей.

Поскольку основные бумажные фабрики будут поставлены «во главу угла», снабжение и ремонт в первую очередь коснутся их целлюлозных и древомассных отделов, производство которых может быть удвоено легче и скорее, чем будет закончен ремонт бумагоделательных машин. Получить из-за границы полупродукты по меньшей мере одинаково трудно (или одинаково легко), как и готовую бумагу. Экономически же нецелесообразно перерабатывать дорогую целлюлозу (цена ее по отношению к газетной бумаге в 1913 г. в Германии была 120 к 160) на изношенном оборудовании даже лучших фабрик из неимеющих своих полупродуктовых отделов (как Красногородская, Коммунар в Петербурге); и было бы совсем нелепо снабжать импортными полупродуктами техническое «барахло» вроде Шиловской, Скина и ряда мелких фабрик. Поэтому вместо целлюлозы и бумаги нужно закупать за границей

ницей готовую бумагу. Запасы ее в Скандинавии и Финляндии есть, а цены по последним сведениям прочно падали.

Сколько же ждать бумаги от Главбума в 1921 г.?

В первое полугодие реально не более миллиона пуд.; во-втором полугодии, если будет срочно проведена на деле, а не только в постановлениях, настоящая ударность десяти—максимум двенадцати бумажных фабрик, и им будут отданы все рессурсы бумажной промышленности, с обязательной и срочной ликвидацией всего барахла, именуемого бумажными фабриками,—эти 10—12 фабрик дадут два миллиона пуд.; в 1922 г. они произведут верных 5 миллионов, а при полном благополучии и все шесть.

Если же Главбум обяжут выработать в текущем году четыре или пять миллионов пудов, оставят в производственном плане сорок бумажных фабрик и дадут «всем снабжающим главкам, Н. В. Т. и Н. К. Т. и Н. К. П., как боевое задание, обеспечить эти сорок фабрик топливом, сырьем, материалом, раб. и гуж. силой, продовольствием, спец- и прозодеждой», на всех сорока фабриках за весь 1921 г. будет произведено не больше $2^1/_2$ миллионов, а в 1922 г. весь Главбум будет предан суду за упорное расхищение народного достояния — Ц. К. профсоюза, как идейный руководитель, Главное Управление, как исполнитель, спецы, как попустители и соучастники.

Подчеркиваем еще раз, что писчебумажная промышленность — не мелкое, а крупное производство, с высоким строением капитала: при комбинированном предприятии (целлюлоза, древесная масса, бумага) стоимость одного оборудования в $1^1/_2$ раза выше стоимости годового производства данного предприятия. Количество продукта на одного рабочего в год по проверенным данным финских фабрик за 1915 г. было свыше 2.100 п. бумаги, 3.700 п. целлюлозы, 4.200 п. древесной массы, ценность производства на одного рабочего около 5.000 рублей, средняя производительность одной фабрики 40.000 п. бумаги, между тем финские фабрики, как и вся финская промышленность, далеко отстала по размерам производства от скандинавских и канадских. Ни малым предприятиям II группы, ни тем более полукустарным III группы, в ней места не должно быть.

ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА 1921 ГОД.

М. Шендерович.

К началу империалистической войны печатная промышленность в России в техническом отношении немногим уступала Западной Европе. Ряд крупнейших, великолепно оборудованных предприятий к этому времени имелся не только в Москве и Петербурге,

но и в целом ряде других городов. К сожалению, нет точных сведений, чтобы показать рост и развитие полиграфической промышленности к этому времени.

К учету полиграфической промышленности было приступлено только с момента возникновения Полиграфотдела В. С. Н. Х., но ввиду рассеянности предприятий полиграфической промышленности по всей территории Р. С. Ф. С. Р. исчерпывающего учета еще до сих пор не имеется.

На всей территории Р. С. Ф. С. Р., включая все вновь образовавшиеся самостоятельные республики и области, но далеко неполным данным, находится 1.573 предприятия. Из них в губернских городах 984 предприятия, а в уездах 589, т.-е. на губернские города приходится 62%, а на все уезды 38% всех предприятий.

Все эти предприятия по губерниям распределяются следующим образом:

	Предприятия.			Рабочая сила.			
	В городах.	В уездах.	Всего предприятий.	В городах.	В уездах.	Всего рабочих.	Служащих.
В 43 губполиграфотд. центр. России.	658	367	1.025	31.179	10.288	41.467	2.542
В 12 губполиграфотд. Промбюро Украйны.	156	150	306	4.858	1.760	6.618	920
В 6 губполиграфотд. Промбюро Сибири.	54	10	64	3.011	630	3.641	111
В 4 губполиграфотд. Промбюро юго-востока (об 1 нет сведений).	86	50	136	2.156	1.453	3.609	193
В 3 полиграфотд. автономн. областей и республик (о 3 сведен. нет).	30	12	42	1.428	244	1.672	44
Всего.	984	589	1.573	42.632	14.375	57.007	3.810

Из общего количества 1.573 предприятий на губернские города приходится 62.5%, на уездные 37,5. Рабочей силы на губгорода приходится 74,8%, а на уезды 25,2%, т.-е. на каждое предприятие в городе приходится в среднем по 44 человека на одно предприятие, а в уезде по 24 рабочих.

Бо́льшая часть предприятий сосредоточена, главным образом, в Петербурге и Москве, на долю которых из общего числа предприятий

приходится 334 предприятия или 21% всего количества рабочих, на Москву и Петербург приходится уже 14.537 или 25,5%.

Значение Москвы и Петербурга, как центров полиграфической промышленности, станет еще яснее, если посмотреть, как распределяется основное техническое оборудование в республике. Оказывается, что оборудования на Москву и Петербург приходится 36,4% из всего имеющегося в федерации, при чем в части ротационных машин количество их доходит до 71.5%, а в части словолитных машин—до 90.8%.

Машинное оборудование Москвы и Петербурга:

НАЗВАНИЕ МАШИН.	Всего в федерации.	В Москве.	В Петербурге.	Всего в Москве и Петербурге.	% оборудования.
Ротационн. печатных	174	47	83	130	74.5
Плоских „	3.414	296	799	1.095	32,0
Американских	1.369	90	343	433	31.9
Бостонок	533	—	—	—	—
Ротационные литографск.	26	14	—	14	50.1
Плоских „	645	115	206	321	40.9
Словолитных машин	439	111	323	434	90.9
Всего	6.650	673	1.754	2.427	36.4

Процесс печатания в высшей степени сложен и требует преимущественно высоко квалифицированный труд и применения сложнейших машин разнообразного характера. Все машины, начиная от самых сложных и кончая простейшими, привозились к нам из-за границы, главным образом, из Германии.

Приток нового оборудования прекратился с начала империалистической войны, и уже в 1916 г. полиграфическая промышленность была далеко не в блестящем состоянии. Изношенные части машин уже тогда нечем было заменить, так как и они ввозились к нам из той же Германии; уже тогда остро чувствовался недостаток бумаги и пришлось перейти к худшим сортам, ухудшилась и краска, и все это еще больше разрушало машины и шрифт.

Февральская революция, в связи с колоссальным значением печатного слова в деле революционизирования и руководительства широкими массами, предъявляет к полиграфическому производству громадные требования. Но тут, в связи с все углубляющейся революцией, и выявился во весь рост хищнический характер частной собственности на орудия производства. Чувствуя приближение октября, предприниматели до-нельзя использовывают оборудование печатных пред-

приятий, стараясь на-последок выколотить из них возможно больше прибыли.

Полученное в наследие оборудование полиграфического производства, рассеянное по всей России, в большинстве по мелким предприятиям, поражает колоссальным количеством систем и размеров печатных машин старого типа, при чем бо́льшая часть составляют маленькие размеры.

До сих пор еще не представляется возможным указать точно, каким количеством типографских машин располагает полиграфическая промышленность, так как типографское оборудование, находящееся в ведении военного ведомства, начало учитываться только к концу 1920 года.

В 1920 г. полиграфическая промышленность располагала следующим машинным оборудованием:

Ротационных типографск.	174 маш
Плоских „	3.414 „
Американок	1.369 „
Бостонок	533 „
Ротационных литографских	26 „
Плоских „	695 „
Всего.	6.211 маш.

Таким образом в смысле машинного оборудования полиграфическая промышленность в 1920 г. располагала 6.211 машинами. Если сопоставить это количество с тем количеством машин, которое было в России в 1913 году (в пределах нынешней территории 7.009 машин), то оборудование в целом уменьшилось за это время на 11,1%. Такое уменьшение вполне естественно, если принять во внимание то количество типографского оборудования, которое было уничтожено на фронтах нашей трехлетней гражданской войны.

Из всего этого количества машин в 1920 г. работало:

РОД МАШИНЫ.	Работ.	Не работ.	Всего маш.	% не работ.
Ротационные типографск.	118	56	174	32,7
Плоские	2.523	891	3.414	20,0
Американки	731	638	1.369	46,7
Бостонки	173	360	533	67,5
Ротационные литографск.	16	10	26	37,4
Плоские	465	230	695	33,0
Всего.	4.026	2.185	6.211	35,1

То-есть из общего числа 6.211 машин в 1920 г. 2.185 печатных машин или 35,1% не работало. В области словолитных машин, кото-

рых в 1920 году имелось 439, всего работало 48 машин или 11%. Что касается наборных машин, то во всей республике на 1920 г. по неполным сведениям числилось 344. Из них всего работало 186, не работало 158 или 45,9%.

Причины бездействия такой массы машин кроются, главным образом, в изношенности типографского оборудования, но, главным образом, в отсутствии достаточного количества рабочей силы. В настоящее время в полиграфической промышленности недостает до 50% рабочих, а в словолитном деле до 80%. Империалистическая, а затем гражданская война, беспрерывные мобилизации и все ухудшающиеся продовольственные условия, в связи с особенной вредностью печатного производства, повысившей смертность[1]) среди печатников, и привели к распылению рабочей силы. Даже в 1920 году процесс уменьшения рабочей силы не прекратился, что видно хотя бы из того, что на 23 крупнейших петербургских предприятиях, представляющих сейчас почти всю петербургскую полиграфическую промышленность, на 1 января 1920 г. состояло 4.447 рабочих, а на 1 декабря того же года имеется уже 3.995 человек, при чем это уменьшение идет, главным образом, за счет квалифицированных рабочих, которых на 1 января 1920 г. было 3.798, а на первое декабря того же года всего 3.095, т.-е. за этот год квалифицированная рабочая сила в 23 указанных предприятиях уменьшилась на 18,6%.

Сокращение рабочей силы происходит не только в центре, где особенно тяжелы продовольственные условия, но и в провинции. Так, в Саратове, где до войны числилось более 1.800 рабочих:

к 1 января 1919 г. было	1.482	челов.
на 1 декабря 1919 г. „	1.017	„
„ 1 марта 1920 г. „	953	„
„ 1 июля 1920 г. „	827	„

[1]) Исключительная вредность полиграфического производства выдвинула типографщиков на первое место по смертности от чахотки. Как увеличилась смертность среди типографщиков, в связи с ухудшившимся питанием, можно проследить на девяти крупнейших московских типографиях, которые в санитарном отношении, по сравнению со всей федерацией, находятся в более благоприятных условиях. За 11 месяцев с июня 1919 г. по 1 мая 1920 г. умерло:

Типография.	Общее колич. рабочих.	Умерло.	% умерших.
1-я Государ. . . .	1.836 чел.	174	9,5%
2-я „ . . .	550 „	62	11,2%
3-я „ . . .	671 „	89	13,9%
4-я „ . . .	288 „	17	5,9%
5-я „ . . .	361 „	37	10,1%
6-я „ . . .	438 „	28	6,7%
7-я „ . . .	285 „	27	9,3%
8-я „ . . .	279 „	7	2,5%
9-я „ . . .	89 „	3	3,0%
Всего. . . .	4.800 чел.	444 чел.	9,2%

т.-е. за 6 мес. 1920 г. произошло дальнейшее уменьшение рабочей силы, по сравнению с концом 1919 г., на 18,6%.

Все уменьшающаяся рабочая сила и есть одна из главных причин бездействия такой массы типографского оборудования и этим, главным образом, и объясняется то явление, что на 1921 г. количество работающих машин уменьшилось на 7,3%, т.-е. 3.752 работающих машин в 1921 году против 4.026 работающих машин в 1920 году.

Переходя к вопросу о производительности труда сейчас в полиграфическом производстве, безо всякого сомнения, должно констатировать, что она, по сравнению с довоенным временем, пала, но далеко не в такой мере, как это принято думать в широких кругах. Выше касаясь технического оборудования уже отчасти было указано, в каком состоянии полиграфическая промышленность перешла в ведение рабочих. Полиграфическая промышленность, требующая сложнейшие машины, начала разрушаться еще задолго до февральской революции. Это особенно можно проследить на одной из важнейших отраслей полиграфической промышленности—в словолитном деле. Так, две крупнейшие словолитни б. Лемана и Бертгольда дают следующую картину производства за последние 10 лет:

	Выработка в пудах:	
Года.	Леман.	Бертгольд.
1911	25.168	22.511
1912	28.471	23.375
1913	26.338	25.670
1914	24.901	21.537
1915	12.704	6.647
1916	10.221	5.900
1917	8.856	6.807
1918	3.950	3.897
1919	3.225	1.376
1920	5.289	не работала

Такое же соотношение и в других словолитнях.

Всего в настоящее время во всех словолитнях годовая выработка равняется 12.000 пудам, что составляет только 10% мирного времени, когда годовая выработка равнялась 120.000 пудам. Такая малая выработка объясняется тем, что из всего количества 269 отливочных машин и 170 воспомогательных всего работало 41 машина, т.-е. всего 8,1% всех машин. Причины те же, что и в отношении всего оборудования полиграфической промышленности, т.-е. отсутствие рабочей силы.

Нет точных данных, чтобы судить, насколько понизилась производительность в других отраслях полиграфической промышленности. Разнообразие выполняемых работ и разбросанность типографий по всей территории Р. С. Ф. С. Р. в высшей степени затрудняют этот подсчет. Приблизительным показателем в этом отношении может служить количество бумаги, переработанной в типографиях.

В мирное время всеми типографиями бывшей Российской империи перерабатывалось около 12 миллионов пудов бумаги. Производствен-

ная программа в 1920 г. была рассчитана на переработку около 3-х милл. пудов. Задание, как будет видно ниже, не только всеми выполнено, но во многих местах, главным образом, в провинции, переработана на 50 и больше процентов, и в общем переработано около 4 миллионов пудов, что составляет одну треть мирного времени.

Только в Москве за 1920 год было выполнено разных работ в экземплярах:

Газет: „Известия В. Ц. И. К."	106.000.000	экземпл.
„ „Правда"	75.000.000	„
„ „Беднота"	150.000.000	„
„ „Коммунистический Труд"	22.000.000	„
„ „Гудок"	22.000.000	„
„ „Известия М. И. О."	6.500.000	„
„ „Экономическая Жизнь"	15.000.000	„
Всего	396.500.000	экземпл.
Журналов	1.975.000	
Книг и брошюр	53.806.000	
Плакатов	10.375.000	
Разные работы: книги, блан. и пр. акц. работы	520.775.000	

Что касается выполнения остальными полиграфотделами задания за 1920 год, то, как видно из приводимых ниже цифр, оно везде перерабатывалось.

ГУБЕРНИИ.	Годовое задание в тысяч. оттисков.	Выполнено за 6 мес. в тысяч. оттисков.	% выполнения.
Петербургские типографии	528.809	334.344	60,0%
Петербургские литографии	15.606	3.013	20,5%
Петербургские словолитни	4.800 п.	2.196	45,7%
Московские типографии	684.000	351.447	51,3%
Московские литографии	52.248	27.236	52,1%
Орловская	49.300	32.800	66,5%
Архангельская	13.500	7.491	55,0%
Воронежская	42.700	28.096	65,8%
Псковская	15.000	7.920	53,0%
Владимирская	18.000	11.500	63,8%
Казанская	17.065	9.555	56,0%
„ словолитня	240 п.	177 п.	73,0%
„ переплетная	968 т.	1.869 т.	194,0%

Переходя к вопросу о производительности отдельной машины, и здесь должно констатировать, что по сравнению с мирным временем, конечно, наблюдается понижение, но далеко не в таком размере, как многие думают, при чем падение это тесно связано с характером машины. Чем сложнее машина, тем больше она износилась, и при отсутствии ремонта, который не производился уже в течение шести лет, тем больше падала ее производительность.

Так, в типографии бывш. Левенсона:

В 1914 году	1	плоская	машина	в	день	выпуск.	5.000 отт.	100,0%
„ 1919 „	1	„	„	„	„	„	3.467 „	69,3%
„ 1920 „	1	„	„	„	„	„	3.447 „	68,9%
„ 1914 „	1	ротацион.	„	„	„	„	25.000 „	100,0%
„ 1919 „	1	„	„	„	„	„	20.578 „	82,2%
„ 1920 „	1	„	„	„	„	„	23.800 „	95,2%

То же самое можно видеть и на работе тип. бывш. Машистова в Москве, где производительность по сравнению с 1916 годом для плоских машин понижается на 14,2% и для ротационных на 11,3%.

Год.	Общее колич. проход. оттисков в году.	Колич. оттисков плоских машин за год.	Колич. оттисков ротац. машин за год.	Колич. машино-дн. в году. плоск.	%	ротац.	%	Колич. оттиск. 1 маш. в день плоск.	%	ротац.	%
1916	16.242.333	11.172.557	5.069.776	2.892	19,0	834	100	2.870	100	6.078	100
1917	12.297.338	7.703.943	4.593.395	2.878	73,9	805	96	2.677	93.3	5.706	93.8
1918	7.522.089	5.253.009	2.269.080	2.268	59.2	484	58	2.316	80.1	4.688	77,1
1919	3.827.130	3.064.430	762.700	1.438	31.8	171	20,5	2.131	74,2	4.460	73.3
1920	2.486.777	2.168.677	318.100	898	23,0	59	7	2.415	84.8	5.391	88.7

Совсем другое замечается в отношении наборных машин 13 тип. бывш. Рябушинского; выработка наборных машин по сравнению с 1914 годом равняется всего 36%.

Год.	Колич. рабоч. машин.	Выработка всех машин в 1 мес. кол. букв.	Прих. на 1 мес. колич. букв.	%
1914	11	12.250.000	1.113.636	100
1918	8	5.000.000	625.000	44
1919	5	2.600.000	520.000	53
1920	6	2.400.000	400.000	36

Из всего сказанного ясно, что говорить о развале полиграфической промышленности не приходится. Конечно, выработка полиграфического производства в размере 30% мирного времени слишком недостаточна, чтобы хотя в минимальной степени покрыть потребности республики в печатном слове. При тех колоссальных просветительных задачах, которые поставила себе рабоче-крестьянская власть, понятны требования, предъявляемые всеми к полиграфическому производству. Но выполнение этих требований возможно только при наличии ряда материалов, по меньшей мере основных, как бумага, краска и вальцевая масса, без которых никакое задание не может быть выполнено.

Сложность и разнообразие производственных процессов в полиграфическом производстве требуют множества разнообразнейших материалов более 2.000 названий.

Что касается бумаги, то помимо все ухудшающегося качества при годовой потребности в 1920 году около 3.000.000 пудов, что составляет 250.000 пудов бумаги на каждый месяц, годовая выработка бумаги Главбумом в 1920 году была немногим больше 2.000.000 пудов, при чем не все это количество идет на переработку в типографии, так как в это же количество входит конторская и техническая бумага.

Большая часть бумаги оставалась в Москве и Петербурге, которые одной только газетной бумаги в 1920 году получили 694.000 пудов: Москва 530.000 пудов и Петербург 164.000 пудов. Провинция получила незначительную часть, пользуясь в лучшем случае остатками, архивной бумагой, а в большинстве—прибегает ко всяким бумажным суррогатам, которые помимо того, что ухудшают печать, разрушающе действуют на страшно изношенный типографский инвентарь.

В течение 1920 года по данным Госиздата отпущено было печатной и газетной бумаги:

По ордерам	443.402	пуда.
„ нарядам	154.682	„
Моск. газетам	530.000	„
Петербургск. газетам	164.000	„

Всего за 1920 год отпущено 1.291.084 пуда, что в среднем на каждый месяц дает 107.590 пудов, т.-е. бумага ежемесячно отпускалась на 142.410 пудов меньше месячной потребности.

Другим основным продуктом для полиграфической промышленности является краска. При годовой заявке на 62.000 пуд. в 1920 году было отпущено краски 20.781 пуд или 34%.

Выработка же краски Главкраслаком, помимо страшно низкого качества, далеко не покрывал даже тех 34%, которые были отпущены в 1920 году. За 8 месяцев 1920 года, т.-е. январь—август, всего было выработано фабриками Главкраслака 5.363 пуда, или в среднем по 695 пуд. в месяц, что составляет около 13,9% месячной потребности. И только после того, как была создана особая наблюдательная комиссия, производство красок значительно увеличивается и качество лучшается.

Выработано за	сентябрь	980 пуд.	больше на	40%
„	„ октябрь	1.380 „	„ „	97%
„	„ ноябрь.	2.287 „	„ „	227%
„	„ декабрь.	3.588 „	„ „	413%
	Всего . . .	8.235 пуд.		

или в среднем на каждый месяц приходится по 1.133 пуда, т.-е. уже 22% месячной потребности.

Поскольку с типографской краской к концу 1920 г. стало наблюдаться определенное улучшение, что сейчас же отразилось на качестве печати, постольку вопрос с литографской краской продолжает стоять во всей остроте. Главкраскалаком литографская краска почти не производится, и если в этом отношении не произойдет никакого изменения, то дальнейший выпуск агитационных плакатов окажется почти невозможным.

Огромную роль в полиграфическом производстве играет вальцевая масса, посредством которой краска, накатываясь равномерно на шрифт, дает ясную и отчетливую печать. На весь 1920 г. требовалось этой массы 9.600 пудов, а отпущено было 3.258, т.-е. только 33,9%. Такой незначительный отпуск вальцевой массы привел к тому, что валы теперь переливают из простого клея, без желатина, которые благодаря такому составу не только быстро изнашиваются и крошатся, но, что самое главное, сбивают шрифт и дают невозможную печать, наблюдаемую в последнее время.

Что же касается других продуктов, играющих существенную роль в полиграфическом производстве, то только в части масла удовлетворение поднималось в 1920 г. до 60%, зато по ряду таких существенных материалов, как клей, уже всего было отпущено 2% потребности, а отпуск желатина равняется нулю.

Из вышеуказанного видно, как шло снабжение материалами полиграфической промышленности в 1920 г. И если все же в 1920 г. удавалось относительно удовлетворить колоссальные требования республики в печатном слове, то это больше достигалось, благодаря еще кой-где уцелевшим остаткам необходимых материалов и за счет все ухудшающегося качества печати.

Производственные возможности полиграфической промышленности на 1921 г. представлены производственной программой полиграфотдела В. С. Н. Х.

Основанием для составления производственной программы послужили нормы, выработанные тарифно-нормировочным отделом союза и данные о техническом оборудовании и наличии рабочей силы всего полиграфического производства, при чем программное задание имеет в виду, главным образом, наборное отделение и печатную типо-литографскую машину, считая все остальные отделения вспомогательными.

Таким образом 3.752 типографские работающие машины должны в 1921 г. дать, согласно производственному заданию, оттисков в тысячах:

90	типографских ротационных . . .	1.036.800
2.211	„ плоских.	2.547.072
785	американок.	813.888
378	бостонок	163.296
5	литографских ротационных . . .	8.640
283	„ плоских.	234.731
	Всего.	4.804.427 тыс. оттисков.

или 4.571.056 тысяч типографских оттисков и 243.371 тысяч литографских.

Всеми наборщиками, работающими в данное время во всех предприятиях республики в числе 13.259 человек, предположено, согласно заданию на 1921 год, набрать 17.821.440 тысяч букв.

Значительная часть намеченной программы своим исполнением сосредоточивается, главным образом, в Москве и Петербурге. Так, из общего количества в 4.571.056 тысяч типографских оттисков на долю Москвы и Петербурга приходится 1.381.478 тысяч или 30,2%, при чем этот процент значительно увеличивается в части работ ротационных машин, дающий для Москвы и Петербурга 70% всего задания по ротациям всей республики. Литографских оттисков для Москвы и Петербурга 105.338 тысяч из общего количества 243.371 тысяч или 43%.

Необходимо отметить, что, по сравнению с производственной программой 1920 г., в 1921 г. количество оттисков намечается на 45,5% больше, чем в 1920 г., несмотря на то, что количество работающих машин уменьшилось в 1921 г. по сравнению с 1920 г. на 7.3%:

4.026 работ. машин в 1920 г. . . . 3.314.100 тыс. оттисков.
3.732 „ „ „ 1921 „ . . . 1.804.427 „ „

Это увеличение производственной программы на 1921 год оказалось возможным потому, что норма для печатной машины была тарифно-нормировочным отделом сильно увеличена с 2.000 до 1.000 оттисков в день.

Выполнение намеченной программы полиграфического производства на 1921 г. полностью обеспечено тем техническим оборудованием, которое сейчас в ходу.

Помимо технического оборудования исполнение программы 1921 г. требует ряд материалов, из которых основными являются бумага, краска и вальцевая масса. Бумаги потребуется на 1921 г. 3.162.261 пуд., краски 62.000 пуд. и вальцевой массы 10.300 пуд.

Но если принять во внимание, что материалы для своего производства полиграфическая промышленность сама не вырабатывает, и пользуется в своем производстве материалами, изготовляемыми другими главками, то очевидно, что ее выполнение будет еще зависеть от того, в какой мере полиграфическая промышленность будет снабжаться всеми необходимыми для производства материалами.

Между тем перспективы в смысле обеспечения полиграфической промышленности необходимыми материалами в высшей степени не опре-

делены. Что касается бумаги, то в течение первой четверти 1921 г. выработка не только не увеличилась, даже несколько понизилась по сравнению с концом 1920 г. В последнее время бумажный вопрос приобрел особенную остроту и, очевидно без ввоза определенного количества бумаги, вопроса не разрешить.

Что касается краски, то начавшееся улучшение в конце 1920 г в связи с топливным кризисом не только приостановилось, но даже понизилось:

В октябре 1920 г.	выработано краски	1.380 пуд.
„ ноябре „	„ „	2.287 „
„ декабре „	„ „	3.588 „
„ январе 1921 г.	„ „	1.980 „
„ феврале „	„ „	3.143 „
„ марте „	„ „	1.958 „

Значительно хуже дело обстоит с вальцевой массой. При годовой потребности вальцевой массы в 10.300 пуд. материалов для изготовления этой массы потребуется:

	На год.	На месяц.
Клею технического.	3.996 пуд.	333 пуд.
Желатину	2.320 „	193 „
Глицерину.	3.350 „	279 „
Кондитерск. брака.	644 „	52 „

Пока же из поданной заявки разрешено клею 2.400 пуд., желатину отказано, а глицерину 1.250 пуд. Надо заметить, что фактически пока что клею удалось получить за три месяца 627 пуд., большего количества клею пока не удалось получить. Глицерину же до сих пор получено всего 300 пуд.

Между тем отсутствие вальцевой массы ставит под угрозой всю полиграфическую промышленность. Помимо ухудшения печати, с наступлением теплоты, приготовленные без желатина валики начнут плавиться и тогда в полиграфическом производстве может наступить полоса, когда какая бы то ни было печать окажется невозможной.

Полиграфотдел В. С. Н. Х. предвидя все это еще в прошлом 1920 году, подал заявку в Комвнешторг на целый ряд предметов, среди которых был указан и желатин в количестве 2.000 пуд. Желатин из заявки оказался исключенным, а из всей сделанной за границей заявки пока только получены следующие предметы:

Наименование предметов.	Заявка.	Получено.
Тушь литографская.	2.000 пал.	66 пал.
Карандаш.	150 гросс.	4 гросс.
Перья	450 „	7 „
Матриц для линотипа.	230 компл.	10 компл.
Клиньев для линотипа	5.000 шт.	1.740 шт.
Отливн. форма для типограф.	50 „	1 „
Матриц „ „ „	100 компл.	1 компл.

Указанные предметы являются ничтожной частью всей сделанной заявки.

Огромное значение полиграфической промышленности для республики было еще отмечено девятым съездом партии. В принятой резолюции съезд обращает внимание Советской власти на совершенно недопустимое состояние нашей типографской и бумажной промышленности.

Объективные условия, сложившиеся в периоде между девятым и десятым съездами партии, не давали возможности полностью выполнить постановление съезда. В настоящее время в связи с прекращением гражданской войны перед страной встал ряд новых задач по восстановлению народного хозяйства, требующих привлечения широких рабоче-крестьянских масс. Для ознакомления их с аппаратом управления страной и всестороннего ознакомления с коммунистическими формами хозяйственного строительства, нужны новые миллионы книг и другого печатного материала, и эти миллионы книг должна будет дать полиграфическая промышленность.

Возможность выполнения хотя бы намеченного задания на 1921 год по полиграфическому производству целиком будет зависеть от того, в какой мере типографии будут снабжаться необходимыми материалами. Созданная комиссия при Ц. К. партии под председательством тов. Троцкого, имеющая специальное задание по вопросам печати, сумеет, вероятно, найти способ к прояснению перспектив в полиграфическом производстве. Без принятия экстренных и решительных мер перспективы полиграфического производства весьма безотрадны и тогда может случиться, что выработка в 1921 году окажется значительно ниже выработки 1920 года.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ.

Вад. Смушков.

Вопрос о распределении литературы имеет свою довольно сложную историю, все перипетии которой идут параллельно всем переменам в области организации издательского дела. Только учреждение Государственного Издательства во всей полноте поставило вопрос о том, что издаваемая по определенному плану литература должна по плану же и распределяться, тогда как до сих пор никто не заботился и не мог позаботиться о систематическом планомерном снабжении. Но если мы имеем в конце 1919 г. Государственное Издательство, как государственный аппарат производства книги, то все же не было еще единого библиотечного аппарата и нужно было создавать такие условия, которые обеспечили бы, при наличности распыления просветительной работы, планомерное снабжение. И естественно, что этот орган распределения мог существовать лишь при Госуд. Издат., как органе, объединяющем в себе производство книги.

Так возник Ц. У. Р. К., как междуведомственная центральная учетно-распределительная комиссия, в состав которой вошли представители всех ведомств, заинтересованных в распределении книг. Ц. У. Р. К. просуществовал с ноября 1919 г. по апрель 1920 г., когда по декрету Совнаркома функции учета были у него отняты и переданы другой комиссии (Ц. Р. К.). И Ц. У. Р. К. и Ц. Р. К. состояли при Госуд. Издат. и были междуведомственными комиссиями, не имеющими никакого технического аппарата. Это не давало возможности наладить организационную работу и руководить работой «Центропечати». Вообще, отношения и отчасти борьба с «Центропечатью», не желавшей признавать над собой ни руководства, ни контроля, играют не малую роль в истории Ц. Р. К.

Не имея никакого аппарата, Ц. Р. К. мог только установить общие принципы распределения, передав всю работу по существу в Центропечать. Если в центре еще можно было следить за выполнением плана распределения, то на местах вся работа ускользала из-под контроля Ц. Р. К., так как местные учетно-распределительные комиссии были всецело в распоряжении агентов Центропечати.

За период с апреля по август 1920 года Ц. Р. К. сделал очень мало, и вполне понятно почему: не было ни юридических, ни практических основ для работы. Только с осени работа начинает налаживаться. С одной стороны, Государственное Издательство окончательно объединяет в себе всю издательскую работу, с другой — организуется Главполитпросвет и переходит к разработке системы библиотечного строительства.

В этот период Ц. Р. К. от установления общих норм снабжения переходит к фактическому распределению и контролю над распространением литературы. По аналогии с организацией Госуд. Издат. при Ц. Р. К. учреждаются секции для распределения специальной литературы (прежде всего сельско-хозяйственной). Секции возникают постепенно, к ним переходит распределение отдельных видов литературы по планам, утверждаемым Ц. Р. К. [1]). Вся литература по мере выхода распределяется президиумом Ц. Р. К. по основным группам или передается в секции. Каждая книга (вновь выходящая или из старых запасов) просматривается в президиуме Ц. Р. К., где определяется, для какой категории библиотек и групп читателей данная книга годна. Особенно тщательно эта работа производится в отношении старой литературы, в большом количестве поступающей с различных частных складов. Здесь перед президиумом встают две задачи: 1) отбросив весь ненужный хлам, сдать его в Главбум и 2) определить удельный вес каждой книги, найдя каждой из них место в библиотеке. Если мы возьмем сравнительную таблицу распределения книг старых и новых, то мы увидим, что *общее количество новых книг превышает число старых. Но по числу*

[1]) В настоящий момент всех секций 5: сельско-хоз., проф.-техн., научн., учебно-педагогическ. и секция периодич. печати.

заглавий старых книг распределено гораздо больше. Это обстоятельство больше всего указывает на сложность работы, особенно принимая во внимание полное отсутствие в распоряжении Ц. Р. К. рецензирующего аппарата, когда вся работа падала целиком на сотрудников Ц. Р. К. Небольшая таблица дает довольно ясную картину работы:

I. Распределение за октябрь 1920 г.:
   а) старой литературы: 164 назв. 438.797 экз.
   б) новой литературы: 78 назв. 2.430.290 экз.

II. Распределение за февраль 1921 г.:
   а) старой литературы: 203 назв. 287.478 экз.
   б) новой литературы: 45 назв. 1.425.815 экз.

Общее число распределенных через Ц. Р. К. книг за год работы равно приблизительно 25 миллионам экземпляров при трех тысячах названий. Сюда не входит специальная литература, распределенная через секции. Через некоторые из них (профессионально-техническую, сельско-хозяйственную) было распределено также большое количество, в общем достигающее десяти миллионов экземпляров. Из секций наиболее жизненными были те, которые имели в своем распоряжении технически-налаженный аппарат. Это давало им возможность точно придерживаться выработанных норм снабжения, не полагаясь на «Центропечать». Одна из этих секций—*профессионально-технической* литературы пользовалась аппаратом Главпрофобра, другая — *сельско-хозяйственная* территориально прикреплена к складу и издательству Наркомзема. Обе эти секции по существу независимы в работе от Ц. Р. К. и их существование более реально, чем существование последнего.

Отдельно необходимо выделить секцию *периодической печати.* Она была учреждена всего четыре месяца тому назад в результате борьбы с Центропечатью за распределение газет и журналов. Распределение газет велось Центропечатью совершенно бессистемно, разверстка производилась механически, журналы совершенно не учитывались и распределялись неизвестно кем и как. Секции пришлось проделать большую работу, в результате которой выработаны твердые нормы распределения газет. В небольшой статье невозможно остановиться подробно на вопросе о распределении газет. Достаточно указать, что до сих пор огромное количество газет распределялось без всякого учета Центропечатью, Агитпунктами и военн. бюро Пура при Центропечати, тогда как деревня не получала ничего или в лучшем случае крохи, не попадавшие ни в библиотеки, ни в избы-читальни. Внимательный учет всех групп населения показал, что даже при пышном тираже газет («Известия В. Ц. И. К.»—350 тыс., «Правда»—250 тыс., «Беднота»— 600.000), можно удовлетворить не только советские учреждения, но и рабочих и крестьян. Новый порядок распределения газет при непременном ограничении числа газет для городов, в первую очередь для Москвы (получающей «Известия В. Ц. И. К.»—23,7%, «Правду»—19,7% «Комтруд»—64,9%[1])

[1]) Сведения за январь 1921 года по данным Центропечати.

даст значительное количество для деревни. Параллельно с этим секцией принят проект принудительного возвращения использованных газет для отправки их в деревню. По этому проекту каждая основная категория читателей (служащие и рабочие, красноармейцы и учреждения) должна при получении из агентства газет сдавать определенный % обратно на следующий (или на третий) день для отправки газет в провинцию. При достаточно интенсивной работе агентств это мероприятие даст фактическое увеличение тиража на 20—30%. Но, к сожалению, и этот проект, и план новой разверстки пока похоронены—так как Центропечать не может раскачаться и провести эти постановления в жизнь, а Ц. Р. К. не имеет фактической власти ни над Центропечатью, ни над ее агентствами. Стоит только внимательно вчитаться в отчеты отделов народного образования и местных Ц. Р. К., чтобы воочию убедиться в том, что пока Центропечать и ее органы не станут фактически органами Наркомпроса,—до тех пор и речи не может быть об упорядочении дела распределения литературы. Межведомственная организация У. Р. К. (организуемых при агентствах Центропечати) делает их орудием агентств, не считающихся ни с директивами Ц. Р. К., ни с Главполитпросветом, как высшим органом, регулирующим пользование книгой. И Ц. Р. К. и У. Р. К. должны быть превращены в постоянно работающие деловые аппараты, которым Центропечать с ее аппаратами подчинена и подотчетна. Если два года тому назад междуведомственные комиссии были необходимы вследствие несогласованности отдельных ведомств в работе, то теперь жизнь требует коренной реформы. Центропечать, как «Агентство В. Ц. И. К.», уже выполнила свою задачу в предшествующий период, когда при отсутствии сети просветительных учреждений нужно было снабжать провинцию литературой. Этот период изжит, и Центропечать должна быть превращена в экспедицию произведений печати, работающую исключительно по заданиям органов, ведущих просветительную работу. К сожалению, до сих пор не найдена форма, в которую должны вылиться отношения между Центропечатью и органами Наркомпроса. Естественно, что сама Центропечать, как аппарат, должна войти в состав Организационного Центра наравне с отделом снабжения и другими обслуживающими органами. Но это подчинение должно быть исключительно в области технической. Руководство же внутренней работы Центропечати, контроль над ее деятельностью должны быть сосредоточены в органах Главполитпросвета. Если мы возьмем процентное распределение литературы, мы получим следующую таблицу:

В распоряжении Цектрана	10%
В губ. разверстку (для библиотек)	40%
В библиот. коллект. (для новых библ.)	10%
В запас (для индив. выдач)	10%
В всенный коллектор	10%
Москве и Петербургу	10%
Украйне	10%
Итого	100%

Таким образом из всего количества литературы около 70—80% поступают или, вернее, должны поступать в распоряжение Главполитпросвета и его органов [1]). Несколько иначе обстоит дело с учебной (как для единой трудовой школы, так и для. проф.-технич. учебных заведений) литературой, но и здесь порядок организации библиотек для школ определяются центральной библиотечной комиссией, учрежденной декретом Совнаркома при Главполитпросвете. Практика в работе Ц.Р. К. показала, что отдельные ведомства, заинтересованные в распределении книг, принимают участие в работе Ц. Р. К. постольку, поскольку их отношения и % литературы твердо не определены. В чисто организационной работе, направленной к наиболее рациональному использованию книги, в настоящее время наиболее всего заинтересован Главполитпросвет, регулирующий пользование книгой. С другой стороны, Государственное Издательство, как планомерно работающий аппарат, заинтересован не только в производстве книги, но и в ее использовании. Практически до сих пор Ц. Р. К. работал в самом тесном организационном контакте с обоими указанными главками, связывая собой производство и потребление книги. Все же ведомства (а это по большей части ведомства, объединяемые Наркомпросом или еще теснее Главполитпросветом) не могут быть привлечены к работе в равной мере с первыми. Да, кроме того, они все представлены в центральной библиотечной комиссии. Пора перейти к планомерному согласованному снабжению литературой, основанному на принципе коллективного пользования книгой, а это возможно только при том условии, если Ц. Р. К. из междуведомственной комиссии превратится в рабочий аппарат. Необходимыми условиями, определяющими успех его работы, должны быть: 1) наиболее активное участие в его работе и даже руководства Главполитпросвета и Государственного Издательства и 2) превращение Центропечати в центре и на места в экспедиторские подотделы наробразов, выполняющие задания руководящих им политпросветов.

Опыт показал, что Центропечать не может и не должна брать на себя идейное руководство в деле распределения книги, но, к сожалению, до сих пор берется за это, разрушая всякую систему и планомерность, основанную на *внутреннем* содержании работы, а не на *технических* удобствах (мы знаем случаи, когда Центропечать произвольно, не сговариваясь с заинтересованными отделами народного образования, разделяет уезды на части и снабжает их отдельно, нарушая строительство библиотечной сети). До тех пор, пока Центр печать не забудет, что она перестала быть Агентством В. Ц. И. К., а является отделом в Организационном Центре Наркомпроса, до тех пор мы не можем быть уверены в успехе работы.

Пора нам выйти из организационного хаоса и подчинить обслуживающие аппараты руководящим органам. Дело не в формальном

[1]) % взят приблизительно по следующей разверстке: 1) безусловно перех. в распоряж. Главполитупр. литерат. для коллекторов — 20%; 2) из остальной литературы большая часть (особенно по губ. разверстке) поступает в местные политпросветы для библиотек.

подчинении, а в выработке определенных взаимоотношений, точно регулирующих работу. Мы провозгласили лозунг «книга—в библиотеку», но он останется пустым звуком, если в распределении его не будут играть руководящую роль органы, производящие книгу (и производящие ее по *определенному плану*) и органы, ее использующие [1]).

ИСКУССТВО КНИГИ.

Проф. А. А. Сидоров.

Статья первая.

I.

Нет ничего более губительного для всякого дела—культурного, общественного, художественного,—чем убеждение, которое прочно господствовало в России с середины XIX века, — что «все равно как». Об этом писал «интеллигентнейший» Надсон (за точность цитаты не ручаемся): «все равно как, лишь бы было излито Все, чем горящее сердце полно». Следствием было—упадок умения, исчезновение формального совершенства, искусство, сделавшееся вторым сортом, такое, которое могло бы быть лучше.

Для исследователя искусства нет более радостного явления, нежели то внимание к художественной проблеме, которая выявляется Советской властью на каждом шагу. Определенно чувствуется, что «не все равно, как». Трудовая Россия, истосковавшаяся по правде и красоте, в искусстве достижимых, хочет, чтобы было «хорошо», требует «первого сорта». И имеет на это полное право. И должна требовать, чтобы ссылки на трудности переживаемого чрезвычайного момента не влекли за собою возвращения этого «все равно как», в котором без труда угадает марксизм своеобразную «отрыжку» пресытившейся мелкобуржуазной идеологии.

Все сказанное должно быть применено и к деланию книг.—«Но есть разве *искусство* книги?»—спросит недоуменно иной читатель, остановленный заглавием—и снова напомнит своим вопросом страничку из истории русской общественной мысли XIX века, чрезвычайно характерную для всей нашей темы. Чернышевский, как известно, архитектуру, искусство строить здания, за искусство не считал.—Ведь у нее, по его мнению, *прикладная* практическая цель перевешивает. Когда художник-архитектор *украшает* построенный дом, он не является художником-творцом в настоящем смысле слова. «Этак,—по мнению Чернышевского—мы и

[1]) P. S. После того, как статья была сдана в набор, коллегией Наркомпроса принято „положение об управлении по учету, распределению и распространению произв. печати". Управление входит в „организационный центр" и идейно руководится коллегией под председательством лица, назначаемого Главполитпросветом. Центропечать входит в Управление, как отдел-распространения.

искусство повара, который из желе делает всякие формы, должны считать в числе изящных искусств»,—«как будто бы не все равно, что̀ есть, ка̀к приготовлено блюдо».— Очень важно, что мнение это вызвало протест со стороны писателя, который открещивался от всякой «эстетики»—Писарева: «нет, именно потому, что человек не животное, ему не все равно, как приготовлено его кушанье. — Оно должно же быть приготовлено *аппетитно*». — И распространение этого мнения, с которым согласится всякий, бесспорно поможет правильному взгляду на искусство вообще. — Конечно, иной сможет ответить, что голодный не будет смотреть на аппетитность предлагаемого ему блюда. Будет хватать руками и есть сырье. — Но это состояние ненормальное — это раз. А потом—пища может же быть предназначена и для такого человека, который никогда данного блюда не пробовал; — в переложении всех соображений наших на плоскость книжного дела — для такого, который никогда данной книги не читал. — Вот для него абсолютно важно, чтобы блюдо — чтобы книга — были изготовлены «аппетитно». Иначе—отвернется он от них по всей вероятности.—Человек взрослый и сознательный может быть и не отвернется, поскольку он знает, что̀ это *нужно*. Но отвернется ребенок и отвернется в широком смысле народ, который всегда имеет право на то, чтобы его заинтересовали органической «аппетитностью» предлагаемой материальной или духовной пищи.

Думается, что в настоящее время—в этом особенная нужда. В области книжного дела только с содроганием можно вспомнить, что давалось в руки народа. В погоне за рыночной дешевизной предпринимательская издательская лавочка выбрасывала в народ не то что «второй», а пятый и десятый сорт.—Мы не должны удивляться, что уважения и любви к книге у народа нашего не получилось.—Но кто в этом виновен?

Все эти соображения как будто отводят нас в сторону от поставленного вопроса—есть ли искусство книги? Если есть, в чем оно? В украшении? Необходимо разобраться, тем более, что никаких чрезвычайных трудностей не встретится на нашем пути, если мы твердо усвоим себе основные положения современного научного искусствопонимания, которое прежде всего в искусстве видит — *организующее творчество* и как основной признак его выдвигает на первый план понятие *мастерства*. Очень это просто. Произведение искусства есть прежде всего мастерски сделанная вещь. Правда, историк сейчас же оговорится, что «мастерство» бывает в разные времена различное, и зависит от материала в равной степени, как от организующего его человеческого творчества. Дело художника мы понимаем, как вдумчивое углубление в *логику* материала; организация может происходить как путем вдохновения (это и есть «чистое» интуитивное искусство), или путем точного знания (техника). Общие законы всякого творчества объединяют эти оба конца: материал может порою насиловаться своевольным художником (примером да послужит готическая архитектура), но всегда и вечно основным признаком мастерства остается—добиться от материала наибольшей выразительной силы при наименьшей его

затрате. Так мы формулируем основной закон художественной экономии. Иные течения современной художественной мысли определенно считают, что он, закон этот, достижим как раз на пути знания. От «вдохновения» открещиваются всяческие научные футуристы. Но для наших целей это может быть и не важно. Вдохновенная интуиция дает первый толчок. Мастерство же достигается, конечно, только упорной сознательной работой.

Итак, от книги, как от всякого продукта рук человеческих мы вправе потребовать *мастерства*. Она должна быть «аппетитно» сделана. Не «все равно как». Но вопрос об искусстве книги, о специальном, книжном мастерстве мы еще, конечно, и не затронули.

Когда под делом искусства подразумевается дело красоты, и мастерство—в архитектуре ли, в книге ли—отожествляется с *украшением*, нам хочется протестовать и протестовать во имя самого в искусстве ценного — организации материала. Художник — прежде всего творец; он—рабочий, берущий обеими смелыми своими руками самую гущу ему данного сырого вещества, подлежащего оформлению. Горе ему, если вместо решения по существу он этот полученный не обработанный материал сумеет только окутать ленточками своих вымыслов. Мы решились на сравнение с аппетитно изготовленным блюдом. Его тоже ведь можно украсить — воткнуть, как это делалось раньше, в кусок мяса птичье перо. Оно может быть и красиво,—но ни к чему такое украшение, «которого нельзя есть». — Продолжая аналогию, укажем, что история искусства знает закономерное чередование стилей «конструктивных» и «декоративных». Эти последние только «украшают», только «втыкают перья», только повязывают бантики на машинные стержни. Таким стилем был недавно «декадентский», стиль модерн. Но маятник должен качнуться в другую сторону—к настоящей *конструктивности*. Под нею мы понимаем такое художественное созидание, где нет ничего лишнего, где отсутствуют нацепленные для одной красоты бантики. Здесь совпадают красота и польза, красота и пригодность, и начинается то единое мастерство, которое мы вправе выдвинуть во главу угла искусства и культуры наших дней.

Здесь-то и начнется повесть об искусстве книги.

II.

Книга есть прежде всего некий предмет, который должно взять в руки, осмотреть глазами. С точки зрения того конструктивного мастерства, о котором мы только что говорили (теперь в моде словечко «производственное» искусство) не так важно, что книга есть нечто *прикладное*, нечто предназначенное для передачи какого-либо содержания. Может быть даже тем более существенно проследить за тем, чтобы даваемая книгой умственная пища была достойным образом приготовлена. Книга есть инструмент, прибор, машина, которой надо уметь пользоваться: читать. И книга есть еще другое: любимый друг, верный спутник, учитель, советчик. Забота об ее *форме* («внешность» книги есть понятие, связанное с «украшательством»)—есть священная обязанность ее творцов,

Кто же они, настоящие художники книги? В свое время ими считались те, которые снабжают книгу картинками, иллюстрациями, просто украшениями; они работали, зачастую не представляя себе, где и как будут применены их работы к книге. И опять, мы это сознательно отводим в сторону. «Украшатель» не есть «творец». Истинный художник книги это тот, кто имеет дело с ее созиданием: *наборщик, метранпаж, словолитный мастер*. Типография — вот истинная мастерская книжного искусства, и выяснить основы, согласно которым мы только и сможем назвать книгу *мастерскою*, и является задачей предлагаемого опыта.

Начнем с самого начала. Книга есть предмет, который мы воспринимаем держа в руках. В этом есть своя материальная логика. Пожалуй, самое обычное возражение против книжной внешности зависит от того материала, на котором она напечатана. Мы здесь как раз сталкиваемся с такою областью, где самые лучшие наши пожелания могут остаться бесплодными в силу обстоятельств. Бумаги может не быть—не то, что хорошей, а и бумаги вообще. Так и в живописи может наступить момент, когда у художника может не оказаться полотна. Но вопрос о бумаге находится за пределами вопроса об искусстве книги. Самая лучшая бумага не сделает книгу хорошей. И какая бумага вообще лучшая? В свое время, когда торжествовала «эстетика кошелька», когда разбогатевшие «буржуа» расценивали книги прежде всего по их дороговизне, для всяческих «роскошных» изданий употреблялась бумага нарочито толстая, с золотым обрезом, порою так обрезанная, что ее нельзя было переворачивать без боли в пальцах. С другой стороны, бумага слишком тонкая, вроде китайской, очень любимая в иных английских изданиях, не удовлетворяет потому, что она обычно бывает прозрачной, мешает буквам быть четкими, неудобна для перевертывания. Когда мы держим книгу в руке, достаточно неприятно и то, если она слишком тяжела, и то, когда она слишком легка. Имеет значение уже для зрительного восприятия книги *оттенок* бумаги. Бумага слишком белая (обычно-меловая) действует на глаз раздражающе. С другой стороны, читать на цветной бумаге никогда не бывает особенно приятно. Теплый, чуть желтоватый тон, очевидно, наиболее приемлем для глаза. Мы не будем говорить о том, надо ли бумаге быть глянцевитой или матовой. Это определяется специальными целями издания. Конечно, к искусству книги в точном смысле выбор бумаги еще не относится. Но он чрезвычайно важен, как общий фон этого искусства.

Далее идет *формат*. Здесь уже мы ближе к настоящим художественным задачам. Есть специальная отрасль наук об искусстве—так называемая *экспериментальная эстетика*, которая рядом опытов и наблюдений устанавливает, какие и почему соотношения высоты и длины нравятся нам. В свое время старались доказать закон так называемого «золотого сечения». Высота книги должна была так относиться к ширине, как общая сумма ширины и высоты—к высоте. Здесь легко запутаться, и мы не будем тут останавливаться. К тому же общеобязательности закона золотого сечения не удалось доказать. Нам ясно только, что

книги, приближающиеся своим форматом к квадрату нас не удовлетворяют, кажутся слишком широкими. Книги, высота которых приблизительно вдвое больше ширины, кажутся слишком высокими. Наилучший формат где-то посередине, и выбор его решается, конечно, зачастую также в условиях *до*-художественных: какая попалась бумага, как ее пришлось использовать. Иные страны (например, Франция) имели долгое время свои излюбленные форматы, может быть удобные, но, в конце концов, надоевшие. Как бумага, так и формат находятся, конечно, в какой-то связи с текстом. Серьезно научный учебник как-то не похож сам на себя, если он напечатан в карманном размере.

Затем начинается настоящая область книжного искусства. Бумажную страницу данного размера надо покрыть значками, буквами, из комбинации которых сознание читателя сложит слова и облечет их известным значением. Но как их разместить? Как их составить воедино? Работа *наборщика*, первого настоящего художника книги, скромного, невидного ее творца, может быть всего важнее для читателя.

Пустая бумажная страница книги, которая в свое время заполнялась писанием от руки, в условиях современной машинной техники заполняется специально квалифицированными мастерами. Дышащий свинцовой пылью рабочий - наборщик должно быть не всегда сознает, что его труд — преемство того, давно уже умершего искусства средневековых художников — «каллиграфов», чьи рукописи и по сей час доставляют нам одним своим видом самое настоящее художественное наслаждение.

Первая художественная задача, встающая перед мастером книги, это—заполнить, «разыграть» поверхность страницы. Книжное искусство давно уже вполне правомерно сравнивали с архитектурою. Как там, так и здесь на первом плане стоит задача, называемая «архитектонической»: прочно и красиво воздвигнуть стену, расчленить ее какими-либо карнизами и колоннами, дабы сделать ее легче воспринимаемой; дать ей фундамент. Наборщик обычно только с *элементами* книжной страницы имеет дело, он как каменщик кладет букву к букве. Но знающий искусство вспомнит лучшие здания Возрождения в Италии, где ясно и четко показаны один за другим положенные слои камня, мощные глыбы так называемой «рустики» — и должен признать, что работа каменщика, труд наборщика в искусстве книги относятся к организующему мастерству.

От наборщика зависит очень многое.—Мы даем здесь пример правильного и неправильного набора, заимствованный из одной немецкой новой книги.—Было дано (в образцовой школе типографского искусства) набрать слово «Weltgeschichte» (рис. 1)—мировая история. Из букв вначале сложено слово, но оно оказалось определенно неуклюжим. Около буквы «T», в первой половине, слишком много свободного места, слово кажется разорванным. Во второй половине слова буквы слишком тесно стоят одна к другой, а между тем набор произведен верно, и расстояние между отдельными буквами все же одинаковое. Опытный

художник-корректор вносит свои поправки. Вертикальные черточки показывают, что между буквами надо чуть-чуть раздвинуть промежуток (вставлением особых свинцовых кусочков между буквами набора). Крестики под буквами указывают, что данную букву надо заменить другой, чуть поуже или чуть пошире. И получилось слово, действительно, ровное, четкое, безукоризненно выглядящее.

WELTGESCHICHTE

WELTGESCHICHTE

Рис. 1. — Неправильный и правильный набор.

Следующая задача художника книги имеет касательство к тому, что в живописи называется «композицией». Слова и строчки надо как-то *распределить* по странице. Здесь опытный *метранпаж* прежде всего представляет себе каким-нибудь условным чертежом, как будет выгля-

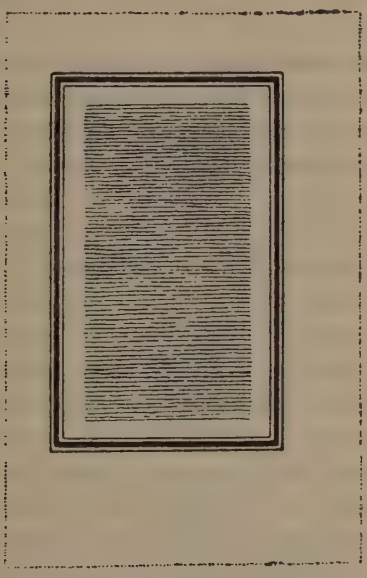


Рис. 2. — Место набора в книге.

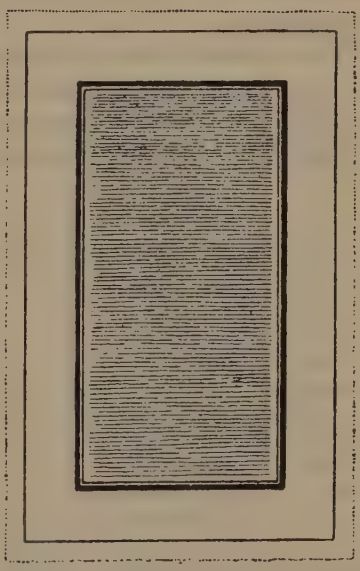


Рис. 3. — Набор поздравительной грамоты.

деть заполненная серыми строками страница. Наши следующие примеры достаточно показательны. Страницу в книге надо по-иному трактовать и воспринимать, чем, скажем, титул или поздравительную какую-либо грамоту. Рисунок 2 показывает (несколько нарочно преувеличивая) положение серой массы набора в раскрытой книге. Если мы представим себе страницу, взятую отдельно, то набор естественнее поместить посредине, располагая его симметрично по центральной оси, отметив черным

место для крупных букв, как это сделано в схематическом наброске поздравительной грамоты (рис. 3). Но страница не воспринимается, как нечто отдельное. Она дополняется своей соседкой. Наш схематический чертеж показывает *правую* страницу раскрытой книги. Набор сдвинут налево вверх: и это для того, чтобы картина набора приобретала свое последнее художественное воплощение в комбинации с соседней, левой страницей. Отодвиньте любую раскрытую, хорошо напечатанную книгу от ваших глаз на такое расстояние, чтобы слова и строки сливались в общее пятно. Окажется, что поля, белые места страницы играют чрезвычайно важную роль в общей картине. Нижнее белое поле— это *фундамент*, база, цоколь всей архитектурной гармонии раскрытой книги: ему поэтому надо быть шире остальных полей. Боковое поле внутренней стороны, более близкое к корешку книги, сливается с соседним боковым полем встречной страницы в одно; поэтому в отдельности этому боковому внутреннему полю надо быть уже внешнего, краевого поля. Любители старых книг носятся обычно с «необрезанными» полями, считают, что чем больше, тем лучше. А наши наблюдения, конечно, убеждают, что и здесь есть своя логика. Полю подобает быть рамой печатного текста, и если рама слишком широка, она так же «убьет» текст, как и в том случае, если, чересчур узкая, не сумеет его удержать в отведенных границах.

Чуть только мы подходим к каждой отдельной странице (например, к титулу книги) мы встречаемся с новыми заданиями. Так, раньше набор заглавия размещали строками симметрично по центральной оси (рис. 4), теперь стараются дать набор декоративными пят-

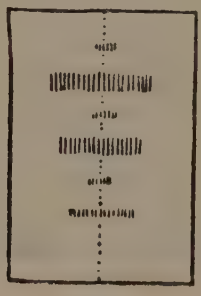


Рис. 4.

Рис. 5.

нами (рис. 5). Именно, здесь поле для художника-композитора особенно просторно. Надо только усвоить себе, что длина строки, число букв в ней, число строк в странице,—все это имеет свою материальную строгую логику, с которой должен считаться художник.

А выбор, отмеченный художественным вкусом, нигде так не важен, как в выборе букв, шрифта, самой игры очертаний каждого отдельного знака. В Германии каждое время, каждое издательство имеет свой особый шрифт, нарисованный, *построенный* для нее выдающимся художником. В России мы не шли дальше реставрации старых (очень, впрочем, красивых порою) шрифтов восемнадцатого века.

А на Западе художника привлекли прежде всего к этому творчеству новых шрифтов. Каждая отдельная буква должна говорить сама о себе. Быть четкой, ясно построенной, удобочитаемой—первая обязанность буквы в наше время. То, о чем учит научная марксистская мысль, дошло и до книжного дела. Церковно-средневековые буквы, будь то готические завитушки на Западе, или славянская вязь в России, неудобочитаемы, хотя очень красивы на вид, узорны, цветисты. Ясно видно, что создавшая их эпоха имела много времени на их разглядывание, что созданы они изощренным искусством для немногих, когда запершийся в монастырской келье монах от нечего делать чертил себе закорючки пером по бумаге. Ясно до чрезвычайности, что при наличии такого декоративно запутанного письма грамотность просто-на-просто не могла процветать. Букве надо итти навстречу народу, и все *конструктивные* времена имеют свои конструктивные шрифты, ясные, четкие, в которых художник показывает, как надо строить циркулем и линейкой каждую букву. Наш пример (рис. 6) показывает такую букву «М», начерченную великим мастером Возрождения на севере, Альбрехтом Дюрером. Буква построена в квадрате, ясно указано, из каких кругов и прямых она состоит. Умение отыскать искусство в каждой букве—драгоценное умение.

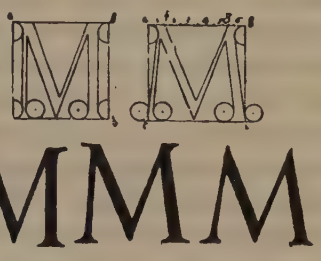


Рис. 6.— А. Дюрер. Буква «М».

Рис. 7.— Связь набора и рисунка.

И только потом начинаются украшения. Какое бы место ни отводилось графике в книге-иллюстрации ли или просто виньетке, надо, чтобы оно было определено организмом самой книги. Украшающая вершину страницы заставка пусть помнит закон полей, о котором мы говорили. Пусть помнит оканчивающая страницу концовка, что ее дело дать успокоение глазу, поставить последнюю зрительную точку для читателя. Пусть помнят художники-украшатели, что виньетка и заставка должны логически откликаться на ту же прозрачную комбинацию набора, которая дана печатными строчками. Еще один наш пример (рис. 7) показывает приблизительно удачное разрешение графического узора в комбинации с буквами. Рисунок солнца и облаков столь же линеен, прозрачен, отчетлив, как и самая буква.

Отложим на будущее специальный и глубоко интересный вопрос об искусстве иллюстрации. Искусство *изобразительное* также находит

себе место в книге. Но с одной оговоркой: если оно не нарушает принципов специального—я бы сказал профессионального—мастерства книги. Так, гравюра на дереве, возникающая из той же техники выпуклого печатания, как и самая буква, ее суррогат — штриховое цинковое клише — несравненно лучше уживается в книге, чем офорт, всяческая гравюра красками, клише сетчатое, для которых, в конце концов, всегда лучше дать отдельную таблицу, прибегнуть к наклейке, т.-е. нарушить истинный живой организм книги.

Мастерству книги нам надо еще долго учиться. Но русская книга как будто уже идет к нему верными шагами. И в надежде на будущее пошлем пока товарищеский привет истинным и не оцененным еще по достоинству художникам—наборщикам, метранпажам, типографским работникам, в чьих руках находятся судьбы чудеснейшего орудия человеческого духа—книги.

ЗАДАЧИ МЕДИЦИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Н. Семашко.

В наше тяжелое переходное время, когда задачи, стоящие перед нами так велики, а возможность удовлетворения их так относительно ограничена, приходится распределять потребности по степени «ударности», «очередности», «пожарности».

Но к одной области это совершенно не приложимо: к области медицинского издательства. Трудно сказать, что в этом деле является более «ударным», «пожарным». Последние годы такой «пожарной» темой была борьба с эпидемиями. Это была неотложная и в значительной мере новая задача. Ибо санитарное просвещение трудящихся масс переставало быть предметом инициативы различных просветительных объединений (Пироговское о-во) или отдельных издательств. Оно стало обязанностью государства, ибо только таким образом может быть осуществлен основной лозунг советской медицины: «Здоровье трудящихся есть дело самих трудящихся». Борьба с эпидемиями сыпного и возвратного тифов, поглощавшая почти всю медико-санитарную деятельность, естественно, делала «пожарной» задачу медицинского издательства в этой области как популярной, так и научной (исследовательской литературы).

Теперь вопрос значительно расширяется. Острые массовые эпидемии (пандемии) миновали. Но зато выдвигаются те заразные болезни, которые издавна подтачивали здоровье населения нашей страны. Возьмем лихорадку (малярию). Она свирепствовала на Кавказе, от нее вымирало население Туркестана; она распространена была по Волге. Теперь в результате массовых передвижений во время войны

она рассеялась («диссеминировалась») по всей стране, поднимаясь, например, на севере, в такие места, где ее раньше никогда не было.

Возьмем сифилис, который всегда являлся в России «бытовым явлением» и который опять-таки особенно «диссеминировался» после войны. Возьмем туберкулез, от которого гибнет больше жертв, чем от всех эпидемических болезней вместе взятых. Борьба с социальными болезнями стала широко возможной только в советском строе, когда уничтожены социальные корни этих болезней. А эта борьба немыслима без широкого медицинского издательства, популярно-просветительного и научно-исследовательского. И эта задача—«ударная».

Но вопрос опять расширяется. Раз мы ликвидировали военные и противоэпидемические фронты, встает во весь рост вопрос об оздоровлении страны, о широких предупредительных (профилактических) мероприятиях. Речь должна итти не только об обычной санитарной работе по устранению «вредностей» (охрана воды, воздуха, почвы, жилищ, пищи), но социально-предупредительных мероприятиях в более широком смысле слова. И прежде всего об охране материнства, младенчества, детства. Едва ли кто станет отрицать «пожарность» защиты нежных ростков нашего будущего поколения в переживаемый период Sturm und Drang'a. А это опять-таки невозможно без широкого издательства популярного и научного.

Перейдем теперь к группе вопросов совершенно из другой области. Общепризнана наша отсталость, бедность в медицинских работниках. Советская власть тоже обратила на это внимание. Наши медицинские факультеты уже теперь могут выбросить втрое больше врачей, чем в довоенное время. Интерес к медицинскому образованию среди трудящегося населения (даже среди крестьян) колоссален. Но вся работа срывается вследствие отсутствия литературы, руководств. Мало того, научная работа отстает, тормозится вследствие отсутствия научного издательства. Если оздоровить население можно только руками квалицифированных работников, то медицинское издательство и в области медицинского-образования и научной работы является тоже «ударной» потребностью.

Наконец, медицинское профессиональное движение только-только складывается. Союз работников лечебно-санитарного дела (всемедикосантруд) объединил в себе членов самой разнообразной квалификации—от простой сиделки до квалифицированного профессора-специалиста. Едва ли найдется другой союз, который объединял бы в себе такие отдаленные полюсы. Но отсюда встает ряд чрезвычайно важных и интересных вопросов.

Самое понятие «производственного» союза, столь естественно приложимое ко всякому другому, требует серьезной интерпретации (разъяснения) в данном случае. Встают совершенно новые вопросы профессиональной этики и деятельности (например, о частной медицинской практике), вопросы профессионального быта и т. д. А если от успеха деятельности профессионального союза зависит успех нашего социали-

стического строительства, то медицинское издательство и в этой области нужно признать чрезвычайно важным. Таким образом в медицинском издательстве нужно признать важным равномерное выпячивание всех перечисленных тем и вопросов. Нельзя одним вопросом заслонять другой.

Нужно лишь одно: понять необходимость как можно шире развить это издательство. Теперь уже и середняк (по сознательности) крестьянин понимает, что без оздоровления страны нам не построить социалистического здания, и нужно пожелать, чтобы на медицинское издательство было обращено особенное внимание.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РУССКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ.

Д. Анучин.

Необходимую принадлежность современной науки, ее нерв, если можно так выразиться, составляют общие и специальные научные журналы. Только при помощи таких периодических органов возможно следить за движением отдельных наук, знакомиться с новыми открытиями, исследованиями, находками, вопросами, теориями, с ростом соответственной литературы, вообще с жизнью различных отраслей знания. С другой стороны, журналы необходимы и для опубликования в них результатов исследований ученых; отсутствие журналов парализует деятельность исследователей, лишает их возможности делиться с ученым миром своими изысканиями, заставляет их впадать в апатию, в равнодушие к своим ближайшим задачам.

Важность и необходимость издания научных журналов сознается, конечно, всеми. Тем не менее, к глубокому нашему сожалению, русские научные журналы, прекратившие свой выход вследствие разрухи типографского дела и отсутствия бумаги, до сих пор еще не смогли вернуться к прежним нормальным условиям, и соответственные области знания остаются без периодических органов. Государственное Издательство принуждено было отдавать предпочтение агитационной литературе, научно-популярным брошюрам и учебникам (последним, однако, в меньшей степени). Научные журналы как бы не считались, повидимому, необходимыми, и дело издания их откладывалось в долгий ящик. Между тем не трудно представить себе, что с одной научно-популярной литературой и с немногими учебниками наука в России существовать и развиваться не может. Она осуждена на прозябание и должна все более отставать от науки запада. Насколько научно-журнальная литература представляет у нас сейчас пустыню, достаточно привести ряд примеров из издательского дела Москвы. Университет

и другие высшие (технические) учебные заведения лишились возможности издавать их «Записки» и «Известия». Взамен их решено было издавать «Научные Известия», книжками по 16 печатных листов. Работали одно время четыре комиссии (секции), было написано и собрано много статей, критических и библиографических заметок, приступлено было даже к набору первых листов, но вот уже прошел год, а «Известий» все нет. Весьма важно и необходимо пользование периодическим органом для врачей; за последние годы, в связи с войной, медицина на Западе сделала большие успехи в области хирургии, санитарии и т. д.; русским врачам необходимо усвоить себе эти новые приобретения и быть вообще на уровне западной медицинской науки, но, увы, она лишена к тому возможности. Еще более года тому назад предположено было издавать медицинский журнал при Наркомздраве; приглашены были редакторами профессора Мартынов и Плетнев, собраны статьи, начата набором первая книжка. Тем не менее, ей не удалось увидеть света, журнал этот так и не появился. Удалось лишь наладить издание медицинского реферативного журнала, под общей редакцией М. П. Кончаловского, И. Л. Браудо, А. И. Абрикосова и В. В. Иванова. Несколько номеров уже вышло в свет. Но этого, конечно, недостаточно, так как задача журнала ограничивается лишь самыми краткими рефератами о новой медицинской литературе.

То же и во всех других науках. Старейшее общество испытателей природы в Москве вынуждено было прекратить издание своего «Бюллютеня», Общество любителей естествознания не в состоянии напечатать ни одного выпуска своих «трудов» и прекратило издание всех своих журналов, в числе которых некоторые насчитывают уже многие десятки лет своего существования. Таково «Этнографическое обозрение», изд. с 1889 г., таково «Землеведение»—единственный русский географический журнал, основанный в 1892 г. Затем остановились: «Зоологический журнал» и «Русский Антропологический журнал»,—единственный орган антропологии в России. Не может преодолеть затруднений печатания и прекрасный общий журнал «Природа», поддержка которого Государственным Издательством была бы крайне необходима. Даже журналы, основанные при Высшем Совете Народного Хозяйства и его учреждениях, не могут справиться с типографскими и бумажными затруднениями.

В Петербурге такая же история. Приостановился журнал Физико-Химического Общества, почти единственный орган, где могли печататься работы наших физиков и химиков. Заглохли журналы биологические, ботанические, «Известия» Географического Общества, «Известия» Российской Академии Наук. Русским ученым негде найти приют своим исследованиям, им негде и осведомиться о движении в области различных наук у нас и на Западе. Положение, несомненно, крайне печальное. И чем далее, тем мы будем все более и более отставать от современного уровня науки. А между тем старинное motto Пушкина—«на поприще ума нельзя нам отставать» особенно приме-

нимо к нашей современной эпохе, когда требуется напряжение всех наших умственных сил, чтобы не быть выкинутыми из самых культурных передовых народов.

От редакции. Помещая статью нашего выдающегося ученого, редакция вполне присоединяется к мысли о необходимости восстановления научных журналов. Первая книга «Научных Известий», о которых говорит Д. Н. Анучин, печатается и в скором времени увидит свет.

Должны быть приняты также необходимые меры к воссозданию журналов во всех областях науки. Но тягостные условия, в которых находится печатное дело в России, не дают покуда Государственному Издательству возможности развернуть свою работу во всей широте, как этого требуют интересы республики. Полное воссоздание нашей литературы и дальнейший прогресс наук находится в полной зависимости от успехов борьбы, которую ведут русские рабочие и крестьяне с хозяйственной разрухой и, в последнем счете, от побед над многочисленными врагами Р. С. Ф. С. Р. Лишая нас необходимых материалов и орудий труда, они хотят не только уморить нас, поднявших знамя социальной революции, но и задушить поступательное шествие русской науки, протянувшей руку помощи революции.

ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ПЕЧАТИ в 1919—1920 г.г.

Павел Новицкий.

Трудно человеку, прожившему полтора года в глубоком крымском подполье, рассказать *подробную* повесть о жизни крымской печати при Врангеле. Кроме того, нет у меня сейчас под рукой ни одного номера из выходивших в Крыму газет. Поэтому все, что я расскажу, основано на воспоминаниях и является не разработкой наличного материала, а восстановлением в памяти наиболее ярких имен, названий и фактов. Могу ручаться только, что мои воспоминания носят вполне достоверный и точный характер, так как семь лет жизни в Крыму дали мне богатую возможность изучить местные литературные нравы, местных людей и особенности местного газетного быта.

Советская власть в Крыму в 1919 году продержалась только три месяца. В последние дни власти временного крымского правительства (так называлось «министерство» из кадетов и правых эс-эров во главе с Винавером, Набоковым и Крымом), когда стало ясно, что добровольческие отряды Крыма не выдержат, все буржуазные газеты сами прекратили свое существование до прихода красных войск. До последнего дня выходил только «*Таврический Голос*», выпускавшийся репортерами

за свой страх и риск. Редактор газеты—известный сионистский и кадетский деятель д-р Д. Пасманик—заблаговременно уехал в Париж, а издатель—крупный крымский землевладелец А. В. Давыдов—эвакуировался вместе с крымским правительством в Константинополь. Это была правительственная газета, официальный орган кадетской партии, чрезвычайно непримиримо настроенный по адресу своих левых соседей, вдохновляемый, с одной стороны, истерическим кликушеством Пасманика, а с другой—классовой ненавистью «парламентарнейшего» аристократа Набокова. Хозяева уехали, а репортеры выпускали номера газеты до тех пор, пока их не сменили «*Известия Ревкома*». Тогда репортеры перешли на работу в «Известия».

Из газет, выходивших до восстановления советов в Крыму, продолжала выходить и при Советской власти одна только социал-демократическая севастопольская газета «*Прибой*». Орган умеренных интернационалистов, дипломатически высказавшийся в эпоху министерства Набокова «против вооруженной борьбы с Советской властью», «Прибой» в первые дни советского режима резко повернул в сторону полного и доверчивого сближения с коммунистической партией. Это явилось результатом политического соглашения, установившегося между социал-демократами интернационалистами и коммунистами, соглашения, позволившего социал-демократам частично даже стать у власти. Тем не менее, когда положение советов в Крыму стало шатким, зашаталась и позиция «Прибоя» и доброжелательный тон сменился оппозиционным. В последние дни существования Советской власти «Прибой» перешел в наступление. Это наступление не имело никаких последствий, так как красные войска спешно отступили в середине июня. Все же, рядом с официальными советскими и партийными газетами, продолжал выходить в течение всего этого (второго) периода Советской власти в Крыму только «Прибой».

Советские войска ушли, советские газеты прекратили свое существование, города заняли передовые казацкие отряды белых войск. В эти жуткие дни на территории Крыма продолжал издаваться один «Прибой».

В переходные дни лидеры крымских социал-демократов старались объединить рабочие массы Севастополя на средней позиции невмешательства в гражданскую войну. Но, не смея резко обрушиться на одну из борющихся сторон, приходящую к власти, они стрелы своего негодования обрушили во след другой стороны отступившей, ушедшей Советской власти. Только случайностью можно объяснить печальный для газеты «Прибой» диссонанс, который прозвучал на ее страницах по неосмотрительности редакции. Этим диссонансом была статья «Пролетариат еще не умер», помещенная в газете на другой день после занятия города отрядом морских офицеров и юнкеров, высадившихся с канонерки «Кагул». Статья предостерегала победителей от упоения победой, напоминала об изменчивости политической судьбы и о том, что русский пролетариат еще не умер. Я называю эту статью случай-

ностью, так как общий тон всех других статей был иной: это было моральное и политическое дискредитирование Советской власти, производимое с поспешным усердием с целью воспитательного воздействия на мещански настроенные и запуганные слои рабочего класса. Результатом этой статьи явился визит в редакцию «Прибоя» группы морских офицеров, которые, не добившись установления имени и адреса автора статьи, жестоко избили официального редактора газеты Каменкова-Павлова.

После этого происшествия тон газеты выравнялся и определился. Из номера в номер газета печатала пространные статьи на одну и ту же тему: о том, как коммунисты шарлатански обманули бедных русских рабочих, о зловредности, жестокости и узурпаторстве Советской власти.

Усердие было настолько заметно и настолько переходило границы политической порядочности (ведь, незадолго перед тем социал-демократы сотрудничали во всех советских учреждениях и органах власти с коммунистами), что многие рядовые члены партии и даже некоторые из самых видных работников крымской социал-демократии должны были порвать всякие связи с партией. Но это не спасло газету; не спасло и согласие севастопольских социал-демократов принять участие в выборах в городскую думу по измененному в цензовую сторону избирательному закону; не спасло, наконец, и личное согласие руководителя газеты В. А. Могилевского вернуться к исполнению обязанности севастопольского городского головы, каковые он нес и раньше, до прихода советских войск. Политический курс белогвардейского правительства крепчал с каждым днем, и очень скоро наступил момент, когда севастопольский городской голова был арестован за сотрудничество с большевиками и «измену России», а газета «Прибой», пытавшаяся было протестовать умеренной апелляцией к рабочим массам и одновременно к чувству законности новой власти, была закрыта, типография ее реквизирована, а имущество расхищено. Правда, Могилевский, преданный военно-корпусному суду, через три месяца был освобожден из тюрьмы и выслан в порядке милости за границу, но «Прибой» больше уже никогда не открывался.

Первой буржуазной газетой в Крыму после реставрации явился севастопольский «*Юг*». Он издавался на великолепной бумаге крупным белогвардейским чиновником Н. Шлее. Это была самая солидная и богатая газета Крыма, не стеснявшаяся в средствах, благо они черпались из государственной казны. Направление газеты тоже было солидное: умеренно прогрессивное, восхваляющее всякую меру правительства, но никогда не опускавшееся до тона уличной брани по адресу своих противников; солидный тон себе изменял только тогда, когда говорилось о «большевиках»; тогда выпускались именитые гастролеры: печаталась злобная фельетонная заметка Александра Яблоновского (из Египта), злопыхательские мещанские пересуды Е. Н. Чирикова, опустившегося до безвкусной базарной сплетни, и бездарные фельетоны

Аркадия Аверченко. Кстати, этот одесский журналист, издавший в Крыму новую пачку своих рассказов под названием «Сорок тысяч пожей в спину революции», обильно снабжавший своими фельетонами столбцы всех почти крымских газет, превратился из бойкого сатирика-конца в беззубого хихикающего паяца; его фельетоны на вымученные темы, написанные с самым дешевым юмором, были столь скучны, что их перестали читать даже его поклонники.

Третьей газетой, издававшейся в Севастополе был «*Крымский Вестник*». Это старая крымская газета, насчитывавшая сорок лет своей жизни. Она была возобновлена своим старым издателем Нейманом и велась в прежнем духе, колеблясь между буржуазным либерализмом и мещанским социализмом. Формально беспартийная, газета, конечно, стояла на почве вооруженной борьбы с Советской властью, но в нападках на большевизм не отличалась страстностью и истеричностью. Помимо семьи Нейман, главным ее сотрудником был журналист Накатов (псевдоним). Было одно время, когда редакция вела переговоры о сотрудничестве с некоторыми (самыми правыми) социал-демократами. Спокойный умеренно-методический тон газеты и прекрасно поставленная информация делали «Крымский Вестник» одной из самых популярных в широкой обывательской публике газет.

Была еще четвертая газета — казенный открытый официоз «*Военный Голос*», выходивший под редакцией проф. Залесского, живший перепечатками из заграничных противосоветских газет, наполненный приказами, распоряжениями и казенной ложью.

Вообще большинство газет Крыма (а в каждом городе полуострова издавалось по нескольку газет) находилось на содержании правительства. Всевозможные евпаторийские, ялтинские и симферопольские «Голоса» были никчемными, никому не нужными листками, изводившими даром бумагу (аккуратно доставлявшуюся из-за моря) и технические средства. Они мало читались (цена номера доходила до 800 р.) и были поставлены отвратительно.

Самые влиятельные и крупные газеты выходили в политическом центре Крыма, в г. Симферополе. Тут издавались три важнейшие газеты белого Крыма «*Южные Ведомости*», «*Таврический Голос*» и «*Время*».

«*Южные Ведомости*»—старая радикальная крымская газета, имевшая свои традиции и свою историю. При самодержавии эта газета объединяла всю либеральную и революционную интеллигенцию. Больше всего она тяготела к народничеству. В 1917 году она стала органом «демократического губернского земства». Постоянно нуждаясь в средствах и подвергаясь всяким репрессиям, газета усвоила себе, в конце концов, осторожный, расплывчато-умеренный, бледно-серый тон. Постоянное морализирование и сентиментальные фразы о роли русской интеллигенции уживались в газете с доктринерской проповедью гражданской войны во славу русской демократии. Доктринерски-слезливый тон передовиц и скука рассуждений послужили основанием для переименования газеты читателями в «ненужные ведомости». Во главе

газеты стояли журналисты, причислявшие себя к народным социалистам: А. П. Лурье, А. Б. Дерман, С. Я. Елпатьевский и др. Часто помещали в ней свои рассказы и статьи В. Вересаев, К. А. Тренев и И. С. Шмелев. В 1919—1920 г. она выходила под редакцией П. С. Бобровского, министра труда во временном крымском правительстве, из группы «Единства». Когда площади крымских городов были украшены гирляндами повешенных коммунистов (их вешали на телеграфных столбах после всякого процесса), «Южн. Ведом.» пытались робко протестовать против публичности казней, дурно влияющей на детей,—на газету цыкнули и она замолчала. По отношению к правительству Врангеля газета была настроена определенно оппозиционно и проповедывала идею демократического обновления добровольческой армии и правительства. Когда на улицах и соборных площадях Симферополя известный протоиерей Востоков начал свою истерическую проповедь против интеллигенции и евреев, «Южн. Ведом.» поместили начало статьи К. Т. на тему о помощи, оказываемой советским войскам подобными проповедями. Таврический губернатор сделал газете резкое внушение, и окончания статьи не появилось. Единственно допустимым объектом полемики была газета «Таврический Голос». Но эта полемика не оживляла страниц «Южных Ведомостей». Бледность и идейная скудость газеты объяснялась не только административными стеснениями, но и главным образом самой природой ее.

Безусловно самой яркой и характерной для режима газетой был «*Таврический Голос*». Возобновленный после трехмесячного молчания, он несколько изменил свой тон и свою этикетку. Вместо исступленно-полемических статей Пасманика, не вернувшегося из Парижа, в газете получили господство бульварно-хлесткие статейки желтого журналиста Б. Ивинского. Тон газеты приспособился к окровавленной и гогочущей добровольческой улице. Кроме того, с газеты была снята этикетка: «орган партии народной свободы». Хотя в газете продолжали выступать прежние кадетские профессора, но музыку делали трое: Б. Ивинский, Ив. Горев и фельетонист Ядов. Первый сделал своей специальностью вульгаризацию «Вех». Разоблачение нигилизма русской интеллигенции—любимая тема его наглых статеек и смердяковских лекций. «Южн. Вед.» документально установили, что этот господин был выпускающим редактором одной красноармейской газеты в Одессе в начале 1919 года. Себя он афишировал, как бывшего редактора московских газет «Свободное Слово» и «Великая Россия». Существует все-таки и в политической борьбе предел для клеветы, инсинуации и лжи; и в полемической публицистике обязателен некоторый minimum литературной порядочности. Борис Ивинский не знал этих пределов, всегда нарушал общепринятые границы ненависти. Советские деятели сусально изображались им, как уголовные преступники, моральные каторжники, авантюристы и сознательные предатели; дурной шаблон о пломбированных вагонах был самым мягким методом литературной борьбы. Этот «венский» (знаменитый в прошлом петербургский ресторан для литера-

турной богемы) литератор, выпускавший красную газету, а потом кликушествующий в желтой белогвардейской печати, устраивал со своими товарищами по всем городам Крыма «суды над русской интеллигенцией». Очень характерно коммунизм производился ими идейно от Белинского, Герцена и Чернышевского, и моральному нигилизму всей русской интеллигенции они приписывали все беды великой России.

Ивинского поддерживал Ив. Горев своими длинными и хлесткими фельетонами обличительно-гражданского направления и веселый фельетонист Ядов, писавший литературные частушки в вульгарно-раешниковском духе. Ядову принадлежит и популярное театральное обозрение, обошедшее все театры Крыма, ура-патриотического стиля. Присылал свои статьи в «Таврич. Голос» и Евг. Венский, постоянным гастролером был, конечно, Аркадий Аверченко.

Эта газета, в числе сотрудников которой были и евреи, не гнушалась и антисемитской пропаганды. Правда, делалось это в официозных статьях, но в самые жуткие моменты крымской политической жизни. По прямому приказу ген. Врангеля не могло быть пощады всем лицам, принадлежность которых к коммунистической партии была установлена. Результаты военно-полевых судов заранее были предрешены: все обвиняемые приговаривались к смерти. Ген. Кутепов, к ужасу благонамеренных дум и управ, разукрашивал трупами повешенных все города. В центре города на трамвайных столбах висело обычно 10—15 полуобнаженных трупов с позорной надписью на деревянных досках: «коммунист». Это производило потрясающее впечатление даже на мещанскую публику и создавало настроение жуткого оцепенения во всем городе. Только отдельные изуверы (главным образом, женщины) ходили любоваться этим страшным зрелищем и посылали туда детей. Вот в такие-то моменты, когда неостывшие трупы еще висели на улицах, в газете «Таврический Голос», снявшей этикетку партии народной свободы, но обслуживаемой по-прежнему виднейшими деятелями этой партии, появлялись на первой странице статьи якобы информационного характера, перечислявшие злодеяния казненных против «русской армии» и грубо подчеркивавшие их еврейское происхождение. «По национальности тоже еврей», «конечно, еврейского происхождения», заметки в скобках («еврей»)—таков стиль этих статей, составленных жандармами и сыщиками добровольческой контр-разведки. Они были без подписи, носили полуофициальный характер (почти правительственное сообщение), и в литературных кругах все знали место, откуда они исходили. В газете работали евреи, на улицах висели трупы евреев, а в ограде собора протоиерей Востоков вел исступленную антисемитскую проповедь.

Третьей «влиятельной» газетой было «*Время*» Бориса Суворина Суворин издавал три газеты в Крыму: вечернюю в Севастополе и Феодосии и дневную в Симферополе. Все три литературно обслуживались главным образом им одним. Он писал длинные передовицы, во весь газетный лист, в которых доказывал, что все зло происходит от масонов и евреев, задумавших погубить Россию, что идея монархии

является исторической национальной идеей русского народа и т. д. В его типографии постоянно происходили столкновения с рабочими, очень часто переходившие в драку. Сам редактор, редко бывавший трезвым, принимал высокое участие в рукоприкладстве. Но наборщикам уплачивали, сколько они требовали, и работа продолжалась. Когда Суворину Кривошеин и Врангель не давали денег, он принимал оппозиционный тон (справа) и фрондировал. К Англии определенно не лежало его сердце.

«Время» раскупали главным образом гвардейские офицеры. «Таврический Голос» читала вся буржуазия, чиновничество и высшее общество, все связанное идейно и политически с добровольческой армией. «Южные Ведомости» расходились среди «демократической интеллигенции» Эта газета не получала ни денег, ни бумаги от правительства, как все другие газеты. Ее субсидировал Центросоюз.

Была еще одна недолговременная газетка в Симферополе—вечерний «*Курьер*» журналиста Ратимова. Обычно бульварного типа, с ориентацией на контр-разведку, она имела много денег, продавалась по 1000 р. за номер, но имела мало читателей.

Все газеты, несмотря на официозный характер и происхождение, подчинялись строгой (и комичной по временам) военной цензуре. Белогвардейское правительство создало даже особый информационный и административный аппарат для печати: главное управление, во главе которого стал в последнее время проф. Вернадский (сын). Добровольческие власти вообще бездарно подражали советским. Они организовали свое бюро печати, которое изготовляло плакаты и воззвания, украшало ими витрины больших магазинов, вело широкую (но бесталанную) печатную агитацию. Так как газеты были очень дороги и недоступны массам (рабочие совсем не покупали газет), то бюро печати стало их расклеивать на заборах, по советскому образцу. Если отвлечься от политических симпатий и оценок, то можно предположить, что белогвардейская печать должна была располагать большими и высоко квалифицированными публицистическими, научными и художественными силами. В действительности главную роль в крымской печати играли продажные желтые журналисты, газетные карьеристы, спекулянты и содержанки. Редакция «Таврический Голос» жила, например, не на одни казенные деньги, но и вела крупную спекуляцию бриллиантами и французской валютой. Это общеизвестный бытовой факт. Ученые молчали, и только немногие из них связали свою судьбу с желтой белогвардейской газетной улицей. А плакатные художники принадлежали к самым бездарным подонкам искусства, гнавшимся за любым заработком. Идейные силы контр-революции были ничтожны (поскольку они себя проявили в Крыму). И замечательно, что даже самые большие имена, освящавшие собою столбцы крымских газет, как только они прикасались к темам гражданской войны, тускнели и становились бездарно-бесцветными и пошлыми. Таковы были грубые стихотворения демагогического характера обычно тонкого и аристократичного Ивана Бунина

тенденциозные рассказы Ив. Шмелева, бабьи пересуды Чирикова (с пошлым традиционными нападками на Горького) и фельетоны Александра Яблоновского.

Рабочие Крыма, понятно, не могли иметь своей газеты. Они вообще не читали никаких газет и жили только слухами и размышлениями о ставках, еженедельно повышаемых. Но была одна газета, исполнявшая должность рабочей. Это был ялтинский «*Наш Путь*», орган ялтинского совета профессиональных союзов. Газета вполне литературная, но политически бесцветная и бессодержательная (по нужде). Она помещала стихи, научные статьи и информационный материал из казенных источников. Никакой позиции в гражданской войне у нее не было. Сотрудничали в ней местные легальные социал-демократы обывательского толка, снабжавшие заголовки официальных телеграмм иронических формулами по адресу Советской власти. По настроению это, конечно, была компромиссная межеумочная газета, пассивно оппозиционная по адресу белых и по адресу красных. Литературный ее облик объясняется тем, что редактировал ее известный ученый и журналист В. А. Базаров (Руднев), случайно застрявший в Ялте с лета 1919 года. Как публицист, Базаров не выступал и ограничивался ролью литературного редактора.

«Наш Путь» несколько раз закрывали, один раз по ордеру ялтинского исправника (в Крыму вообще были восстановлены все царистские административные и полицейские должности: губернаторы, вице-губернаторы, исправники, пристава). За что закрывали эту безвредную газету, судить трудно. Очевидно, за формальную связь с профессиональными союзами.

На черном горизонте однажды промелькнула случайным метеором однодневная газета культкомиссии симферопольских проф. союзов «*Зори*». Она посылала привет зарубежным борцам, предвещала зори и была наполнена гимнами во славу грядущей социалистической революции. Все эти мотивы были завуалированы литературными темами. Это была, конечно, случайность и недосмотр властей предержащих. Газета была связана с подпольем.

Вот и все о периодической крымской печати под Врангелем. Беглые штрихи дают только общее представление о жизни печати в этот период. Журналов никаких не издавалось, за исключением «*Бюллетеней*» Центросоюза, чрезвычайно богатых по материалу. «Бюллетени» выходили под редакцией М. Лурье, при ближайшем сотрудничестве проф. Воблого, Иванова, Синицына, и давали довольно полную картину экономической жизни Крыма и всей России.

Издательское дело в Крыму в период врангелевщины не заглохло. Бумага была в достаточном количестве, и поэтому функционировало несколько книгоиздательств. Самыми крупными были: «*Русское книгоиздательство в Крыму*» и земское «*Кооперативное книгоиздательство*». Первое выпустило беллетрический сборник «Отчизна» с воспоминаниями Короленко и прекрасными рассказами Тренева, Сергеева-Ценского и Шмелева,

целый ряд учебников для университета (среди них курс академика Палладина «Ботаника»), собрание сочинений Д. Н. Овсянико-Куликовского и для начальной школы серию классических произведений русской художественной литературы. Второе работало исключительно для нужд школы; им выпущено ряд учебников, хрестоматий, сборников для чтения, избранные произведения Пушкина, Лермонтова, Герцена и др. классиков.

Теперь несколько слов о советской крымской печати. В 1919 году во всех городах Крыма издавались «*Известия*». Центральные, не говоря уже о провинциальных, были небрежными, плохо поставленными газетами без информации и руководящих статей (если не считать за таковые компиляции по брошюркам, составляемые редактором газеты, только что окончившим местную гимназию юношей Р. Амбургским). Только в начале июня, перед эвакуацией советских войск из Крыма, газета приняла более солидный вид под новым редакторством т. Давыдова (Вульфсона).

В 1920 году, в ноябре, советские войска, освободив Крым, восстановили красную печать. Кроме советских газет никаких других, понятно, теперь в Крыму не издается. Все печатное дело централизовано под руководством бюро печати. Ввиду недостатка бумаги издание каких бы то ни было газет, кроме Симферополя, Керчи и Севастополя, запрещено. В Севастополе и Керчи выходят известия местных ревкомов, а в Симферополе большая газета «*Красный Крым*», орган Ревкома Крыма и крымского волостного комитета Р. К. П.

В редакцию «Красного Крыма» первоначально входили: М. Марголин, представитель политотдела VI армии, журналист П. Новицкий (пишущий эти строки) и проф. таврического университета Я. И. Френкель. Кроме того, ближайшее участие в газете принимал венгерский журналист б. нарком Венгрии т. Иосиф Погани, бывший с председателем бюро печати Крыма. Первые номера газеты носили несколько академический характер, весь облик газеты отличался идейной серьезностью и строгостью.

Что касается участи журналистов и литераторов буржуазных крымских газет, то их судьба определилась различно. Все сотрудники «Таврического Голоса» с бриллиантами и французской валютой своевременно эвакуировались за границу. Молот ударил по менее вредным для Советской власти журналистам «Южных Ведомостей». Фактический руководитель газеты, старый журналист-народник, погубивший здоровье в ссылке, А. П. Лурье (оказывавший в подполье большие услуги многим коммунистам) был арестован. У писателя К. А. Тренева во время обыска забрали большую оконченную рукопись автобиографического характера «Мое детство». Рукопись эта погибла. В Ялте был арестован В. А. Базаров, как руководитель «Нашего Пути». Правда, он был быстро освобожден и приехал по доброй воле в Симферополь. Здесь его снова арестовали и, после долгих хлопот, оста-

вили под домашним арестом. Положение его чрезвычайно тяжелое, так как он болен острыми приступами грудной жабы, усилившимися за последнее время. Теперь его везут в Москву.

Этим штрихом можем окончить наш очерк.

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

(ОБЗОР).

Н. Мещеряков.

Русскими эмигрантами издается за границей в настоящее время очень много газет. Такие газеты издаются в Финляндии, в Эстонии, в Латвии, Польше, Германии, Чехо-Словакии, Франции, Юго-Славии, Турции, Швейцарии. Много русских газет издается в Соедин. Штатах, в Китае. Есть газеты, издающиеся в Японии, Аргентине и т. д.

И до революции за границей издавались русские эмигрантские газеты. Но какая громадная разница между этими старыми газетами и современными.

Прежние русские эмигрантские газеты издавались политическими партиями на те скудные средства, которые они с трудом добывали. Газеты эти выходили редко, ежедневных газет не было, так как этого не позволяли средства, да и не было в них надобности: газеты в то время печатались не столько для эмигрантов, сколько для России, куда они с великим трудом транспортировались контрабандным путем. Транспортировать так ежедневную газету было, конечно, невозможно.

Те же причины — недостаток средств, редкий выход, трудность транспорта—заставляли редакторов быть крайне экономными и требовательными при выборе статей. Прежние заграничные русские газеты давали обыкновенно дельные руководящие статьи, которые—безотносительно к направлению газеты — сохраняли интерес продолжительное время. Их с интересом читали через 2—3 месяца по выходе. Многие из них переиздавались брошюрами. Выходили сборники газетных статей (напр., статьи «Искры»). Авторы включали газетные статьи в сборники своих сочинений. Каждая такая статья давала что-нибудь новое для выработки партийной программы или тактики. Даже хроника этих газет была строго подобрана и просеяна. Газета стремилась сообщать только верные, проверенные факты, у них и в мыслях не было погони за сенсацией.

Совершенно другой характер имеют современные русские заграничные газеты. В громадном большинстве случаев они издаются не партиями, а отдельными лицами (или группами лиц), и не защищают в таком случае никакой определенной партийной программы. Выходят эти газеты чаще всего ежедневно и стремятся обслужить русских белогвардейских эмигрантов, которых так много скопилось теперь за

границей. Судя по содержанию большинства газет, публика эта удивительно не требовательна, она удовлетворяется всякой стряпней, которую преподносит им газетка. Содержание большинства газет удивительно убого. Принципиальных статей в одних газетах совсем нет, в других мало, а то, что имеется, обильно разбавлено водой. Телеграммы, хроника занимают большую часть газеты. Но это или обыкновенные газетные телеграммы или буквально смехотворная ложь про Россию и коммунистов. Большинство таких газет живет только один день. Их не читают, а пробегают. О внимательном изучении этих газет, каковое бывало во времена революционной эмиграции и говорить, конечно, не приходится. Транспортировать весь этот бессодержательный хлам никто, конечно, и не думает. Большинство газеток существует на те субсидии, которые выдаются им иностранными правительствами.

В следующих номерах нашего журнала мы постараемся знакомить читателей с этой прессой. В настоящее время мы ограничимся лишь тем, что приведем список этих изданий—список не полный, ибо далеко не все газеты попадают в Россию. Приводим только те, которые попадались нам в руки, давая краткую характеристику некоторых из них.

В **Финляндии** выходят две русские газеты: «*Новая Русская Жизнь*» («орган русской освободительной национально-государственной мысли»), резко враждебная к Советской власти. Для характеристики приведем один факт: Когда в Финляндию приехала наша дипломатическая миссия, то «Нов. Русск. Жизнь» убеждала финляндцев не пускать ее в Финляндию. Эта выходка вызвала даже протест со стороны других эмигрантов.

В Гельсингфорсе недавно стала выходить газета «*Путь*». Ее ближайшим сотрудником и вдохновителем является Н. Иорданский из бывшего «Соврем. Мира». Эта газета выражает мнения группы эмигрантов, которые примирились с Советской властью и хотят возвратиться в Россию.

В **Эстонии** выходит в Ревеле «*Народное Дело*» (орган Комитета группы соц.-револ. Северо-Зап. области). Отношение к Советской власти резко враждебное. Газета поддерживала Врангеля и готова поддержать любого противника советской России.

Там же выходила газета «*Последние Известия*». Бессодержательна. За последнее время к нам не проникает (может быть, прекратилась).

В **Латвии**, в Риге выходит газета «*Сегодня*». Бессодержательна и бездарна. Отношение к Советской России ярко враждебное. «Сегодня» из числа всех белогвардейских газет выделяется своим явным неприличием. Она не стесняется печатать объявления молодых девиц и дам, желающих познакомиться с состоятельными молодыми и пожилыми мужчинами «для веселого времяпрепровождения».

Там же издается «*Рижский Курьер*» явно польской ориентации. Бессодержательна и бездарна.

В Риге стала недавно выходить, наконец, газета «*Новый Путь*», Ориентация на советскую Россию,

Польша. Из польских газет нам известна *«Свобода»*, издаваемая в Варшаве Савинковым, Мережковским и Философовым. Во время войны с Польшей поддерживала Пилсудского и польские требования. Позднее известного бандита Булак-Булаховича.

Германия. Из издающихся в Германии русских газет нам известны:

«Голос России». Умеренно-враждебное отношение к Советской власти. Встречается клевета и ложь о советской России, но в меньшем количестве, чем в других газетах.

«Руль». Орган правых, воинствующих кадетов. Ближайшие сотрудники И. В. Гессен, Набоков, Каминка. Стоит за интервенцию союзников в деле России; был противником совещания учредиловцев в Париже и соглашения с эс-эрами.

«Время». Выходит раз в неделю. В отношении статей малосодержательна.

«Новый Мир». Выходит недавно. Ориентация советская.

Чехо-Словакия. *«Воля Народа»*. Направление эс-эровское. Издается при участии известных эс-эров: Зензинова, Минора, Рубановича, В. Чернова. Основная мысль: Советскую власть можно победить изнутри. После ее низвержения нужно стремиться к частичному восстановлению капитализма.

«Правда» («ежедневная рабочая газета»). Ориентация на Советскую власть и на коммунизм.

«Славянская Заря». Направление славянофильское. Прекратилась.

Франция. *«Общее Дело»*. Ред. Бурцев. Проникнуто самой бешеной ненавистью к советской России и к коммунизму. В борьбе против них готова на всякие средства. «Общее Дело» поддерживало интервенцию Антанты, Деникина, Врангеля, Польши и т. п. Издается на средства Антанты.

«Последние Новости». До последнего времени эта газета была кадетского устремления. Составляется литературно. Во время совещания учредиловцев была органом этого совещания. Теперь перешла в руки кадетов и будет выходить под редакцией П. Милюкова.

«Бич». Журнал юмористический.

«Зеленая палочка». Журнал для детей.

«Грядущая Россия». Толстый журнал; выходил под редакцией Н. Чайковского, В. Анри, М. Ландау-Алданова и А. Н. Толстого. Вышли только две книжки. Журнал прекратился.

«Современные Записки». Толстый журнал. Издается при участии Авксентьева, Бунакова, Вишняка, Гуковского и Руднева. Вышли три книжки, малосодержательны и малоинтересны.

Как уже сказано, настоящий список далеко не исчерпывает всех многочисленных газет, издающихся за границей на русском языке. В частности, не вошли в него русские газеты и журналы, издававшиеся в Грузии.

От редакции. Статья тов. Мещерякова была уже набрана, когда мы получили два номера (за январь и февраль 1921 г.) выходящего в Берлине критико-библиографического журнала «Русская Книга». В списках русских газет и журналов, печатающихся вне пределов Советской России, помещенных в обоих номерах, имеется свыше 150 названий. Большое число их сопровождается лаконическим примечанием: «прекратилось».

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ.

В. Кипарисов.

1. *Ликвидация безграмотности—Декрет и инструкция Гос. Изд. М. 1920 г.* 2. *В. СМУШКОВ. Рабоче-Крестьянской букварь. Центр. Комиссия по ликвидации безграмотности. Гос. Изд. М. 1920 г.* 3. *Д. ЭЛЬКИНА, Н. БОГУСЛАВСКАЯ и А. КУРСКАЯ. Долой неграмотность. Букварь для взрослых. В. Ч. К. по ликвид. безграмотности. Гос. Изд. М. 1920. П. 1921* (несколько изданий). 4. *Долой неграмотность. Листок для обучающихся грамоте № 1-18. Изд. В. Ч. К. по ликвидации неграмотности.* 5. *Народное Просвещение, ежем. Н. К. П. № 65-68.* 6. *В. ЗЕЛЕНКО и Г. ТУМИМ. Газета-букварь № 1. Гос. Изд. П. 1920 г.* 7. *Первая весть. Петербургский Отдел Наробраз. Гос. Изд. № 1—2.* 8. *И. ГРАЦИАНСКИЙ. Обучение счету неграмотных взрослых. Гос. Изд. П. 1920 г.* 9. *Политическая грамота. Указания для руководителей В. Ч. К. по ликвид. безграмотности. Гос. Изд. М. 1920 г.* 10. *Н. БОГУСЛАВСКАЯ. Математическая грамота. Указания для руководителей В. Ч. К. по ликвидац. безграмотности. Гос. Изд. М. 1920 г.* 11. *И. Брихничев. Методы и формы в области ликвидац. безграмотности. В. Ч. К. по ликвидац. безграмотности. Гос. Изд. М. 1920 г.* 12. *Ликвидаторам безграмотности. Периодическое руководство под ред. Д. ЭЛЬКИНОЙ. В. Ч. К. по ликвидац. безграмотности. Гос. Изд. 1921 г.*

Букварь *В. Смушкова* состоит из трех последовательно расположенных частей—собственно букваря, сборника статеек для чтения, большая часть которых взята из одной агитационной брошюры Бухарина, и краткого руководства для преподавания, дающего ряд методических указаний, распланированных на 11 уроков. Букварь, крайне примитивно сколоченный, вряд ли может быть признан удовлетворительным Учащемуся, еще не овладевшему даже всеми буквами русского алфавита, как материал для чтения, предлагаются, например, такие фразы: «Карл Маркс и Фридрих Энгельс положили основание научному социализму и марксизму» (стр. 13).

Ни в какое сравнение с названным букварем не может итти букварь *Элькиной, Богуславской и Курской.* Это достаточно серьезный опыт с хорошим методическим подходом. Материал букваря подобран с большим вниманием. Параллельно тексту букваря даются методические указания. Полторы страницы отданы математической грамоте, для целей которой служит также помещенный в конце букваря табель-календарь, сопровожденный надлежащими руководящими замечаниями. На последних страницах дается ряд в общем удачно подобранных стихотворений на темы о труде и трудящихся, об их освобождении, о знании—силе.

Листок «*Долой неграмотность*» (вышло 18 №№) представляет собой интересный опыт создания педагогического органа для обучающихся грамоте взрослых. Первые номера содержат материал букварного характера, построенный целиком на злободневных политических темах по газетному типу, плюс ряд методических статей, адресованных преподавателю. В дальнейших номерах этот материал, постепенно развиваясь, переходит в своего рода начальную хрестоматию, дающую уже более цельные и серьезные статьи по вопросам не только агитационно-политического характера, но и органически-производственного. № 13—14 в значительной части посвящены 8 Съезду Советов, в № 15—18 помещены хорошо подобранные отрывки из Толстого, Некрасова, Чехова, Тургенева, рассказ о побеге Кропоткина из «Подпольной России» Степняка, «Песнь о соколе» Горького и т. д. В общем, таким путем постепенно собирается тот материал, который должен будет войти в будущую хрестоматию нового, советского типа.

№ 65—68 еженедельника «*Народное Просвещение*» целиком посвящен вопросу о ликвидации неграмотности. Содержит ряд статей Н. Крупской, И. Брихничева, И. Гудзя, В. Смушкова и др., а также ряд официальных и текущих материалов.

«*Газета-букварь*» аналогична вышеуказанному листку «Долой неграмотность» за вычетом методических статей. № 1 содержит коллекцию крупно отпечатанных отдельных слов и целых фраз и стихотворение в прозе Тургенева «Щи».

«*Первая весть*» дает первый материал для чтения, интересно и жизненно составленный. Есть, например, почтовый ящик, расписание движения Петербургских трамваев, календарь и т. д.

Брошюра *Грацианского* прежде всего дает краткий очерк дидактики и методики обучения взрослых математике и счету вообще, а затем рассматривает также и специальный вопрос о том, какие цели и, в соответствии с этим, какая программа обучения взрослых арифметике может быть выдвинута в школах по ликвидации безграмотности. В конце дается краткий указатель методических пособий и руководств.

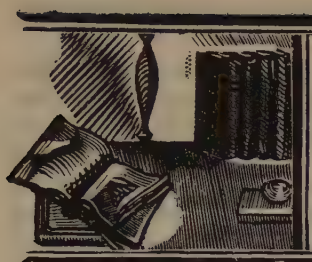
Очерк Богуславской носит специальный характер, приспособленный именно к работам по ликвидации неграмотности. По содержанию он глубоко жизненен и современен, и мы всячески рекомендуем его вниманию практических работников, которые найдут в нем живой источник ценнейших указаний.

Брошюра «*Политическая грамота*», напротив, не имеет прямого отношения к работе собственно по ликвидации неграмотности и, являясь перепечаткой одного из изданий Московского Отдела Народного Образования, может оказать скорее косвенную, чем прямую помощь непосредственному работнику. Но зато она может быть очень полезна для работников элементарных партийных школ и агитаторов.

Брошюра *Брихничева* является перепечаткой статьи из выше указанного номера «Народное Просвещение».

Наконец, последнее указанное в перечне издание является в то же время и самым интересным. Оно буквально должно стать настольной книгой каждого работника по ликвидации неграмотности.

Интересно прежде всего происхождение этой книги. Она является коллективной работой курсантов всероссийских курсов по ликвидации неграмотности. Содержание ее охватывает следующие вопросы: ликвидация неграмотности как массовая работа, темы для бесед, печатная агитация, роль искусства в работе по ликвидации, отчет о работе курсов, программы курсов различных масштабов с подробными тезисами по всем разделам, подготовка работников по ликвидации неграмотности, кабинет внешкольника, работа инструктора, организационная сторона работы, исторический обзор методов обучения грамоте, методика преподавания математики и в заключение все необходимые официальные материалы. Книжка, несомненно, является крупным фактом в истории той большой культурной работы, которая называется ликвидацией неграмотности в первой советской республике.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

Д-р прав Л. Б. БУДИН. Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики. Перев. с английск., под ред. В. И. Засулич с предисловием К. Каутского. Гос. Изд. Москва 1920. Ц. 100 р. Стр. 263.

Книжка Будина издается на русском языке второй раз. Настоящее издание отличается от первого (1910 г.) тем, что в него включено впервые переведенное на русский язык весьма ценное в методологическом отношении предисловие Каутского, написанное им для немецкого перевода разбираемой работы Будина.

Задача автора заключалась в том, чтобы дать английской (в частности американской) публике, вообще говоря, мало знакомой с научным социализмом, изложение философско-социологических и экономических основ учения Маркса, и попутно—критику ревизионизма. Как это ни странно, но Будин с полемической частью своей задачи справился гораздо успешнее, чем с изложением системы марксизма. Он нападает на ревизионистов, пользуясь не только теми аргументами, которые в свое время были выдвинуты против Бернштейна, Туган-Барановского, Струве и др. Каутским и Плехановым, но выдвигает еще целый ряд оригинальных возражений. Эта часть работы Будина, несомненно, заслуживает внимания.

Этого отнюдь нельзя сказать о главах, посвященных изложению учения Маркса. Глава об историческом материализме написана слабо: она страдает недостаточной точностью формулировок и даже некоторой вульгаризацией. Но эти недостатки компенсируются предисловием Каутского, посвященным основам методологии марксизма.

Гораздо хуже обстоит дело с экономикой. В этой части книжки Будина мы встречаемся с целым рядом утверждений, которые граничат с самым обыкновенным невежеством. На стр. 80 мы читаем: «Ценность представляет собой общественное отношение и потому определяется общественными условиями, тогда как цена служит выражением индивидуальной (!) оценки (!!) и потому определяется индивидуальными соображениями (!!). Ввиду того, что ценность является причиной цены, главным мотивом индивидуального определения цены будет, конечно, ценность подвергающейся оценке вещи; не действительная ее ценность, но лишь мнение о ее ценности». Читатель, мало-мальски знакомый с экономическим учением Маркса, знает, конечно, что «мнение о ценности», высказанное нашим автором, не имеет ничего общего с теорией ценности и цены, данной автором «Капитала».

Наследующей, 81, странице Будин пишет: «Совершая продажу или обмен, участвующие стороны сознательно или бессознательно оценивают соответственные количества труда, содержащиеся как в обмениваемых или продаваемых ими продуктах, так и в уплачиваемой за них цене, и если кто-нибудь находит, что они равны или перевешивают в его сторону, он заключает сделку. При этом качество рассматривается, как количество, путем сведения сложного труда к простому труду обыкновенного среднего рабочего, большее количество которого он представляет». Нечего и говорить о том, что Маркс, трактовавший ценность, как объективную величину, независимую от индивидуальной воли отдельных лиц, и утверждавший, что сведение сложного труда к простому происходит за «спиной товаропроизводителей», ничего подобного никогда не говорил и говорить не мог. Такие мысли бродили в голове Адама Сми-

Смита, но Марксу они были совершенно чужды.

На стр. 103 мы читаем: «Маркс знает только два рода ценности: потребительную ценность и меновую *и всюду, где он говорит просто «ценность», он подразумевает меновую ценность*» (Подчеркнуто мною. Ш. Д.). В цитате из Слонимского (одного из русских критиков Маркса), правильно разграничивающей понятие меновой ценности и ценности, Будин усматривает «нелепое утверждение». Трудно, конечно, предположить, что Будин не читал «Капитала», но можно с уверенностью сказать, что первую главу этой книги он проштудировал весьма поверхностно. Иначе он знал бы, что на 4 странице сего бессмертного труда черным по белому напечатано следующее: «Следовательно, то общее, что выражается в меновом отношении, *в меновой ценности* товаров, это—*ценность*. Дальше наше исследование приведет нас опять к меновой ценности, как к необходимому способу выражения или *форме проявления ценности, которую пока, однако, следует рассматривать независимо от этой формы*» (Подчеркнуто мною. Ш. Д.). В популярном изложении отождествление этих двух весьма близких, коррелятивных понятий вполне допустимо (и это часто делается), но, во-первых, книжка Будина не принадлежит к числу популярных, а, во-вторых, высмеивать хотя бы противника, который совершенно законно эти понятия разграничивает—значит явным образом грешить против духа марксизма.

В другом месте своей книжки (стр. 85) Будин пишет: «Этот новый товар—*абстрактный* (Курсив автора Ш. Д.) труд, продаваемый и покупаемый на рынке» и т. д. Как этот труд, т.-е. процесс потребления рабочей силы (как выражается Маркс), да к тому же еще абстрактный, т.-е. действительно не существующий, может покупаться и продаваться, это остается секретом автора, который, повидимому, умеет орудовать не только топором, но и тенью топора. Будину, казалось бы, следовало знать, что поклеп, возводимый им на абстрактный труд, относится к столь конкретной вещи, как рабочая сила...

Мы не будем останавливаться на целом ряде других совершенно вздорных «высказываний» автора, укажем лишь, что, с его точки зрения, «попытки капитализировать сельское хозяйство до сих пор не имели большого успеха», что «сельское хозяйство плохо уживается с общим строем капитализма», что «пока вещь не дошла до потребителя, ее меновая ценность подвержена изменениям» и что «нельзя поэтому сказать, сколько прибавочной ценности содержится в товаре, пока он не дошел до потребителя»...

Ввиду всего этого книжка Будина, несмотря на 2—3 хорошо написанные главы, не может быть рекомендована для ознакомления с марксизмом. Для широкого читателя из рабочей или крестьянской среды она вообще не годится, вследствие ее непопулярности.

Ш. Дволайцкий.

Р. ГИЛЬФЕРДИНГ. Бем-Баверк, как критик Маркса. Перевод с немецкого Е. Пашуканиса. Москва. Гос. Изд. 1920 г. Стр. 48. Цена 22 р.

Указанная в заголовке книжка представляет собой перевод одной старой статьи автора «Финансового капитала», написанной в «Marx-Studien» (Вена 1904 г.).

Выступая с анти-критикой Бем-Баверка, Гильфердинг превосходно выясняет коренное различие между субъективной и объективной точками зрения в политической экономии. Задача Маркса заключается в анализе той *общественной связи*, которая соединяет внешне разъединенных агентов производства. Но в обществе, покоющемся на разделении труда и частной собственности, эта связь в конечном счете выступает на поверхности не как отношение отдельных лиц, а как отношение отдельных вещей, а это мистифицирует всю проблему. Отрешившись от затемняющих дело обстоятельств, раскрыв сущность товарного фетишизма, Маркс показал, что товар есть экономическая категория, скрывающая за собой отношения людей и что он с этой точки зрения—единственно метологически правильной—есть вещь общественная. «Закон ценности потому обладает реальностью и труд потому является принципом ценности, что он есть та общественная связь, которая соединяет разложенные на атомы общество, а не потому, что он

является важнейшим техническим фактом». По Марксу (и в этом, кстати сказать, его отличие от Адама Смита), в понятии труда, создающего ценность, отсутствует всякий индивидуальный момент; он выступает не как причина приятных или неприятных ощущений, а как присущая товарам *объективная* величина, определяемая степенью развития производительных сил всего общества («общественно-необходимый труд»). Только при таком понимании можно под оболочкой экономических категорий усматривать и анализировать общественные отношения.

Не то мы видим у представителя австрийской школы. Даже излагая теорию Маркса, Бем-Баверк трактует понятие труда, создающего ценность, *чисто субъективно*. «Причиной» ценности он делает индивидуальное ощущение неудовольствия, и с этой точки зрения он усматривает в ценности только психологический факт. В своей теории ценности Бем-Баверк исходит не из общественных отношений людей друг к другу, а из индивидуального отношения человека к вещи. Исходной точкой здесь служит *естественное* свойство вещи, которая с этой стороны является предметом изучения *естественной*, а не общественной науки. Мало того. «Так как это индивидуальное отношение (человека к вещи) присуще всем состояниям общества и само в себе не заключает принципа изменения, ибо развитие потребностей и возможности их удовлетворять в свою очередь само обусловлено, то эта теория должна отказаться от поисков общественных законов движения... Ее точка зрения *не исторична и не социальна*. Ее категории это—*естественные и вечные категории*» (Курсив мой. Ш. Д.).

Кроме этих общеметодологических соображений, которые Гильфердинг развивает в I и III главах, он в главе II довольно подробно останавливается на так наз. «великом противоречии» между I и III томами «Капитала», давая попутно блестящее изложение соответствующих глав третьего тома.

Рецензируемая книжка, несомненно, принадлежит к лучшим работам, вскрывающим внутреннюю бессодержательность и бесплодность субъективной школы политической экономии. Взятая вместе с работой *Бухарина* «Политическая экономия рантье» (особенно той ее частью, которую автор посвящает *логической* критике Бем-Баверка), она даст читателю полное представление об австрийской школе в ее отличии от школы Маркса.

Чтение книжки Гильфердинга требует сравнительно большой предварительной подготовки: нужно хорошо знать первый том «Капитала» и первую часть третьего тома. В связи с этим небесполезно обратить внимание наших органов распределения литературы, что рассматриваемую работу нельзя пускать в общую разверстку. Ее можно давать в качестве учебного пособия студентам факультетов общественных наук, слушателям партийных школ высшего типа и т. п.

Перевод сделан хорошо. Некоторые досадные недоразумения (на стр. 9 и 12, напр.), мешающие уяснению смысла, явным образом вытекают из небрежности корректуры.

Ш. Дволайцкий.

Л. ТРОЦКИЙ. Терроризм и коммунизм. Госуд. Изд-во. Петербург. 1920. Стр. 178.

В революционную эпоху некогда писать не только книги, но часто заметки о книгах, хотя бы и весьма замечательных и требующих оценки. Этим объясняется появление настоящей рецензии на книжку тов. Троцкого с запозданием более чем на полгода.

Предреволюционная эпоха благоприятней для литературного творчества, чем период непосредственной борьбы. Вместе с огромным стимулом к творчеству, который порождается противоречием между классом революционным и классом, который должен быть сброшен с трона власти и идеологического господства, такая эпоха дает тот элементарный минимум спокойствия и времени, который так же *материально* необходим для творчества, как необходим некоторый промежуток времени для того, чтоб лучше прицелиться в противника в момент боя. Этого минимума не дает период революции, когда торопливо написанная фраза смешивается с трескотней выстрелов, кровью, шумом классовой

битвы, когда вопрос о том, *что* сказать, совершенно поглощает собой вопрос о том, *как* сказать. Поэтому наша публицистика эпохи революции, за небольшими исключениями, так небрежна, груба, элементарна, ремесленно-упрощена и в литературном отношении сильно уступает периоду, когда наша партия не стояла у власти. Тем с бо́льшим удовлетворением и изумлением приходится остановиться на книжке т. Троцкого, написанной в промежутке между поражениями и победами на фронте, в нервной обстановке незаконченной войны, и вместе с тем лишенной всех тех недостатков, которыми страдают почти все коммунистические писания после октябрьского переворота.

Книжка посвящена Каутскому и его «научному пасквилю» на большевиков, появившемуся в 1919 году в Берлине под названием «Терроризм и коммунизм».

Т. Троцкий начинает с атаки на оппортунизм европейских социал-демократов и Каутского в том пункте, где они оправдывают свой отказ от революционного натиска на капитал ссылками на существующее «соотношение сил». Он с полной очевидностью показывает, что в этом «соотношении сил» в Европе, на равнодействующей которого держится система Ллойд-Джорджа, Носке и Клемансо, именно Второй Интернационал является «решающей силой контр-революции».

В главах о диктатуре пролетариата и о демократии автор в строках, полных остроумия и блеска, доказывает отступничество Каутского от марксизма в коренных вопросах тактики и разоблачает позорную и трусливую позицию адвокатов всеобщего избирательного права и парламентаризма.

В главах о терроризме и Парижской Коммуне т. Троцкий доказывает неизбежность пролетарского террора в условиях смертельной опасности для советской республики. На примере Парижской Коммуны и всего того, что писал Маркс о Коммуне, он показывает, все преимущества советской диктатуры над первым опытом парижских рабочих, оттеняет ошибки и слабость Парижской Коммуны, которые Каутский считает ее достоинствами, и констатирует полнейшее расхождение Каутского с Марксом в оценке политики Парижской Коммуны.

В главе «Рабочий класс и его советская политика» автор разоблачает лживость клеветнических сообщений из советской России (о «национализации женщин», напр., на что имел низость ссылаться Каутский) и доказывает неизбежность именно той внутренней и международной политики, какую проводила Российская Коммунистическая Партия с октябрьской революции.

Несколько особняком стоит в книге глава «Вопросы организации труда», состоящая из комбинации трех речей тов. Троцкого о хозяйственном строительстве.

В заключительной главе автор дает убийственную и вместе с тем художественную характеристику Каутского, как папы австрийской школы в социал-демократии, и портреты других австрийских «марксистов», заканчивая такой прекрасной эпитафией бывшему марксисту:

«...Каутский молчит. Он отвергает режущую его слух большевистскую мелодию, но он не ищет иной. Разгадка проста: старый тапер вообще отказывается играть на инструменте революции» (стр. 174).

Я сказал эти несколько слов о содержании книги отнюдь не затем, чтоб дать возможность кому-либо увильнуть от ее чтения, ограничившись этой заметкой. Эта книжка читается с художественным наслаждением даже теми, для кого ее содержание не представляет в существенном чего-либо совершенно нового.

О стиле я хотел бы сказать еще несколько слов.

Т. Троцкий является бесспорно лучшим публицистом нашей партии. Все достоинства его литературного таланта на-лицо в разбираемой книге. Тот факт, что он, занятый фронтами, не написал, кроме этой вещи, ни одного крупного произведения с октябрьских дней, отозвался огромным плюсом на другом полюсе революции, но был вместе с тем чувствительной потерей для русской литературы.

Блестящие характеристики, едкое остроумие, сарказм, ненависть и презрение к противнику, революционная

страсть, пролетарская гордость, богатство образов,—все это вы найдете в разбираемой книге. Иногда даже с избытком. Например, в последней главе читатель должен вобрать в себя такой густой раствор образов, художественных сравнений, яда насмешек, что роскошь такого стиля начинает иногда казаться чрезмерной.

Это излишество красоты стиля есть несомненный результат спешности работы и, думается мне, плод долгой закупорки крупного стихийного литературного таланта.

Каждый сознательный рабочий знает ту роль в интернациональном рабочем движении, которую играл в свое время Каутский.

Каждое более или менее крупное его произведение имело всегда международное значение. Его пасквиль также получил всемирную известность—не только благодаря пропаганде Второго Интернационала, но прежде всего благодаря тому взрыву сочувствия и той неслыханной рекламе, которую ему сделала буржуазная печать всего мира—за выступление против большевиков. Это выступление заслуживало крепкой, внушительной, звучащей на весь мир пощечины со стороны оклеветанного героического пролетариата России и его партии. Эта пощечина ренегату, после известной брошюры тов. Ленина [1]), дана в рассматриваемой книге Троцкого. Из теоретической дуэли Каутский уходит разбитым, жалким, осмеянным, с печатью клеветника на лбу.

Книжка тов. Троцкого не только представляет из себя блестящий отклик на злобу международного дня, но и приобретение классической публицистики русской и международной...

Е. Преображенский.

ТАК ПИСАЛ ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. (К столетию со дня его рождения. Гос. Изд. Птб. 1920 г. 13 стр).

Если бы эту брошюрку выпустила частная фирма, мы назвали бы это самой беззастенчивой спекуляцией. В данном же случае—не спекуляция, а недомыслие и излишняя поспешность.

Мало ценного сумел найти составитель у Энгельса: всего десять страничек маленького формата и разгонистой печати. Да и для этого вынужден был использовать «Коммунистический манифест», автором которого был не столько Энгельс, сколько Маркс. Выхваченное носит по большей части случайный характер, не дает представления о колоссальном наследстве, оставленном Энгельсом человечеству. Иногда положительно гадкий перевод («Для буржуазии ничего не существует иначе, как ради денег, не исключая и ее собственного существования». Стр. 8). Составитель неудосужился использовать то, что уже давным давно было сделано, хотя бы пусть даже устарелые выборки из Энгельса по справочнику Чернышева.

Книжечка—клевета на Энгельса, способная породить в неосведомленном читателе недоуменный вопрос: чего же это так много говорят и пишут об Энгельсе?

И. Степанов.

Б. БЫСТРЯНСКИЙ. Фридрих Энгельс (1820—1920). К его характеристике. Гос. Изд. Птб. 1920. Цена 25 р. Стр. 32.

Великому сподвижнику и другу Маркса посвящен целый ряд статей и работ, в том числе недавно вышедшая на немецком языке большая книга буржуазного историка Густава Мейера (о молодых годах Энгельса). Уже давно опубликована его замечательная переписка с Зорге, Николай—оном и другими, а в 1913 году было закончено издание его 4-томной переписки с Марксом. И несмотря на наличность всех этих богатейших материалов, мы до сих пор не имеем *ни одной* научной биографии Энгельса. Более того, можно сказать, что до сих пор не разработан вопрос о том, что в научной системе марксизма принадлежит Марксу и что Энгельсу.

К столетнему юбилею со дня рождения Энгельса было несколько попыток дать его сжатую биографию и характеристику. К числу таких попыток принадлежит брошюра тов. Быстрянского. Но она не представляет собою ни биографии, ни

---

[1]) «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

характеристики. Это—попросту сборник цитат, добросовестно снабженных ссылками на соответствующие книги и занимающих ровным счетом *две трети* всей книжки.

Цитаты подобраны местами довольно бессистемно и сшиты белыми нитками.

Трудно сообразить, на какого читателя рассчитывал тов. Быстрянский, когда он писал свою брошюру. Если он имел в виду узкий круг так называемых подготовленных читателей, то для них сделанные им выписки, за исключением 3—4 цитат из переписки Маркса и Энгельса, не новы; если же он предназначал свою брошюру для широкого читателя,—а цель его, повидимому, была именно такова,—то такому читателю тов. Быстрянский ничего не дал, так как приведенные им цитаты из Энгельса слишком не популярны.

Не проще ли было бы тот же материал изложить в удобоваримой форме популярным языком?

Ш. Дволайцкий.

К. МАРКС. Письма к Л. Кугельману. С предисловием редакции „Neue Zeit". Перевод с нем. М. Ильиной, под ред. и с предисловием Н. Ленина. Гос. Изд. Птб. 1920 г. Стр. 125.

Книжка эта небольшая по объему, но ценность ее очень велика. Это одно из наиболее значительных и своевременных изданий. Первое письмо Маркса датировано 28/XII 1862 года, последнее—18/V 1874 г. Переписка, следовательно, охватывает период, который включает в себе работу Маркса над «Капиталом», участие в Международном обществе рабочих, борьбу с Бакуниным и, наконец, Парижскую Коммуну. Кроме драгоценных черточек, характеризующих самого Маркса и условия, в которых создавался «Капитал», письма содержат множество теоретических замечаний, отдельных мыслей, которые могут дать вдумчивому читателю нередко больше, чем иное многолистное исследование. Особенный интерес представляет письмо Маркса от 12 апреля 1871 года, написанное в дни Парижской Коммуны, письмо, замечательное как по глубине исторического прогноза, так в особенности по тем выводам, которые могут быть сделаны из него нами, наследниками и продолжателями парижских коммунаров 1871 года. Мы позволим себе процитировать поэтому значительную часть этого письма.

« ...Если ты просмотришь последнюю главу «18 Брюмера»,—пишет Маркс,—ты увидишь, что по моему мнению ближайший подъем французской революции будет попыткой *не передать* бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, *а разрушить эту машину*. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. Такова как раз попытка наших геройских парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг еще не стоял у ворот Парижа. История не знает еще примера подобного героизма. Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». *Надо было сейчас же итти на Версаль, как только Винуа*, а вслед за ним и реакционная часть парижской национальной гвардии, бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. *Не хотели начинать гражданской войны, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж.* Вторая ошибка: центральный комитет *слишком рано сложил свои полномочия*, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности. Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание—если оно даже будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества — является славнейшим

подвигом нашей партии со времени июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства» (Курсив наш. В. П.).

Этим письмом намечен путь, которым пошла русская революция после октября. То, что нам было ясно из опыта—неизбежность *разрушения* военно-бюрократического аппарата старого государства, при переходе в руки рабоче-крестьянской диктатуры,—это было с гениальной проникновенностью понято и предсказано Марксом. Он подчеркивает затем обе ошибки парижан. Их избежали русские коммунисты. Не ожидая нападения со стороны «версальцев», было сделано нападение на их лагерь и сделано было «по Марксу», хотя делалось под диктовку сознанной стихийной необходимости. То же самое приходится сказать о «сложении полномочий». Этого очень хотелось нашим явным и замаскированным «версальцам». Опыт французских блузников учли русские рабочие и не пошли *в этом* по стопам их.

Переписке предпослано предисловие Н. Ленина. Написано оно в 1907 году 5 февраля—в условиях, следовавших за разгромом первой русской революции. Предисловие направлено против правого крыла с.-д.—Плеханова и его сторонников. 14 лет, прошедших со времени, когда это предисловие писалось, нисколько его не состарили, и каждый рабочий должен вновь и вновь перечитать эти строки, написанные в эпоху жестокой реакции, после разгрома рабочих организаций, чтобы поучиться, как надо относиться к революции, как следует *верить* в нее, с каким мужеством итти по революционному пути, который считаешь правильным. Ленин подробно анализирует приведенное выше письмо Маркса, и этот анализ, сделанный за 10 с лишним лет до октябрьской революции, по силе исторического понимания неизбежных путей развития революции, не уступает самому письму Маркса:

«Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо». Этой фразой заканчивается предисловие.

Хотя настоящее издание является перепечаткой с первого вышедшего в 1907 году, об этом не сказано ни слова. Необходимо, чтобы Гос. Изд-во вело количественный учет изданий. Этого требует правильно поставленная библиография; распространяться об этом не приходится, ибо польза такого учета ясна каждому.

Вяч. Полонский.

Д. РЯЗАНОВ. Карл Маркс и русские люди сороковых годов. Второе дополненное издание. Госуд. Изд. Птб. 1920 г. 91 стр.

В одном из писем Маркса к Кугельману имеется очень резкий отзыв автора «Капитала» о «русских аристократах», с которыми ему приходилось сталкиваться в Париже в 1843—1844 годах. «Мое сочинение против Прудона, а также книга, вышедшая у Дункера, нигде не нашли такого сбыта, как в России. И первая чужеземная нация, которая переводит «Капитал», это—опять-таки русская. Но этому, конечно, нельзя придавать большого значения. Русская аристократия в молодые годы учится в немецких университетах и в Париже. Она жадно набрасывается на самое крайнее, что ей в состоянии дать Запад. Для нее это—просто тонкое лакомство. Все это нисколько не мешает тем же самым русским, как только они поступают на государственную службу, превращаться в негодяев». Эти строки послужили Д. Б. Рязанову поводом к исследованию вопроса: кто же именно были те «русские аристократы», которые вызвали в Марксе столь резкое суждение? И благодаря тому, что в распоряжении Д. Рязанова были богатые архивные материалы, с помощью детального изучения печатных русских и иностранных источников ему удалось написать интереснейшую работу, документально обоснованную, которая является чрезвычайно ценным вкладом в небогатую нашу литературу о западном влиянии на развитие русской мысли и выводы которой значительно шире той цели, которую ставил себе автор.

С большим мастерством Д. Б. Рязанов воскрешает перед нами забытую фигу-

ру Н. И. Сазонова, одного из друзей Герцена и Бакунина. Фигура этого русского эмигранта была известна нам до сего времени гл. обр. по мемуарам Герцена. Под пером Рязанова, обрисовавшего отношения Сазонова к Марксу, дружбу с Герценом, участие в литературных движениях Запада—облик его предстал перед нами в новом свете. Ряд остроумных и тонких критических замечаний прибавляют много любопытных штрихов к духовному облику Герцена. Сазонову посвящена большая часть книги. Но не Сазонов вызвал сердитое суждение Маркса.

Рязанов касается мимоходом облика Ивана Головина. Много цепных страниц уделяет П. В. Анненкову, давая ему уничтожающую характеристику, набрасывает мельком портрет В. П. Боткина, центральное же место в работе уделяет Якову Толстому, декабристу, другу Пушкина, Грибоедова и Анненкова, приятелю Бакунина. Человек этот сумел втереться в доверие немецких эмигрантов в Париже. Он с жаром уверял Маркса и Энгельса в готовности распродать свои имения в России, чтобы деньги употребить на революционные цели. После исследования Д. Б. Рязанова не остается сомнений в том, что «степной помещик», горячо отстаиваемый Анненковым, взятый под защиту Бакуниным, обещавший отдать свое состояние делу революции, был именно Я. Н. Толстым, парижским агентом III отделения. Однажды заподозренный, он сумел с помощью веривших ему друзей оправдаться, но, в конце концов, был разоблачен окончательно и именно ему обязаны «русские аристократы» цитированной выше фразой Маркса о «негодяях».

Исследование взаимоотношений перечисленных фигур к Марксу дает Д. Б. Рязанову основание прийти к заключению, что влияние Маркса на русских людей 40-х годов имело место, но оно осталось чисто индивидуальным и кристаллизовалось только в случайных заявлениях. Оно не вошло определенным звеном в дальнейшее развитие русской общественной мысли и никакой идейной преемственности между «марксизмом» Анненкова и Боткина и современным нет и быть не может.

Совершенно изолированным явлением осталась и «подпольная» деятельность Сазонова, единственного человека, на которого «Манифест» оказал влияние уже в 1848—1849 годах. Она протекала далеко от русла российской действительности и вряд ли оказала какое-либо влияние на людей шестидесятых годов.

Знакомство Маркса с людьми 40-х годов остается только любопытным эпизодом в истории «зап. влияния в русской литературе».

Нам остается заметить следующее: задача, которую ставил себе Рязанов вполне и с успехом выполнена. Но ведь его работа по значению своему выходит за ее пределы. Самое заглавие *«Маркс и русские люди 40-х годов»* требует, чтобы в этой работе для полноты картины были обрисованы отношения Маркса в парижский и брюссельский периоды к человеку, имя которого в истории революционной борьбы связано с именем Маркса. Я говорю о Бакунине. Маркс сталкивался с ним в 1844 году и много раз в позднейшие 1844—1849 годы.

О Бакунине Д. Б. Рязанов говорит в своем исследовании вскользь, мимоходом, не уделяя ему самостоятельно места, а между тем отношения его с Марксом, плохо освещенные в эту именно эпоху, могли бы быть великолепно рассказаны Д. Б. Рязановым, одним из самых тонких знатоков этих отношений.

И еще одно замечание.

В письме из Брюсселя, после высылки из Парижа, Бакунин просит Анненкова никому не говорить об его планах, кроме «Т». В сборнике «Анненков и его друзья» вместо «Т» стоит «Тургенев». Д. Б. Рязанов пишет: «Непонятно, почему Бакунин сделал это исключение именно для Тургенева», доказывая затем весьма убедительно, что этим Тургеневым не мог быть Иван Сергеевич. Остается как будто предположение, что за буквой «Т» стоял Яков Толстой. Но ведь в то время в Париже жил еще один Тургенев, Николай Иванович, у которого часто бывал Бакунин. Не более ли вероятно, что именно его имел в виду Бакунин?

Вяч. П.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

С. И. ГУСЕВ. (Уроки гражданской войны. Издание Редиздата Украинского Пура. 1921 г.).

Вожди II Интернационала утешились на мысли, что военное дело, вообще говоря, не самая сильная сторона рабочего класса. Успокоившись на этом, они искали путей спасения пролетариата в разных формах соглашения (точнее: подчинения) рабочего класса с буржуазией. Иначе посмотрела на этот вопрос Российская Коммунистическая Партия. Вступив в бой с отечественной и мировой контр-революцией, она занялась организацией могущественной Красной армии, которая уже внесла в военно-революционную историю много блестящих, ярких страниц. Военная история Красной армии представляет глубочайший интерес во всех отношениях. К глубокому сожалению, творчество русских рабочих и крестьян на поле битвы еще не нашло своего идейного и литературного выражения в русской военной литературе. Имеются отдельные статьи и недурные книги, но нет цельного описания сущности и хода гражданской войны.

Именно поэтому особенного внимания заслуживает коротенькая конспективная работа тов. Гусева, указанная в заголовке этой заметки. Тов. Гусев в своей книжке «Уроки гражданской войны» представляет нам в кратком и сжатом виде тезисы всех тех вопросов, которые должны быть разработаны в истории гражданской войны. Но не в этом одном ценность работы тов. Гусева. Внимательно читая его работу, ясно видишь, что он поставил своей задачей извлечь все те военно-политические уроки из нашей гражданской войны, которые могут быть полезны для наших западноевропейских товарищей. Задача трудная, в этом нет сомнения. Но поскольку она выполнима в пределах небольшой работы в 4—5 печатных листа, автор справился с ней блестяще. Он вводит читателя во все те вопросы, которые нас волновали в процессе организации армии, и с поразительной отчетливостью отмечает те ошибки, за которые мы дорого платились в борьбе против наших врагов.

Особенно интересны две главы. Одна, посвященная роли кавалерии, другая, посвященная рабоче-крестьянским военно-учебным заведениям. Все знают, что рабочий, сев на коня, проявил чудеса в области военного дела. Наиболее яркие тактические моменты в действиях кавалерии хорошо схвачены и ясно изложены автором. В главе о командных курсах автор пользовался хорошо разработанной историей Вуз, изданной Гувузом, под заголовком: «Три года деятельности советских Вуз». На основании этого материала ему удалось представить достаточно полную картину строительства «кузниц победы и мощи» советской России. В той же главе автор кратко, но ясно обосновал политику советской России в отношении к воен. специалистам.

Книжка, как сказано, предназначена, главным образом, для наших западноевропейских товарищей. Этим объясняется тот факт, что почти все приложения к книжке имеют своей целью дать картину политического руководства армией. Все же можно и должно приветствовать появление этой работы и на русском языке. Это прекрасный конспект для всякого, интересующегося историей гражданской войны. Это хороший стимул для продолжения работы в том же направлении.

Д. Петровский.

М. РАФЕС. Два года революции на Украйне. (Раскол Бунда).

На Украйне ярче всего проявились противоречия, связанные с проведением пролетарской диктатуры в крестьянской стране. Эти противоречия усугублялись еще на Украйне специфическим, национальным моментом и обострялись тем, что золотой колос Украйны манил к себе всех могучих хищников, которые через Украйну стремились превратить отдельные части России в свои колонии. Украйна была поэтому операционной

базой для бесчисленного множества армий, и правительства сменялись там с молниеносной быстротой. Даже украинские политические работники уже потеряли счет всем тем правительствам, которые сменяли одно другое за время революции. Естественно, что весьма трудно дать объективное и исчерпывающее изложение борьбы революции с контр-революцией на Украйне. Некоторые попытки в этом направлении сделаны. Самой крупной работой является работа Винниченко, вождя национальной украинской контр - революции. Автор этих строк попытался дать конспективную картину развития революции на Украйне за первые два года, в небольшой книжке под заголовком: «Революция и контр-революция на Украйне». Несколько особняком стоит работа тов. Рафеса, название которой указано в заголовке настоящего отзыва.

Он попытался связать два процесса—развитие революции на Украйне и раскол Бунда, слабо связанных между собой в одной общей работе. Он, правда, предупреждает, что «два самостоятельных политических процесса пройдут перед глазами читателя в предлагаемой его вниманию книжке». Он утешает читателя, что оба процесса дали в результате одно и то же: «победу идеи Советской власти, диктатуры пролетариата». Утешение очень слабое. Очень много совершенно разнообразных и разнородных процессов дают в обстановке сумерек буржуазного строя один и тот же результат. Из этого, конечно, не вытекает, что можно эти различные процессы связывать воедино.

Другой большой грех автора—это его субъективизм. Автор знает и про этот грех, но, очевидно, отделаться от него не мог. Утешает он читателя тем, что, давая ему часто свои статьи, он этим самым знакомит его с эволюцией Бунда по первоисточникам. Это ошибка. Автор не понимает, что Бунд в пору революции на Украйне жил, главным образом, традицией прошлого и опирался на тот ореол славы, какой он себе создал в героическую пору его организационной работы среди еврейских рабочих. Своими речами, статьями и резолюциями тов. Рафес скорее выявляет свой собственный политический импрессионизм, чем действительные колебания и переходы в среде самого Бунда.

Вместе с тем, работа тов. Рафеса безусловно представляет огромный интерес. В пору революционного творчества трудно или невозможно даже писать историю революции. Чтобы постичь революцию, необходимо отойти от нее на некоторое расстояние и лишь тогда попытаться ее воспроизвести. Активнейшие работники революции являются поэтому самыми худшими ее историками. Заслуга книги тов. Рафеса в том, что, невзирая на ее крайний субъективизм, она все же дает много фактов и документов, собранных в хронологической и логической связи. Пусть есть ошибки в подчеркивании того или иного факта. Но очень важно, чтобы активные работники своевременно писали свои мемуары. Эти мемуары, конечно, не следует рассматривать, как историю; еще меньше они могут претендовать на объективный научный анализ. Они зато являются незаменимым материалом для истории. Наиболее интересны 4-я и 5-я главы. 4-я глава дает достаточно выпуклую картину положения Украйны под игом оккупации и реакции. 5-я глава дает правильное и живое описание свержения гетмана и изгнания немцев. Попутно описывая деятельность Бунда в эти периоды, автор, может быть, сам того не желая, выявляет убожество и бессмысленность меньшевистско-бундовского соглашательства в обстановке революционной напряженной войны.

Д. Петровский.

ДОБЛЕСТНАЯ ЗАЩИТА ПЕТРОГРАДА В ОКТЯБРЕ 1919 ГОДА. Изд. Отд. Воен. Лит. при Р. В. С. Р. Москва 1921. Стр. 110.

Под этим названием издан труд неизвестного автора [1]).

Задавшись целью описать операцию Юденича против Петрограда, автор сжато и вместе с тем ярко изобразил картину боевых действий, имевших место в октябре 1919 г. на фронте VII армии.

---

[1]) Автором книги является Г. Г. Церетели.

Хотя автор для своего труда использовал не весь материал Полевого Штаба Р. В. С. Р. и потому этот труд не может быть признан строго научным, тем не менее книга читается с большим интересом, легко и быстро. Описание всей операции, длившейся около месяца, заняло всего лишь 100 страниц. Схемы чрезвычайно просты и наглядны. Написанная популярным языком, книга эта приобретает особенную ценность в смысле доступности ее для понимания широких красноармейских масс. В общем книга издана очень удачно.

Ввиду отсутствия до сего времени строго военно-научного исследования Петроградской операции 1919 г., выход в свет данного труда следует только приветствовать.

Можно быть уверенным, что эта книга будет читаться с живейшим интересом всеми, кому дорога советская Россия и рабоче-крестьянская Красная армия.

Б. Шапошников.

МИХ. ПАВЛОВИЧ (М. Вельтман-Волонтер). На высотах Красного Дагестана. Из истории контр-революции на Кавказе. Путевые наброски. Госуд. Изд. Москва 1921 г.

Путевые заметки т. Павловича начинаются описанием его поездки вместе с т. Коркмасовым (Джелал-Эддином), председателем дагестанского ревкома и членом президиума Совета Действия и Пропаганды Народов Востока и т. Измаил-Хакки, членом турецкой коммунистической партии, на чрезвычайный съезд горской бедноты.

Читая эту брошюру, написанную великолепным языком, читатель вместе с т. Павловичем переходит от одного селения к другому. Вместе с автором подымается на высоты, вместе с ним следует по горным дорогам.

Переходя с места на место, автор кратко и выпукло рисует значение отдельных пунктов в истории героической борьбы трудящихся Кавказа с контрреволюционными бандами.

Хорошо описана борьба с лже-имамом Нажмудином Гоцинским, которого снабжало оружием меньшевистское грузинское правительство.

Без преувеличений и без прикрас нарисована картина съезда горской бедноты.

Брошюра т. Павловича является ценным материалом по истории революционного движения на Кавказе, а также весьма полезной как описание быта и нравов кавказских борцов за коммунизм.

Брошюра издана плохо. Слишком мелкая печать может послужить некоторым препятствием к широкому ее распространению, какого она заслуживает.

Д. Дросев.

БЕЛЫЕ МАРИОНЕТКИ. („Образование северо-западного правительства". Гельсингфорс 1920 г. 48 стр.).

Брошюра подписана именами трех членов бывшего «политического совещания при главнокомандующем северо-западного фронта», т.-е. при генерале Юдениче, В. Д. Кузьминым-Караваевым, А. В. Карташевым и М. Н. Суворовым. В брошюре рассказывается, как английским генералом Маршем взамен этого «политического совещания» было образовано «северо-западное правительство» с Лианозовым во главе. К брошюре приложено несколько интересных документов.

Во всех белогвардейских переворотах характерно всегда то, что переворот совершается всегда только на верхах, без всякого участия народных масс, которым преподносится готовым новое правительство. Ту же черту видим мы при образовании «северо-западного правительства».

В образовании этого «правительства» есть еще одна характерная черта. Образовано оно было английским генералом Маршем вполне по его воле, по его приказанию, без совещания с теми русскими людьми, которые были назначены Маршем министрами нового «правительства». Дело было сделано очень просто, по-солдатски.

Генерал Марш собрал 10 августа 1919 г. кучку белогвардейцев «без различия партий и политических воззрений». В число их попало несколько несчастных, именующих себя «социалистами», и «предложил» немедленно, не выходя из

комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое сегодня же должно заключить договор с Эстонским правительством. Текст договора он тут же огласил. Если, прибавил генерал Марш, правительство не будет к 7 часам образовано, то всякая помощь со стороны союзников будет сейчас же прекращена. Его буквальные слова: «Мы Вас будем бросать». Генерал Марш передал М. Н. Суворову текст предложенного к заключению с эстонцами соглашения и список лиц, которых он предлагает в состав «правительства». А затем Марш вместе с представителями английской, французской и американской миссий удалился, заявив, что вернется за ответом в 7 часов. Это было в 6 часов 20 мин. веч.

«Русские люди, без различия партий и политических воззрений» согласились и выторговали только разрешение отложить дело до 6 часов вечера следующего дня.

На другой день дело происходило еще грубее.

«Генерал Марш, не открывая заседания, предложил всем иностранцам перейти в соседнюю комнату, куда затем пригласил вместе с собой С. Г. Лианозова. Там, в этой комнате Лианозову было предложено, *не читая*, подписать заявление эстонскому правительству и представителям Соедин. Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле», под текстам коего было напечатано: Премьер-министр, министр финансов, и далее шел перечень шестнадцати министров, а внизу значилось: «Вполне согласен с вышеизложенным. Генерал Главнокомандующий северо-западной русской армией». Лианозову удалось добиться того, что Марш позволил ему прочитать это заявление и прочитать его другим «министрам», прежде чем они его подпишут. Попробовал Лианозов заикнуться, что под заявлением должна быть подпись Юденича, которого не было в Ревеле, и что Юденич может не согласиться дать свою подпись. На это Марш коротко ответил: Если он не подпишет, то «у нас готов другой главнокомандующий».

«Самые выдающиеся русские люди, собранные без различия партий и политических воззрений», подписали безграмотно составленное заявление и по воле генерала Марша превратились в министров, в «правительство».

Работа этого «правительства» имела такой же водевильный характер, каким было его возникновение. «Генерал Марш для управления делами на территории двух уездов, Гдовского и Псковского, счел нужным образовать правительственную коллегию из 16 лиц, включив в нее морского министра при отсутствии флота, министра почт и телеграфа для направления деятельности двух почтовых контор и 5—6 сельских почтовых отделений, министра просвещения для высшего руководства делом просвещения в двух-трех средних учебных заведениях и в двух-трех десятках начальных училищ и т. д. Мало того, ген. Марш включил в правительство даже одного министра без портфеля, весь смысл которого заключался в том, что это есть должность «для разговоров» (26—27).

Какова же была деятельность «демократического правительства», возникшего по милости английского солдафона генерала Марша? Вот как характеризуют ее даже такие правые кадеты, как Кузьмин-Караваев и Карташев:

«В одних местностях быстро появилась мировая юстиция, в других царило полное бесправие. Коменданты, уездные и волостные, допускали постоянное превышение власти. Политические задачи минуты преследовались неумело, все сводилось к жестокости».

А вот программа, безграмотно написанная генералом Марщем и принятая «самыми выдающимися русскими людьми», вошедшими в состав «демократического правительства»:

«Установить в Петрограде демократическое правительство, которое будет уважать человеческие права, как-то: жизнь, личную свободу и *собственность имущества*». Даже кадеты—авторы брошюры— выражают изумление, что «приглашенные Маршем в состав Северо-западного правительства социалисты в этом лозунге не усмотрели для себя препятствия быть министрами».

Н. Мещеряков.

1) ГЕН. Я. Д. СЛАЩЕВ-КРЫМСКИЙ. „Требую суда общества и гласности". (Оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. Константинополь 1921 г. Книгоиздат. М. Шульман, 93 стр. и 2 схемы.

2) „Разгром Врангеля". Харьков 1920 г. Издательство ПОЮЖА. (Политическое Управление Южного фронта). 54 стран. 4 схемы.

Две небольших книжки с двух полюсов недавно законченной борьбы за обладание Крымом.

Автор одной—соратник и сподвижник Деникина, один из виднейших представителей черной рати в стане Врангеля, золотопогонник высшей марки, для которого этот барон был слишком еще большой демократ. Генерал Слащев, хоть и очень осторожно, описывает разложение во врангелевской армии, повальное бегство и трусость белого офицерства, несмотря на неприступность Перекопского перешейка и Чонгарской железнодорожной дамбы, идеально укрепленных французскими военными инженерами.

Вторая книжка представляет собою сборник статей участников борьбы Красной армии за обладание Крымом, за ликвидацию авантюры бар. Врангеля—т.т. С. Гусева, И. Смилга, Бела-Куна и В. Ольдерогге. В сборнике очень наглядно и интересно описывается подвиг Красной армии, сумевшей ценой десятитысячной кровавой жертвы в кратчайший срок овладеть неприступными подступами к Крыму и опрокинуть Врангеля в море.

Чрезвычайно интересны приложенные к сборнику секретные приказы тов. Фрунзе, а также секретная директива всем коммунистам армии Южфронта от 30-го сентября 1920 г. Из этих приложений видно, какую огромную роль в ликвидации Врангеля играли коммунисты, которым партийная директива предписывала:

«В передовых рядах коммунисты должны воодушевлять красноармейцев своей решимостью, отвагой и примером».

Мелкое соперничество, интриги, склока — вот основной фон книжки генерала Слащева-Крымского. Все это приправлено изрядной дозой черносотенного монархизма и деланного «патриотизма».

Беззаветная храбрость героизма Красной армии, принесшей десятитысячную жертву у подступов к Крыму — вот основной фон сборника, посвященного ликвидации Врангеля.

Для будущего историка пролетарской революции и гражданской войны сопоставление обеих рецензируемых книжек даст чрезвычайно много,—сопоставление это не только даст возможность взаимной проверки *фактов*, излагаемых в обеих книжках, но—главное—даст возможность живо ощутить грандиозную разницу настроений, мировоззрений и мироощущений по обе стороны красно-белого фронта.

С. Заяс (Гладнев).

Н. МЕЩЕРЯКОВ. В меньшевистском раю. Из впечатлений поездки в Грузию. Москва 1921 г. Гос. Изд. Стр. 55.

Автор этой книжки прожил осенью 1920 г. в Грузии, куда он был временно командирован в распоряжение нашего дипломатического представительства. В этой небольшой книжке, многие страницы которой были написаны за несколько месяцев до недавней советской революции в Грузии, приведен ряд фактов, свидетельствующих о том безвыходном положении, до которого довел Грузию режим Жордания, Гегечкори и К°. При чтении этих страниц чувствуешь, что близкое крушение меньшевистского режима неизбежно, что страна катится в пропасть, от которой ее может спасти только социальная революция.

Мы видим из работы Мещерякова, *что* сделали, *что* создали меньшевики там, где власть находилась в их руках. Эти злостные критики, с первого дня октябрьской революции ругавшие большевиков за то, что последние умеют лишь разрушать, ничего не умея созидать, довели до полного экономического разорения и финансового банкротства страну, которая получила громадное наследство, оставшееся после кавказской армии, страну, которую никто не блокировал, которая могла вести торговлю с заграницей и получать оттуда все необходимое, одним словом, страну, которая находилась в неизмеримо более

благоприятных условиях, чем советская Россия.

Меньшевики быстро прожили громадное наследство, полученное ими. Чтобы покрыть государственные расходы, грузинское правительство усердно пользовалось услугами печатного станка. В половине октября маленькая Грузия выпустила уже бумажных денег на 9 миллиардов р. Катастрофическое падение курса бумажных денег вызвало неимоверную дороговизну. Некоторые предметы первой необходимости, как например, хлеб, сахар, вздорожали за короткий срок на 100.000%. Вместе с дороговизной росла спекуляция, и в декабре 1920 г. грузинская газета «Народное Дело» писала: «Наша страна дошла до катастрофического состояния, хозяйственная анархия, полная путаница и неустройство—вот что характеризует нашу действительность».

Автор рисует катастрофическое положение с топливом в Грузии, кризис железнодорожного транспорта, отчаянное положение промышленности, набрасывает картину полного разорения, разрушения производственных сил в области земледелия, описывает голод, царящий в Грузии, характеризует деятельность главных оплотов грузинского правительства, так называемой «преторианской» Народной гвардии и меньшевистской Ч. К., т.-е. Особого отряда при министерстве внутренних дел, который имел специальной задачей—борьбу с рабочими коммунистами, с коммунистической прессой и охрану спокойствия буржуазии. Автор освещает также деятельность меньшевистских профессиональных союзов и подчеркивает жалкие результаты этой деятельности.

В результате своих наблюдений автор делает следующий оправданный недавними событиями прогноз:

«Итак, в области хозяйственной Грузия все быстрее и быстрее катится в бездну разорения, при чем никто не видит никаких средств остановить это разорение. В области внутренней политики жизнь Грузии характеризуется разложением меньшевистской партии, падением ее влияния в среде рабочих и крестьян, наличностью глубокой и серьезной национальной борьбы при ярком национальном гнете Грузии, составляющих в стране только сравнительно слабое большинство. Творческая работа грузинских меньшевиков ни в одной области не выразилась решительно ни в чем. В Грузии царит страшная спекуляция, роскошь одних и все растущая бедность других. В области аграрного вопроса не сделано ничего. Положение с продовольствием и топливом критическое. Недовольство трудовых масс быстро расте . Так же быстро растет среди них революционное настроение и влияние коммунизма. Никакие репрессии «Особого отряда» не в силах остановить этот рост. В области внешней политики маленькая слабая Грузия стоит одиноко, она боится Антанты и охотно подчиняется ее насилию. Перед ней все более растет опасность быть втянутой Антантой в какую-нибудь авантюру. Эта опасность особенно возрастет с началом весны. В этой области Грузия неудержимо катится к катастрофе. Во всех сферах жизни грузинские меньшевики привели управляемую ими страну к близкой, неминуемой катастрофе. Это сознание звучит в статьях газет всех направлений».

Книжка Мещерякова испещрена цифрами и изобилует цитатами из грузинских газет, тем не менее она читается очень легко.

Советуем ознакомиться с этой книжкой всем партийным товарищам, желающим вооружиться новым материалом для освещения деятельности партий, борющихся против коммунистов.

Мих. Павлович.

Г. Н. РАКОВСКИЙ. В стане белых (От Орла до Новороссийска). Константинополь 1920 г. (340+VI стр.).

Заметим прежде всего, что автора книжки не надо смешивать с известным коммунистом и советским работником — Х. Г. Раковским. В предисловии Г. Н. Раковский говорит, что он— «журналист», «газетный работник», «военный обозреватель». Он — резкий противник коммунистов и Советской власти.

И тем не менее его книжка очень интересна и поучительна.

Г. Н. Раковский проделал с Деникиным все отступление от Орла до Новороссийска. Он много видел и слышал и в своей книжке дает яркие, убийственные картины тех ужасов, того разложения, которые ему пришлось наблюдать «в стане белых». Будущий историк не пройдет мимо этих картин. К сожалению, недостаток места лишает нас возможности привести хоть некоторые из них.

В последней главе книги автор подводит итоги характеристике русской контр-революции. Вот главнейшие из этих итогов:

> «Антибольшевистское движение в рассматриваемый нами период в основе своей носило определенно реакционный и в значительной мере реставрационный характер... Первыми организаторами, вдохновителями и дальнейшими руководителями этих сил были, несомненно, офицеры, главным образом кадровые, возглавляемые наиболее стойкими, энергичными и жизнеспособными генералами, игравшими руководящую роль и при царском правительстве» (стр. 330).

Это офицерство было настроено ярко контр-революционно.

> «Кастовое воспитание, взгляды, навыки, общее политическое, социальное мировоззрение, привычки к определенным формам и укладу жизни—все это органически связывало их с прошлым. Это были в массе представители старой России, чуждые новым веяниям, разочаровавшиеся, отрицавшие революцию, как исторический этап, как грань, за которой начинается новая эра жизни русского народа...
>
> «Они шли ощупью, все время, в силу своего общего склада и характера, в силу навыков, полученных в течение прошлой жизни, делая резкий и определенный крен в сторону старой России... А представители старой России цепко облепили со всех сторон то, что представляло собой реальную силу, боровшуюся с большевиками» (332).

Вокруг этих генералов и офицеров сплотились различные элементы: интеллигенция, буржуазия, помещики. Вот характеристика интеллигенции, которую дает Г. Раковский:

> «В качестве интеллигентных сил—идеологов движения, активных борцов, помощников в области военного и гражданского строительства—к Деникину и Колчаку присоединились те нежизнеспособные, нестойкие, не закаленные в борьбе представители интеллигенции, в частности бюрократия, которые и при старом правительстве играли руководящую роль. Русского народа они не знали, реальной, плодотворной политики вести не могли, шли старыми проторенными дорожками, шли к верному поражению... Разницы между Кривошеиным, Савичем, Долгоруковым, Соколовым, Мякотиным и Пешехоновым в этом отношении не было никакой» (334).

А вот характеристика буржуазии:

> «Теснейшим образом связала себя с антибольшевистским движением буржуазия, игравшая такую видную роль в дореволюционный период. Главное свое внимание она направила на то, чтобы использовать благоприятную для себя обстановку старого протекционизма» (334).

«Четвертой силой, стоявшей в центре движения нужно,—говорит Раковский,—признать аграриев».

> «Если не реставрация, то во всяком случае возмещение понесенных убытков и выкуп—вот материальная цель, к которой стремились аграрии. Руководствуясь то грубо материальными побуждениями, то глубоким убеждением, что разруха и голод—следствие захвата земли, аграрии в массе отрицали революцию, не признавали ее и стремились к реставрации».

Обо всех этих элементах Г. Н. Раковский отзывается так: «В массе это были отжившие, мало чему научившиеся люди».

Когда казачество рассмотрело поближе добровольческую армию и ее вождей, оно отошло от белогвардейцев.

> «Оно подозрительно относилось к добровольческой армии, как к чему-то чуждому народной, крестьянской России. Между казаками и добро-

вольцами всегда наблюдался скрытый антагонизм, который после Новороссийской трагедии вошел даже в злобные казачьи частушки на тему: «У нас денежки—с колокольцами, будем рыбку кормить добровольцами».

Таковы элементы, составлявшие армию Деникина. А вот что делалось в тылу этой армии:

«В тылу царила безудержная вакханалия наживы и карьеризма, устраивали свои оргии спекулянты, грабили и продавали все, что можно. Достаточно сказать, что англичане вынуждены были самолично развозить обмундирование в воинские части, чтобы оно не было раскрадено и распродано по дороге. На-ряду с дикими, безудержными, сумасшедшими тратами другая часть населения изнывала под бременем дороговизны и всевозможных кризисов. Богатейший хлебный район испытывал острый недостаток в хлебе. Имея в своем распоряжении угольный район мирового значения, неистощимые запасы нефти,—не могли наладить за недостатком топлива транспорта. Ужасающий подбор личного состава администрации сводил на-нет все громкие слова о законности, порядке и праве. Старые земские начальники, ожившие пристава, отбросы царского правительства, облеченные полномочиями, наезжали в качестве маленьких царьков и «кормились» сами, стараясь подкормить отощавших, быстро реставрировавшихся землевладельцев, которые стремились при поддержке местной администрации и государственной стражи возместить понесенные и непонесенные убытки, излить на крестьян накопившуюся в изгнании злобу» (10).

А вот картина эвакуции Новороссийска:

«Удирали в чужие страны спекулянты, мародеры тыла, всевозможные «осважники», тысячи лиц, облепивших добровольческую армию, присосавшихся к идейной по первоначальному характеру борьбе, нажившихся миллионы и теперь стремившихся скорее очутиться в безопасных местах...

«Гнусное зрелище представлял это время из себя Новороссийск, где за спиной агонизировавшего фронта скопились десятки тысяч людей, из которых бо́льшая часть были вполне здоровы и способны с оружием в руках отстаивать право своего существования. Тяжело было наблюдать этих безвольных, дряблых представителей нашей либеральной и консервативной, совершенно обанкротившейся интеллигенции. Неприятный осадок в душе оставляли все эти растерявшиеся перед крушением их чаяний и надежд помещики, представители потерпевшей полное поражение, нежизнеспособной буржуазии, десятки и сотни генералов, тысячи стремившихся поскорее уехать здоровых офицеров, озлобленных, разочарованных, проклинавших всех и вся» (184).

А вот, в заключение, отзыв этого белогвардейца о коммунистах:

«Руководители советской России более чутко расценивали психологию рабочей и крестьянской массы. Фундамент, свою опору большевики пытались строить на низах, на массах, а не на верхах. Они улавливали настроение масс, считались со стихийной силой инерции народных стремлений, как бы поддавались им и затем, выдвигая соответствующие лозунги, становились во главе масс» (338).

Н. Мещеряков.

АРТУР РАНСОМ. Шесть недель в России в 1919 году (Перевод А. Пьера). Издание l'Humanité. Paris 1920.

Arthur Ransome. Six Semaines en Russie en 1919. Traduit par A. Pierre. Edition l'Humanité. Paris 1920.

Предприимчивый буржуазный журналист, литературный критик, смелый англичанин пробрался в советскую Россию в 1919 году, т.-е. в разгар гражданской войны.

Хотя в своем предисловии А. Рансом и говорит, что в составлении этих запи-

сок он не придерживался какого-либо особого плана, кроме хронологической последовательности, однако всякий читатель сразу увидит, что в этих записках есть внутренняя связь, последовательность и даже развитие определенной мысли. По крайней мере, прочитав ее, читатель получает законченное впечатление и определенный вывод.

Начинается книга описанием переправы через финляндскую границу, о том, как он, еще три иностранца (два норвежца и швед), товарищ Литвинов и семья Воровских переходили мостик через маленькую реку, отделяющую Финляндию от России.

«Переходя этот мост, — говорит Рансом,—мы переходили от одного миросозерцания к другому, от одного конца классовой борьбы к другому, от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата».

Сказав это, во славу Советской власти, автор в дальнейшем начинает рисовать изрядно заунывную с точки зрения иностранца (особенно англичанина) картину русского бытия.

Так, на вокзалах перед Петербургом нечего поесть, ибо с буфетных столов исчезли прежние «zakouski» (закуски). В самом Петербурге наш путешественник испытывал голод даже на обеде с тов. Зиновьевым и другими comissair'ами (комиссарами) Петербурга. А. Рансом кушал «une soupe» (суп), где плавали кусочки лошадиного мяса, и «un peu» (немного) kacha (каши) с маленькими пластиночками чего-то белого без какого-либо вкуса и содержания». Очевидно, эти пластиночки (tablettes) изображали масло, которым «кашу не испортишь».

Петербург пустынен. Новых костюмов на прохожих не видно. Одеты хорошо только военные, но странно: последних очень мало в Петербурге, по крайней мере, их не так заметно.

Вагон, в котором ехал А. Рансом в Москву, холодный, полуразбитый. Место для знатного иностранца было предоставлено на верхней полке под самой крышей вагона. Удобств было так не много, что А. Рансом не мог даже заснуть. Он говорит: «Я пытался заснуть, но атмосфера в вагоне благодаря табачному дыму, присутствию детворы, всякого тряпья и особенного запаха de moujicks russe (русских мужиков), запах, которого не в состоянии забыть тот, кто хоть раз его слышал, не давали возможности заснуть».

Вот, в общем, какими штрихами со стороны внешней описывает автор жизнь в советском государстве.

Но помимо воли А. Рансома, по мере того, как он входит в глубь нашей общественной и государственной жизни, картина меняется. Мало-по-малу автора начинает больше и больше интересовать и наша работа, и наши мысли. Так, если в первых главах он, присутствуя на заседании В. Ц. И. К., во время речи тов. Бухарина, в довольно легких тонах характеризует Бухарина вплоть до того, что замечает в скобках по поводу его костюма («купленный, я думаю, в то время, когда он, Бухарин, был в Берлине, как член экономической комиссии»), то уже в следующую главу автор посвящает исключительно Бухарину, как «теоретику революции».

Далее идет весьма интересный разговор между автором и председателем Комитета государственных сооружений тов. Павловичем. Из этой беседы видно, что автор внимательно начинает вглядываться в самую деятельность Комитета. Слова, сказанные ему тов. Павловичем, он приводит почти полностью.

Во время этой беседы появляется Суханов, с которым тов. Павлович советует поговорить, как противником советского режима. А. Рансом, побеседовав с Сухановым и Павловичем, вполне определенно отказывается от того отношения к большевикам, которое воспитывается в Англии.

Когда автор возвращается домой, ему навстречу попадается группа пленных английских солдат, гуляющих вполне свободно, без конвоя.

Когда же А. Рансому удается добраться до Vladimir Ilyitch Oulianov (Владимир Ильич Ульянов), то в разговоре с ним английский журналист совсем «сдает», и в продолжение всего разговора ясно чувствуется, как гениальная голова Ленина держит собеседника под обаянием своей власти.

Даже в начале этой главы легкий разговор о Бернарде Шоу кончается замечательно. Рансом говорит: «Шоу это

клоун». — «Возможно, — отвечает т. Ленин,—что он клоун для буржуазии, в буржуазном государстве, но он не был бы клоуном в революции».

После главы, описывающей разговор автора с тов. Лениным, все дальнейшие наблюдения А. Рансома преломляются уже не так, как до сих пор. Рансом незаметно для себя, как острый и талантливый наблюдатель, бродя по нашим учреждениям, наконец, нащупал наш пульс и почувствовал, что Россия—живой, жизнетворческий организм.

А. Рансом, как настоящий англичанин-описатель, хочет остаться объективным. Поэтому иногда заметно, как он борется с тем, чтобы не высказать открытой симпатии Советской власти, советскому государству — новому миру жизни и идей.

Брошюра А. Рансома заключает в себе также чрезвычайно ценную галлерею портретов наших товарищей.

Перед читателем проходят почти все деятели революции — от т.т. Ленина и Троцкого до Демьяна Бедного.

Книга А. Рансома читается с большим интересом и любопытством, так как позволяет нам взглянуть на самих себя издали, со стороны.

Д. Дросев.

ИОСИФ ПОГАНИ. Белый террор в Венгрии. Петроград. Издание III Коммунистического Интернационала.

Книжка Погани представляет собой не только описание ужасов, которые творил в Венгрии белый террор. Эта часть книжки едва ли отличается от описаний русского, финляндского или баварского белого террора. В Венгрии систематические преследования всех участников диктатуры, за исключением тех, кому удалось перебраться в Бельгию, продолжаются вот уже $1^1/_2$ года, т.-е. значительно дольше, чем в других странах. Далее, не было ни одной страны, где белые офицеры издевались бы над своими жертвами с такой рафинированной жестокостью. Вырезывать половые органы у мужчин; целыми неделями, часами изо дня в день пытать людей; насиловать женщин, испытывать при этом радостное чувство,—вот что особенно характерно для венгерского белого террора. Ко всему этому присоединяется «законный» белый террор: на-ряду с офицерскими бандами палачей, которые по своему усмотрению убивали коммунистов, подвизались «исключительные суды, работающие в порядке сокращенного судопроизводства».

Эти кровавые суды, приговоры которых не допускали апелляции, старались отправить на эшафот или в тюрьму как можно больше наших товарищей. Обо всем этом, равно как и о подавлениях и избиениях, произведенных белыми бандами исключительно с целью грабежа, в книжке Погани есть богатый интересный материал.

Но ценнее всех этих данных—анализ Погани социальных основ венгерского белого террора. Лишенные средств к существованию, благодаря отделению от Венгрии районов, населенных не мадьярами, члены мадьярской организации насилия: офицеры, жандармы, чиновники, судьи—все они устремились в белую Венгрию. Они все старались найти приложение своим силам—получить место в системе белого террора. Они старались поэтому сбросить старых чиновников с занимаемых ими должностей — отсюда распространение преследования коммунистов на весьма широкие круги—на чиновников и интеллигентов, которые с коммунизмом ничего общего не имели. Однако этим не освободилось достаточного количества должностей. Наступила очередь за евреями. Но и этого оказалось недостаточно, протестанты должны убраться, ибо только католики—подлинные патриоты... Так белый террор охватывает все более широкие круги. Они теперь сами себя терзают на части. Почва для коммунизма обрабатывается обстоятельно.

Е. Варга.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

КРЯЖИН. Сумерки Востока (Империализм на Востоке). Издательство „Денница". Москва 1920.

Прежде, чем подойти к изложению империализма на Востоке, Кряжин пытается дать теоретическое обоснование империализму, как таковому. Правда, с самого начала он приковывает внимание читателя именно к Востоку, говорит об эксплоатации на Востоке, но, делая маленький исторический обзор этой эксплоатации, автор стремится дать понятие об империализме вообще. В противоположность другим теоретикам империализма, Кряжин утверждает, что империализм имеет за собой длительную историю, что это не есть только последняя стадия капитализма.

Так, он рассуждает: «Мы имеем как бы два фазиса одного и того же политико-экономического явления: империализм ранний, формирующийся, и позднейший, уже вполне созревший, которые необычайно легко и удобно наблюдать на почве Востока».

В последующих главах начинается весьма краткое изложение истории империалистического покорения Востока.

Тут автор не делает никакого различия между чисто империалистической и колониальной политикой капитализма. Говорится много о зверствах капиталистических завоевателей, о вырождении туземного населения и т. д., и т. д.

Автор не скупится на факты и цитаты. Он увлечен Востоком. Это увлечение, в конце концов, приводит его к тому, что он почти две трети книги посвящает собственно очерку культуры Востока.

Говорит он о религии Востока, о любви Востока к наукам, о демократизме административно-научного государственного аппарата в Китае и т. п.

Лишь под конец, кажется, на странице 70 (а всего их 110 стр.), В. Кряжин вспоминает, что основной его темой является империализм на Востоке. И начинается опять повторение начала книги,—вновь говорит он о том, что империалисты обходятся с туземцами грубо, не жалеют их веры, их традиций, их самих, душат их промышленность, вывозят от них сырье и даже не заботятся о просвещении туземцев.

Справедливо замечание автора, что, когда говорят о возрождении Востока, отнюдь не следует указывать на Японию потому, что она как бы перестала быть Востоком в том специальном смысле слова, какой мы придаем ему, говоря о Китае, Индии, Турции и т. д.

Автор кончает свою брошюру заявлением, что Восток идет к возрождению. Возрождение уже началось. Это правильно. Но тогда зачем же он назвал свою брошюру «Сумерки Востока»?! Ведь *сумерки* бывают перед наступлением ночи.

А. Аросев.

М. П. ПАВЛОВИЧ-ВОЛОНТЕР (Мих. Вельтман). Вопросы колониальной и национальной политики и III Интернационал (Советская Россия, Азербейджан, Грузия, Армения, Турция), Гос. Изд. Москва 1920 г. Цена не обозначена. Стр. 71.

Книжка тов. Павловича является как нельзя более своевременной, так как трактуемые в ней вопросы борьбы за Восток и изложение политики III Интернационала в колониальном вопросе являются жгучими вопросами современности.

Тов. Павлович является талантливым публицистом, из-под пера которого вышло большое количество работ, посвященных империализму и колониальной политики. Лежащая перед нами книжка является как бы логическим продолжением его прежних работ. Только в ней развернута самая последняя фаза борьбы за раздел Востока. Внимание автора было приковано к англо-французским интригам на ближнем Востоке, подоплекой которых была борьба за жидкий и твердый уголь.

Еще больший интерес представляет книжка в той части, которая трактует вопросы колониальной политики, как они вытекают из решений III конгресса Коминтерна. Как известно, основным

решением Коминтерна является всемерная активная помощь национально-революционному движению в государствах и нац. х отсталых. Это, конечно, понятно, потому что пока желтый и черный континенты угнетены, европейский рабочий не может сбросить с себя собственных цепей угнетения.

XX век—пробуждение революционного духа в азиатских странах. Беда лишь в том, что на Востоке, в Турции, Персии, Китае, Афганистане и др. странах, нет промышленного пролетариата, который смог бы выковать свое классовое самосознание и проникнуться классовой ненавистью к капиталистическому миру. Поэтому борьба за национальное самоопределение на Востоке выливается обычно в борьбу за свержение иностранного капитализма. С точки зрения Коминтерна необходимо на-ряду с этим вести работу по развитию классового самосознания в многомиллионных массах Востока и помогать им в борьбе не только против иностранных, но и против собственных туземных эксплоататоров. Отсюда и вытекают конкретные задачи коммунистических партий Востока, которые должны ставить себе задачей пропаганду идей крестьянских советов и советов трудящихся.

Книжка читается с большим интересом.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Н. ВАЛЕНТИНОВ. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г.г. Часть I. М. 1920. Стр. 156. Цена 150 р.

Книга Н. Валентинова входит в состав серии «Трудов военно-исторический комиссии»; ей предшествовала статья Н. Валентинова «Военные соглашения России с иностранными государствами до войны» (стр. 94—128) во втором выпуске «Военно-исторического сборника», издаваемого особою комиссией по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 г.г.[1]). В этой статье, как бы в особом введении в вышеназванную работу даны по документам генерального штаба общий очерк политико-стратегического положения России к началу войны, военной конвенции с Францией, совещаний русского и французского начальников генеральных штабов, военной конвенции с Болгарией и, наконец, военно-политического положения на Балканах к началу войны. Это заключение военной конвенции с Францией успело сказаться еще на русско-японской войне 1904—1905 г.г., окончившейся поражением России «в значительной мере потому, что случилось раздвоение наших военных усилий». Считаясь с требованиями франко-русского союза, Россия вместо того, чтобы «направить сокрушающий удар против Японии», начала войну «второочередными резервными неподготовленными частями, взятыми из внутренних округов, тогда как лучшие боевые силы оставались в бездействии на Западной границе», т.-е. против Германии под давлением французского генерального штаба. Так, русский империализм, пойдя на соглашение с Францией и разорвав с Германией, сделал очень крупную политическую ошибку, результаты которой сказались еще в 1904—1905 г.г. и окончательно должны были обеспечить гибель династии в 1914—1917 г.г. Названную статью Н. Валентинов совершенно напрасно не включил в свою книжку «Сношения с союзниками»; она находится в непосредственной с ней связи и дополняет последнюю. Попытка русского империализма повесить свой щит «на вратах Царьграда» не удалась. Автор по документам управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем имеет в виду охватить сношения России с союзниками по вопросам высшего военно-политического характера. *Первая*, вышедшая в свет, часть книжки обнимает время от начала войны до верденской операции и так называемого брусиловского наступления. *Вторая* имеет быть посвящена времени с момента этого наступления до разложения рус-

[1]) В четвертом выпуске того же «Военно-исторического сборника» появилась статья Н. Валентинова «Русские войска во Франции и Салониках» (стр. 3—22), также стоящая в известной связи с его книжкой «Сношения с союзниками».

ской армии перед октябрьской революцией. Автор правильно, но недостаточно решительно подчеркивает «постоянное вторжение в сношения по *стратегическим* вопросам чисто *политических* элементов». Мы теперь очень хорошо знаем по делам дипломатической канцелярии при ставке верховного главнокомандующего, сколь значительно было вмешательство *дипломатического* ведомства в строго *стратегические* предположения ставки... Известны *случаи попыток верховного* командования вести борьбу с некоторыми затеями дипломатов, которых книжка Н. Валентинов кстати *не* касается вовсе. В этом последнем смысле очень интересна история вовлечения в войну против Германии Румынии, против чего возражало верховное командование вполне безуспешно, но безусловно правильно. Неудача румынского вмешательства обнаружилась очень скоро и вызвала к жизни совершенно безумный план погнать из Румынии в Россию часть румынского населения и румынскую армию, а из городов южной России погнать русское население... Автор несколько странно характеризирует основную цель союзников, подставляя понятию цели средство, коим последняя могла бы быть достигнута. «Эта цель,—говорит Н. Валентинов,—согласование действий союзников в борьбе с общим врагом». Для достижения определенной цели военные действия союзников должны были быть согласованными, и совершенно напрасно автор как бы делает комплимент союзникам, что эта цель, естественнее сказать средство, «была ими вполне осознана». Трудно представить себе в наше время какой-либо союз, члены которого не сознавали бы, ради чего они в такой союз вступают... «Основной факт, бросающийся в глаза при изучении истории сношений между союзниками,—пишет Н. Валентинов,—особое положение России в коалиции союзных держав». Основную причину этого особого положения России автор видит в географических условиях. В начале войны союзники делают ряд ошибок, вследствие которых это особое положение усугубляется. Тогда они переходят на систему военных конференций, на которых Россия тоже занимает особое положение, а потом опять наступает новое особое положение России, которое *вовсе* выводит ее из состава союзников, из состава великих европейских держав... На европейском континенте разыгрывается в высокой степени тяжелая драма, которой союзники долгое время не предчувствовали, а заметив, могли только притти в ужас, напугаться за самих себя, остаться с широко разинутым ртом. Исследование актов, характеризующих военно-дипломатические сношения союзников, должно вскрыть и выдвинуть то умопомрачение, которое охватило европейский империализм. В первых трех главах первый период войны (стр. 21—34), активные действия германцев на русском фронте (стр. 34—52) и образование восточных и итальянского фронтов (стр. 52 — 76) автор как бы характеризует недостаток объединения в действиях союзников, касаясь уже в 3-й главе первой военно-политической конференции в Шантильи в ноябре 1915 г. и переходя с 4-й главы — объединение действий союзников (стр. 76—99) — к окончательному описанию перехода на военно-политическую конференцию с косвенным намеком на *саррайле - салоникский анекдот*, недостаточно еще оцененный в смысле всего существа своей анекдотичности. Две последних главы—5-я и 6-я—военная конференция союзников в Шантильи 28 февр. — 1 марта 1916 г. (стр. 99—125) и военно-политическая конференция союзников 14—27 марта 1916 г.—завершают интересный материал книги Н. Валентинова, к сожалению, не взглянувшего на изученный архивный материал достаточно широко и ново.

В. Н. Сторожев.

ВЕСТНИК Народного Комиссариата Иностранных Дел № 6—10 (август—декабрь). М. 1920 г.

Россия находится «в капиталистическом окружении», она — «антипод» по отношению к капиталистическому миру в современной системе государств, вернее — на поле современной битвы классов. Но противостоящий России мировой враг не есть монолит; враг раздирается тройной внутренней коллизией; коп-

фликт побежденных держав Центральной Европы с «победителями»; все более углубляющиеся трещины внутри «Entente cordiale» и всех вообще «союзников», к этому «сердечному согласию» примыкающих; наконец, медленно, но верно растущая вширь и вглубь пропасть между буржуазией и пролетариатом в капиталических государствах, с одной стороны, между империализмом и угнетенными народами колоний и полуколоний, с другой—эта тройная борьба, то накопляясь в недрах буржуазного видимого благополучия, то вырываясь на поверхность,—ослабляет нашего врага, приносит нам все новых друзей и союзников, расчищает путь к победам.

Наша «ставка на мировую революцию» еще не бита.

И выигрыш наш обеспечен, ибо в наших руках такой козырь, как историческая необходимость. Но выигрывает *быстрее и легче* тот, кто знает карты противника и его приемы игры. Между тем именно в этом отношении у нас был большой пробел. Блокада не позволяла нам как следует вглядеться в то, что происходило за ее чертой. Мы, разумеется, знали общие, основные линии развития мировой жизни и борьбы. Нам не хватало *фактов*. Их было мало, кроме *самых* крупных.

«Вестник Наркоминдела» этот пробел старается заполнить, при чем, пользуясь частичным «открытием границ», он из номера в номер становится богаче.

В рассматриваемых №№ находим три отдела: статейный, хроника и официальный. В последнюю входят договоры мирные и торговые и другие акты нашей внешней политики, а также некоторые распоряжения Наркоминдела внутриорганизационного характера, наконец, распоряжения правительства, касающиеся международных сношений. В частности, напечатаны договоры с Латвией, Литвой, прелиминарный — с Польшей и др.

В отделе хроники находим обзоры положения различных стран как оригинальные, так и переводные, порою носящие характер кратких заметок газетного типа, иногда охватывающие довольно многосторонне и подробно всю жизнь страны. Целый ряд обозрений посвящен анализу взаимоотношений между Россией и капитализмом, между типичными буржуазными странами, между империализмом и колониями. Полнее освещена Европа, но немало данных и об Америке, Азии, Африке. В этом отделе можно отметить интересное сообщение о «Центральном Экономическом Совете» в Германии — учреждении, долженствующем играть главную роль в кукольной комедии введения «общественного контроля» над производством (обычная усыпляющая уступочка) (в № 6—7); солидное обозрение польских дел, ее внутренней и внешней политики, рабочего движения и т. д.—К. Бродского (в № 8); в декабрьском выпуске (№ 9—10) в отделе хроники появляется *библиография*: здесь интересны выдержки Чернина[1]) о брестских переговорах. — Нужно бы библиографию выделить в особый отдел, расширив и углубив ее.

Из статей заслуживают большого внимания: «Роль Англии в интервенции» Е. Адамова (в № 6—7), давшего довольно много нового материала, ибо он имел в своем распоряжении архив министерства иностранных дел *Омского* правительства; «Десница и шуйца английской дипломатии» Ф. Ротштейна, удачно подметившего, что в Англии правительство и оппозиция неразрывно связаны, что она является «политическим громоотводом», — «питает в народе веру в полезность перемены правительства, тогда как на деле вопрос должен быть поставлен о перемене самого строя». Ценны документы, иллюстрирующие «общий характер отношения Франции» к классовой войне в России» (в № 8); любопытны документы, обрисовывающие интервенционистическую политику Японии на Д. Востоке, приводимые Я. Янсоном, интересна статья проф. А. Иванова «Из истории социального реформаторства в Китае», — набросок древней средневековой социально-политической жизни Китая; можно отметить статью Г. Сандомирского «Заслуги коалиции в Англии», в которой особенно любопытна историческая справка о Ллойд-Джордже в пору его политической юности, когда он

---

[1]) Чернин. «В мировую войну». 1919 г.

делал карьеру на звонких речах против войны с бурами (нынешний подавитель Ирландии!) и других «вольных» словоизлияниях (в № 9—10); наконец, в № 8 отметим статью «Революционное движение в Индии», развертывающую картину зарождения и развития этого движения в исторической перспективе не всегда по-марксистски, например: «Народ, возбуждаемый исключительно религиозным активизмом и *сентиментальным* (?!) *стремлением к свободе*, сверг деспотическую власть» и т. д.

В заключение нельзя не отметить, несомненно, ценного начинания: в декабрьском № начались печататься «документы международной дипломатии», — так, находим документы о тройственном соглашении (между правительствами Англии, Франции и Италии) об Анатолии и др. Этот отдел также необходимо расширить и, пожалуй, снабдить некоторыми комментариями, в пределах возможности—картами и т. п.

В общем, «Вестник» производит хорошее впечатление. Факты в большинстве заслуживают внимания. В обозрениях, как в хронике, так и в статьях, почти всюду применяется марксистский метод исследования, вскрывается экономическая подпочва политики, последняя берется в динамике.

Из недостатков следует отметить некоторую недоделанность, недоношенность статейного отдела: статьи подчас не отличаются от хроники. Хотелось бы иметь статьи более глубокого и всеохватывающего характера,—в виде целостных законченных монографий (насколько, конечно, это возможно в переодическом издании) о внутренней и внешней политике крупнейших держав. Кроме того, нужна большая *популярность*. Я уже указал на желательность снабжения комментариями различных документов. Но и в статьях и в хронике встречаются подчас географические названия, имена и т. д., неизвестные даже вполне культурному читателю, не следящему за иностранной жизнью изо дня в день.

Технический недостаток — запаздывание.

Издан журнал хорошо, печать прекрасная.

Г. Бергман.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ ЗА ТРИ ГОДА. 1917 — XI — 1920. Составлено Народным Комиссариатом по делам национальностей. Гос. Издат. Москва 1920 г. Стр. 185. Напечатано 20.000 экз. Цена 110 р.

Три года Советская власть неуклонно проводила реализацию принципа — право наций на самоопределение. Настоящий сборник является лучшей иллюстрацией огромной работы, проделанной в этом отношении. Перелистывая 185 страниц убористой печати в два столбца, читатель найдет здесь необычайное разнообразие угнетенных и порабощенных народов, о судьбе, о страданиях которых думала Советская власть и к которым по разным поводам в разное время обращалась. Азербейджан, Армения, башкиры, белоруссы, вотяки, грузины, евреи, зыряне, кавказские племена, калмыки. киргизы, китайцы, корелы, латыши, литовцы, мари (черемисы), мордовцы, мусульмане, немцы Поволжья, персы, поляки, татары, украинцы, эстонцы и т. д.

Мы нарочито остановились на этом перечне, чтобы подчеркнуть, как велик и многообразен опыт советской России по национальному вопросу, который касался не только голых абстрактных принципов «декларации прав народов России» или «декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», которые приведены в сборнике, но и в тесной связи с целым рядом конкретных нужд угнетенных национальностей. Стремясь к просвещению национальных меньшинств России, организации органов национального самоуправления на основе федерации, советская Россия вместе с тем откликалась на вопросы устроения национальных меньшинств зарубежных стран, делясь братски с угнетенными народностями своим

революционным опытом. Таковы обращения «к трудящимся народам бывшего Австро-Венгерского государства», «к рабочим и крестьянам Турции», то же Персии, Китая и т. п. Во всех этих случаях советская Россия выступает в качестве друга угнетенных народов и борца за право наций на самоопределение.

Для будущего историка, а равно и всех, кто думает заняться изучением национального вопроса в его современной постановке, рецензируемый нами сборник представляет необычайно ценный материал, в котором довольно полно собран творческий опыт русской пролетарской революции в национальном вопросе. Конечно, сборник составлен не без дефектов. Можно было более хорошо и продуманнее классифицировать и расположить материал; нужно было многое устаревшее или отмененное снабдить примечаниями, но составители, собственно говоря, не преследовали задач кодификации советского законодательства по национальному вопросу, а, насколько мы представляем, пытались собрать возможно полнее весь материал, который мог бы характеризовать путь и основные этапы, пройденые советской Россией в национальном вопросе.

Остается пожелать, чтобы эта ценная и нужная книга как можно скорее попала в руки работников наших окраин, где отсутствие таких сборников особенно остро чувствуется и работники автономных областей и республик очень часто беспомощно топчутся на месте, не зная, как приступить к вопросу, в то время, как этот вопрос является по существу решенным.

Вл. Виленский (Сибиряков).

И. СТАЛИН. Сборник статей. 1. Марксизм и национальный вопрос. 2. Октябрьский переворот и национальный вопрос. 3. Политика Советской власти по национальному вопросу. Издание Народного Комиссариата по делам национальностей с предисловием автора. Стр. 103. Тульское отделение Гос. Издат. 1920 г. Отпечатано 25.000 экз. Цена не обозначена.

Три статьи, собранные в этом сборнике, написаны И. Сталиным в разное время и обозначают, несомненно, важнейшие этапы в решении национального вопроса в рядах Р. К. П. (большевиков). Много времени прошло с того момента, когда шла горячая дискуссия между меньшевиками и большевиками по национальному вопросу. Первая статья «Марксизм и национальный вопрос» относится именно к этому периоду (была напечатана в журн. «Просвещение» за 1913 г.) и довольно отчетливо рисует борьбу, которую в то время вел большевизм против т. н. австрийской национальной программы, поддерживавшейся в то время Бундом и меньшевистским крылом Р. С.-Д. Р. П.

Исходя из определения нации, как «исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры», большевизм беспощадно вскрыл буржуазную сущность австрийской школы, когда стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации приходит в движение и апеллирует к «родным низам», начиная кричать об «отечестве», выдавая свое собственное дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из «соотечественников» в интересах... «родины»! Здесь лежит начало национальных движений, сила которых определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства.

В дни существования царизма русское революционное крыло социал-демократии в качестве основной предпосылки выдвигало раскрепощение России от пут царизма и демократизацию страны. А на этой основе единственно правильным решением считали введение областной автономии для таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украйна, Кавказ и т. п. Правилен ли был прогноз? Несомненно, правилен. Это доказано сейчас историей.

В октябрьские дни 1917 года русский пролетариат решил вопрос о власти и пролетарской диктатуре, а вместе с этим решил и национальный вопрос, как часть общего вопроса об угнетенных народах, и отказался от традиционных форм колониальной политики угнетения национальных меньшинств. Вторая статья Сталина является отражением как раз этого периода. И, наконец, последняя статья относится к самому последнему

периоду (1920 г.) и анализирует вопрос о практическом проведении в жизнь советской автономии. В борьбе против интервенционных усилий мирового капитала перед Р. С. Ф. С. Р. встал вопрос об объединении усилий трудящихся, как окраин, так и центра Советской федерации и это практически определилось как революционный союз между центром и окраинами на основе федеративной связи. С другой стороны, основываясь на неудачном опыте «немедленной коммунализации» остальных народных масс, автор рекомендует переход «к осмотрительной и продуманной политике постепенного вовлечения этих масс в общее русло советского развития».

При крайней скудости литературы по национальному вопросу настоящая книжка является ценным подарком работникам среди национальных меньшинств, так как собранные в ней статьи дают некоторое, хотя и далеко не полное, но все же связное теоретическое освещение тех вопросов, которые практически приходится решать почти во всех концах необъятной Р. С. Ф. С. Р.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Сидней и Беатриса Вебб. История тред-юнионизма. Дополненное издание, Лондон 1920. Стр. 784. Цена не указана.

The history of trade-unionism, by Sidney and Beatrice Webb, revised edition, extended to 1920, s. 784.

Данная работа не совсем нова. Первое ее издание появилось в 1894 г.—свыше четверти века тому назад. И перевод первого издания, выпущенный в России Павленковым под несколько измененным заглавием («История рабочего движения в Англии»), естественно, значительно устарел. Но события последних двадцати шести лет решительно изменили весь ход развития профессионального движения Англии. Тред-юнионизм, пережив в течение первого десятилетия XX века период увлечения политической деятельностью и создав впервые в истории страны рабочую парламентскую партию, вслед за тем прошел еще ряд весьма важных этапов, изменивших и строение, и цели, и тактику движения. Эти именно обстоятельства и побудили авторов выпустить новое издание в значительно измененном виде.

Само собою разумеется, наиболее существенным изменением является прибавление глав IX («Тридцатилетний рост»), X («Место тред-юнионизма в государстве») и XI («Политическая организация»),—глав, в которых авторы обрисовывают итоги развития профессионального движения Англии за последние тридцать лет. Эти главы являются прямым прибавлением к той книге, какая известна русским читателям по изданию Павленкова. И в смысле подбора материала, и в смысле трактовки некоторых сторон истории Веббы внесли этими главами необычайно много нового.

Но если внимательно просмотреть всю книгу в новом ее издании, то придется признать, что она представляет собою совершенно новый вклад в небогатую литературу по истории профессионального движения. Дело в том, что впервые книга писалась в то время, когда архивы английского министерства внутренних дел не были еще доступны исследователям рабочего движения. С 1907 г. эти архивы сделались доступными для изучения. Таким образом, Веббы, пользовавшиеся весьма ценными источниками по истории начальных моментов профессионального движения, в частности единственной в своем роде коллекцией манускриптов, памфлетов, газетных вырезок и т. д., собранных за время по 1840 годы Френсисом Плейсом, и, в свою очередь, собравшие едва ли не самую полную коллекцию отчетов, уставов, протоколов и т. п. отдельных союзов, для первого своего издания, не могли ознакомиться с тем богатейшим материалом, какой представляли собою хранившиеся в закрытых архивах секретные донесения о периоде революционных брожений в рабочей массе. К моменту же пересмотра первого издания—почти

тридцать лет спустя—эти тайники сделались доступными исследователям. Тщательный просмотр первоначального текста, проделанный Веббами, сказался такими существенными изменениями в содержании работы, что в общем последнее издание книги оказывается не столько новым изданием, сколько новой книгой.

Основная точка зрения Веббов на профессиональные союзы известна. Основатели Общества Фабианцев изложили ее наиболее полно в другой своей работе—Industrial Democracy (переведена на русский язык В. Ильиным под заглавием «Теория и практика тред-юнионизма», 1900—1901 г.г.), где профессиональное движение учитывается, как важнейший фактор общественного развития, который эволюционным путем — путем постепенного внедрения в капиталистический мир навыков и приемов коллективизма—вырабатывает на смену производственной олигархии капитала, точнее хозяйственного абсолютизма, производственную демократию или промышленную конституцию. Такова их интерпретация роли и функций профессиональных союзов. Естественно, что при изучении истории движения их точка зрения окрашивает в значительной мере всю их работу в определенные тона. Тот подбор фактов, который ими делается, неизбежно должен отражать—и отражает—исходную точку зрения авторов на природу профессионального движения и его конечную цель.

Отсюда — выделение, в качестве особенно важного момента, работы профессиональных союзов и области нормирования условий труда путем коллективных сделок (collective bargaining), как работы, которая внедряет в промышленную организацию элемент рабочего представительства и влияет на строение и активность промышленного предприятия. Отсюда—и то отношение к политическим опытам тред-юнионов, как к опытам фиксирования завоеваний профессиональной организации в области именно установления норм промыслового права, норм промышленной конституции. И отсюда же—самый существенный дефект работы Веббов: непонимание основной природы профессионального союза, как школы массового действия, ценной не столько конкретной своей работой, сколько тем, что, объединяя рабочих на почве защиты каких-либо непосредственных интересов рабочих данной профессии или производства, она вырабатывает в каждом отдельном рабочем навыки коллективного действия и превращает его из пылинки, изолированной единицы в члена групповой и классовой организации. Веббы поэтому придают значение целям, а не функциям профессионального движения, тогда как должно было бы быть наоборот.

Последний дефект особенно важен. Ибо тот период, который назван Веббами периодом тридцатилетнего роста, отличается именно тем, что в течение него профессиональное движение Англии все больше и больше переходит от борьбы за промышленную конституцию к борьбе за овладение средствами производства. На смену внедрения в промышленную жизнь рабочего контроля в виде так наз. тред-юнионистских правил, устанавливавших в недавнем прошлом такое же формальное равенство труда и капитала в области управления промышленностью, какое конституционный строй обеспечивает каждому классу в демократическом государстве,—тред-юнионизм все более и более ставит своей целью исключение капитала из числа факторов, управляющих производством. Поэтому-то для Веббов весь период с 90-х годов рисуется не расчлененным на два—период демократизации и период революционизирования движения, как это должно было быть сделано, а остается единым периодом роста...

Но, каковы бы ни были дефекты работы Веббов, она все-таки остается самым монументальным трудом по истории английского профессионального движения. Необычайно богатое фактическое ее содержание отличается строгой научностью подбора и проверки. Ни один из приводимых в ней фактов не может быть подвергнуть сомнению, как факт не достоверный или не заслуживающий внимания. Авторы не всегда делают из приводимых ими фактов требующиеся выводы. Но это за них легко может сделать сам читатель.

А. Чекин.

В. ДРЕЙК. Женщины в профессиональном движении. Лондон 1920. Стр. 244.

Women in industry, by Barbara Drake, стр. 244, 1920 г.

Профессиональное движение в Англии за последние годы обратило серьезное внимание на необходимость всестороннего изучения своей собственной истории, теории и практики. Случайный характер всего, что издавалось по вопросам движения в течение всей почти его двухсотлетней истории, когда литература движения ограничивалась либо памфлетами, либо работами отдельных исследователей, вовсе не находившихся в прямом контакте с тред-юнионизмом, побудил профессиональные организации создать совместно с рабочей партией и центральными объединениями рабочих кооперативов особый Labour Research Department (отдел исследований). Этот отдел намечает темы для работников, занятых исследованием тех или других сторон, тех или иных вопросов движения, подбирает материалы для работ и т. д., доводя дело до издания серий книг по отдельным главнейшим отраслям движения.

Такая работа налажена сравнительно недавно. Тем не менее, уже и сейчас небогатая вообще литература исследований пополнилась рядом весьма ценных книг. К числу этих последних принадлежит и рецензируемая книга, выпущенная Отделом исследований.

Книга Дрейк распадается на две самостоятельные части—на историю участия женщин в профессиональном движении и на описание различных женских профессиональных объединений. В первой части мы знакомимся с основными моментами появления женщин в тред-юнионах: период с XVIII столетия и по 1874 г., когда работница лишь начинает мало-по-малу входить в профессиональные объединения, двенадцатилетний период (с 1874 по 1886 г.г.), в течение которого образовывается Лига Женских Профессиональных Союзов и начинают строиться женские тред-юнионы, период борьбы женщин за равенство полов в профессиональной организации (с 1886 по 1906 г.г.), образование и работа Национальной Федерации работниц (1906—1914 г.г.), катастрофа военного разгрома движения,—все это прослежено в книге Дрейк шаг за шагом на фоне огромного фактического материала. Во второй части мир английских союзов, каким его застает текущий момент, рассматривается под углом участия женщин в союзной жизни и работе. В книге Дрейк, как на экране кинематографа, проходят отдельные союзы—металлообрабатывающей индустрии, текстильщиков и т. д. и т. д.—и характеристика каждого дается в связи с тем, насколько и как в нем принимает активное участие женщина-работница.

Самостоятельное значение имеют выводы из исследования, настолько самостоятельное, что автор даже выделил их в особую часть под общим названием «Проблемы женского профессионального движения». Конечно, отделять выводы от того материала, который наталкивает на них, не совсем целесообразно, тем более, что такие вопросы, какие задеты исследованием, сами по себе заслуживают при их выделении особого тома. Таким является хотя бы вопрос о месте женщины в производстве. Этот в достаточной мере острый вопрос экономической науки до сих пор еще не нашел удовлетворительного объяснения экономических причин неравенства полов в производстве. Но вместе с тем—самостоятельное значение выводов Дрейк не подлежит сомнению. Анализ фактического содержания вопроса о месте женщины в производстве, рассмотрение вопроса о препятствиях на пути к организации женского труда в профессиональные объединения, сводка фактического материала, позволяющего установить типы женских тред-юнионов, анализ отношения союзов к женскому труду, критический разбор вопроса о равенстве заработной платы,—все это проделано в третьей части книги Дрейк весьма обстоятельно, хотя все это и представляет собою не что иное, как выводы из двух первых частей ее.

В добавлении к книге имеется статистика участия женщин в профессиональных союзах, доведенная до 1918 г., а также сжатая, но замечательно ясная и показательная аналитическая таблица, рисующая главнейшие союзы Англии во

всех отраслях их работы. Эти добавления еще более повышают ценность книги, которая и без того заслуживает самого серьезного внимания со стороны каждого, кто изучает историю, теорию и практику тред-юнионизма. Д. Чекин.

Д. РЯЗАНОВ. „Задачи профсоюзов до и в эпоху диктатуры пролетариата". Государственное Издательство. Москва 1921 г. 68 стр.

Названная брошюра представляет собой сборник статей и речей, написанных и произнесенных с 1906 г. включительно по 8-й съезд Советов.

В статье «Объединительный съезд Р. С.-Д. Р. П. о профессиональных союзах», помещенной в журнале «Профессиональный союз» за 1906 год, т. Рязанов, разбирая резолюцию Стокгольмского съезда о профессиональных союзах, устанавливает, что профессиональное движение является необходимым составным элементом классовой борьбы, а профессиональные союзы—таким же элементом классовой организации пролетариата. Такое определение съезда должно было положить конец попыткам меньшевиков рассматривать профессиональные союзы, как нечто самодовлеющее, нейтральное и независимое от партии.

Из указанного положения становились ясными и дальнейшие разногласия между меньшевиками и большевиками по вопросу об организации профессиональных союзов. В противовес взглядам Мартова, что «профессиональные союзы не должны превращаться в орудие узко-партийных целей,—Рязанов подчеркивает, что социал-демократии нельзя требовать защиты принципа нейтральности профсоюзов, ибо рабочий в своей классовой борьбе с буржуазией неминуемо должен, с точки зрения своих интересов, поддерживать ту политическую партию, которая без всяких колебаний и компромиссов отстаивает интересы рабочего класса. Из этого положения вытекали задачи профсоюзов в эпоху до октябрьской революции: политическая и экономическая борьба за раскрепощение от пут самодержавия и капитала, под руководством и политической гегемонией партии.

После достижения пролетариатом выше намеченной задачи, меняются и задачи профсоюзов. Уже в своем докладе на 1-м Всеросс. съезде профессиональных союзов, в январе 1918 г., т. Рязанов, говоря о профессиональных союзах и фабрично-заводских комитетах указал, что последние не могут быть органом, способствующим политической власти в превращении целого ряда отраслей народного хозяйства в отрасли социализированные и что этими органами могут быть только профессиональные союзы. Таким образом профессиональные союзы должны были способствовать социализации промышленности не с точки зрения узко-цеховой фабрично-заводского комитета, которые часто забывали, что можно быть тысячу раз металлистом, тысячу раз текстильщиком, но это не дает еще права этим текстильщикам и металлистам считать себя единственными хозяевами своих фабрик и заводов и выразителями интересов всего рабочего класса. Это основное положение т. Рязанова и служит исходной точкой его тезисов о роли профессиональных союзов в производстве.

На IX съезде Р. К. П. в марте 1919 г., в своем содокладе о партии, советах и профсоюзах, тов. Рязанов, жестоко критикуя синдикалистские тенденции некоторых членов партии, по мнению которых профсоюзы являются ячейками будущего коммунистического общества, управляющим всем производством,—указывал, что профсоюзы могут быть только одним из элементов классовой организации пролетариата, а потому в эпоху диктатуры пролетариата профсоюзы не заменяют собой партии и Советской власти, а служат им основой и опорой в укреплении и организации нового общества. Так как мы живем в стране отсталой,—в которой нет сельско-хозяйственного пролетариата, а городской пролетариат, захвативший власть, слишком слаб в сравнении с огромным числом непролетаризированного крестьянства, то на профсоюзы ложится задача—снова собрать распыленный пролетариат, втянуть в промышленность крестьянские элементы и перевос-

питать их в целях коммунистической организации промышленности.

Поэтому организация рабочей силы есть первая задача профсоюзов; ее охрана и воспитание—вторая задача, почему и все государственные органы, выполняющие эти функции (как, например, Наркомтруд) должны перейти в полное ведение профсоюзов. Это ясная и точно ограниченная задача, конечно, расходится со взглядом, что к профсоюзам должно перейти управление производством, на каковой точке зрения стоял тов. Шляпников. Управление промышленностью, по мнению тов. Рязанова, должно было оставаться за специальными организациями рабочего класса, которые он выделяет из себя же: за хозяйственными органами—совнархозами, в формировании которых профсоюзы принимают участие.

Определяя таким образом задачи профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата, т. Рязанов не только расходится с Шляпниковым, согласно тезисов которого профсоюзы управляют производством, но и с Зиновьевым, который отводит профсоюзам частичное управление производством.

В своем содокладе на фракции 8-го съезда советов 30 декабря 1920 г. т. Рязанов наиболее ярко и последовательно выразил свою точку зрения на роль профсоюзов в производстве в следующих словах: «В эпоху диктатуры пролетариата производство может управляться только из одного центра. Нельзя быть двум хозяевам в управлении одним и тем же предприятием: оно либо управляется совнархозом и его органами, либо профсоюзом. Тут остается выбрать одно из двух. Кто говорит или кто ставит себе целью участие профсоюзов в управлении производством, тот должен стать на точку зрения т. Шляпникова.

«Я, наоборот, доказывал, что в эпоху диктатуры пролетариата профсоюзы не должны участвовать в управлении производством, и вот почему: «в эпоху диктатуры пролетариата, когда вся власть находится в руках рабочего класса, а также и средства производства, ясно, что все производство организует сам рабочий класс. На-ряду с другими органами своей диктатуры, пролетариат должен создать специальные органы по организации этого производства».

Итак, профсоюзы, принимая участие в организации производства, не принимают участия в управлении этим производством, что и является основным положением т. Рязанова.

Брошюра написана легко, с свойственным т. Рязанову подъемом и знакомство с ней необходимо профессиональным и партийным работникам, желающим ясно усвоить себе позицию т. Рязанова в вопросе о профсоюзах, отличающуюся не только от позиции Шляпникова, но и от позиции «10-ти».

Ф. Сенюшкин.

А. ЛОЗОВСКИЙ (С. А. ДРИДЗО)—«Профессиональные союзы в Советской России». Издание второе В. Ц. С. П. С., стр. 64.

Брошюра А. Лозовского «Профессиональные союзы в советской России» представляет собой популярное для массового читателя изложение истории развития профессиональных союзов и их задач до и после октябрьской революции.

Брошюра подробно останавливается на предшественниках профессиональных союзов: кассах взаимопомощи, обществах ремесленников, похоронных кассах и т. п., которые в силу развивающейся экономической и политической борьбы пролетариата превращаются в боевые экономические органы рабочего класса,—профессиональные союзы, ведущие в дальнейшем не только борьбу экономическую (стачки), но и политическую (демонстрации и т. п.).

После 1905 г. развитие профессиональных организаций пошло гигантскими шагами и уже вскоре наметилось стремление к объединению разрозненных союзов и к созданию единого руководящего центра, что и было сделано на 2-ой конференции профсоюзов (на которой было представлено 200.000 организованных рабочих), путем выделения организационного бюро, которое, до созыва Всероссийского съезда, должно было играть роль центра.

Разгром революции 1905 г. не позволил осуществить созыв съезда и положил конец профессиональному движе-

нию, как движению массового характера, хотя рабочие продолжают стремиться к союзным формам организации, но эти формы часто принимают характер нелегальных подпольных обществ.

Февральская революция 1917 г. освободила рабочий класс от самодержавия, а октябрьская революция разорвала и путы экономического рабства.

Перед профессиональными союзами встали новые задачи: рабочий контроль, участие в управлении промышленностью, организация народного хозяйства и поддержка коммунистической партии, выражающей собою волю рабочего класса и проводящей неуклонно диктатуру пролетариата.

Тов. Лозовский подробно останавливается на интересном моменте перед октябрьской революцией, когда профессиональные союзы повели решительную борьбу с предпринимателями, доходя в этой борьбе даже до вооруженного насилия над фабрикантами (захват фабрик) и подготовляя все условия успешности октябрьского переворота.

В связи с новыми задачами профсоюзы пересматривают после октября вопрос о стачках, о нормах выработки, о трудовой дисциплине, о товарищеских судах и т. п. и от рабочего контроля переходят к форме участия в управлении через свои классовые органы, выдвинутые советами и партией.

Тов. Лозовский подробно останавливается и на вопросе о т. н. «независимости» профессиональных союзов и их «огосударствлении» и дает хорошую отповедь меньшевикам, старающимся нажить на этих лозунгах политический капиталец.

В последней части брошюры указаны организационные формы союзов, их взаимоотношения с государственными органами, новые задачи в эпоху диктатуры пролетариата — экономические и политические и связь с Третьим Интернационалом.

Брошюра необходима для широких рабочих масс и партийных работников, желающих получить ясное представление о профессиональных союзах в советской России.

Ф. Сенюшкин

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

А. ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ. «Современное положение мирового хозяйства». Госуд. Издат. Петербург 1920 г. Стр. 87. Ц. 70 р.

За исключением нескольких журнальных статей, знакомящих нас с современным послевоенным положением мирового хозяйства (из них особенно интересны статьи т. Варга, помещенные в журналах «Коммунистический Интернационал» и «Народное Хозяйство» за 1920 и 1921 г.г.) мы на русском языке не имели по этому вопросу ни одной сколько-нибудь обстоятельной работы. В этом отношении попытка тов. ФИННА-ЕНОТАЕВСКОГО подойти с разносторонним освещением этого вопроса и дать подробный фактический, цифровой материал, заслуживает, конечно, серьезного внимания. Однако, с сожалением мы должны сказать, что на всей этой работе лежит печать спешки и малой проработанности материала. Правда, автор оговаривается, что эта работа является лишь «извлечением», очевидно, из большого исследования, предпринятого им по рассмотрению положения мирового хозяйства во время войны и после нее. Но именно в «извлечении» нужно было стремиться к более строгой обработке материала, дабы подкрепить им те выводы, какие делаются.

Книжка распадается на три части: 1) обзор мирового хозяйства в целом, 2) обзор отдельных стран и 3) меры буржуазии, социализм и общие выводы.

Обращаясь к первой части, мы видим следующую характеристику общего положения: «мировое капиталистическое хозяйство в целом во весь период после войны характеризуется сильнейшим *торгово-промышленным и сельско-хозяйственным* кризисом недостаточного производства и обмена, обостряемым специальным *денежным кризисом перепроизводства фиктивного капитала и бумажно-денежного наводнения*. Для иллюстрации автор приводит

данные о падении производительности труда, являющегося одной из главнейших причин кризиса, при чем падение это он объясняет «развращающим влиянием войны», довольно-таки странное «этическое» объяснение. «В С. Штатах в стальной промышленности производительность труда упала в 1917 году в среднем на 14% против 1916 г., в 1918 г. на 19%, а в 1919 г. еще больше (? В. М.). В Англии в угольной промышленности она была в 1919 году на 25% ниже 1913 г. и т. д.; показателем нахлынувшей после войны и во время революции «волны лени», теперь повсюду заметно упавшей, может служить падение производительности в казенных мастерских Германии в конце 1919 г. на 60 и даже более процентов...» (стр. 3). Данные эти интересны, но анализ их крайне слаб. Общая характеристика в первой части настолько *общая*, что дает неверные представления о современном экономическом положении. Нельзя брать в общие скобки все страны; их положение крайне различно и только рассмотрение их *взаимоотношений* между собой (сызнова все более и более обостряющихся)—дает верное представление и об общем «положении». Этим путем совершенно правильно идет Е. Варга, на это же было указано мною в статье «о международных экономических отношениях» («Коммунистический Интернационал» №14). Финн-Енотаевский даже не подошел с этой стороны к рассмотрению экономического положения и поэтому у него получается в первой части какая-то «гармония» и «единство» в мировом хозяйстве (хотя бы это выражалось в «единстве падения».) На самом деле борьба на мировом рынке не только не ослабела после войны, но обострилась, и положение и отношение Америки и Англии, Франции и Англии представляются крайне обостренными.

Вторая часть посвящена обзору отдельных стран. Конечно рассмотреть на протяжении 27 страничек экономическое положение 26 стран, при чем рассматривать каждую страну в отдельности—задача непосильная. Поэтому получаются отдельные отрывочные данные, а не картина экономического состояния страны. А это как раз и жалко, так как именно фактический материал и был бы ценен и важен для нас.

Но особенно слабой является последняя часть, с крайне заманчивым заглавием и крайне бедным содержанием. «Движение социалистической мысли»—почему-то выражается только взглядами Антона Панекука, которому в сущности и посвящена вся эта глава. «Государственный контроль и социализация»—заключает в себе несколько общих мест, оставляя совершенно неосвещенным ряд мероприятий, принимаемых и намечаемых буржуазией.

В заключение нужно сказать, что, при наличности несомненно интересного цифрового материала, эта книжка страдает крайне серьезными недостатками в области самой постановки и освещения ряда основных экономических вопросов.

Современное положение мирового хозяйства не обрисовано так выпукло, как это было бы нужно.

В. Милютин.

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. Гос. Издательство, 1920 г. 84 стр.

«Вопрос о наших бумажных деньгах, как и вопрос о денежном обращении в переходный период, имеет не только теоретический, но и огромный практический интерес»,—пишет Е. Преображенский в предисловии к своей небольшой, но интересной и содержательной работе.

Автор, прежде всего, ищет руководящей нити для анализа явлений нашего бумажно-денежного обращения в теории денег, созданной Марксом. Поэтому книжка начинается двумя теоретическими главами: о бумажных и металлических деньгах и о бумажных деньгах и их курсе.

Излагая взгляды Маркса на эти вопросы, автор попутно ликвидирует (впрочем, не вполне удачно) ту путаницу во взглядах на экономическую природу бумажных денег, которая вызвана Гильфердингом.

Переходя к 3-й главе, к разбору вопроса о «бумажных деньгах после пролетарской революции», Е. Преображенский считает наиболее характерным показателем успешности ликвидации товар-

ного хозяйства и вытеснения его социалистическим соотношением между массой продуктов, сохраняющих товарную форму, и количеством «продуктов (а не товаров), проходящих через распределительные органы социалистического государства». Пока существует «вольный» рынок и мелкобуржуазное хозяйство, государство имеет возможность извлекать часть продуктов этого хозяйства путем усиленных выпусков бумажных денег, хотя бы это было сопряжено с прогрессивным обесценением последних и стремительным ростом «вольных» цен.

«Ничего ужасного в этом нет, если заработная плата на $^4/_5$ натурализована, на $^1/_5$ приспособлена к повышению курса бумажек путем повышения ставок».

Однако, в следующей главе—«Бумажные деньги, как вид налога»—Е. Преображенский весьма убедительно показывает, что этот налог «имеет тенденцию падать прежде всего и в наибольшей степени, именно, на заработную плату». Крестьяне и мелкие товаропроизводители, повышая цены на свои продукты, сбрасывают с себя всю тяжесть налога на плечи рабочих и служащих. Крестьянин «прижимает к стене» и «раздевает» городского рабочего и остатки буржуазии.

Правда, государство отчасти экспроприирует и крестьянина, обесценивая новыми выпусками те бумажки, которые он припрятал в кубышках и бутылках.

В двух последних главах автор говорит специально о бумажных деньгах Р. С. Ф. С. Р. и об их вероятной судьбе в ближайшем будущем в связи с их ролью в экономике переходного периода. Учитывая реальную возможность бойкота все более обесценивающихся бумажек товарным обращением, в форме ли создания «нелегальных» орудий обращения (например, дореволюционные австровенгерские бумажные деньги в советской Венгрии), в форме ли натурального товарообмена,—автор не склонен считать эту опасность особенно грозной.

Для выхода из этого положения возможны две меры: приостановка дальнейших эмиссий в целях поднятия курса бумажек или временное восстановление металлических денег.

Сказанным далеко не исчерпывается содержание книжки Преображенского, которая представляет несомненный интерес не только для специалистов, но и для широких кругов читателей.

С. Членов.

ПЛАН ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ Р. С. Ф. С. Р.—Доклад 8-му съезду советов Государственной комиссии по электрификации России. Государственное техническое издательство. Москва 1920. 4° Стр. 230+74+118+66+45+26+49+24+37.

Широкий по размаху и грандиозный по замыслу труд Государственной комиссии по электрификации России (Госэлро) состоит из ряда относительно самостоятельных работ, отдельно изданных и сброшюрованных в один том: 1) Введение, дающее общее обоснование идеи электрификации России. 2) Основания проекта электрификации Северного района. 3) Электрификация Центрально-промышленного района. 4) Электрификация Южного района. 5) Электрификация Приволжского района. 6) Электрификация Уральского района. 7) Электрификация Кавказского района. 8) Электрификация Западной Сибири. 9) Электрификация Туркестанского района.

Основной материал собирался и разрабатывался 180 сотрудниками. Текст принадлежит перу многих авторов. Отдельные главы введения написаны Г. М. Кржижановским, И. Александровым, Г. О. Графтио, К. А. Кругом, Л. К. Рамзиным и А. Г. Коганом. Записка по Северному району составлена профессорами А. Вульфом, А. Горевым и М. Шателеном. План по центральному району изложил инженер В. Кирпичников. Доклад по Южному району сделан инженером А. Коганом. Записка по электрификации Приволжского района представляет собою извлечение из работы теплового комитета. Сводная работа по Уралу написана инженером Н. Н. Вашковым. В качестве доклада по электрификации Кавказа дано извлечение из труда инж. Г. Графтио. Электрификация Западной Сибири изложена инженером Л. Ремизовым. Текст записки по Туркестанскому району принадлежит профессору Г. Ризенкампфу.

Таким образом вся книга в целом, как со стороны ее теоретического содержания, так и в отношении изложения, является трудом коллективным. Вся обширнейшая работа, включая сюда и период организации самой Комиссии Гоэлро, была совершена в 10 месяцев. Срок достаточно короткий, если принять во внимание условия момента. Работа Гоэлро весьма затруднена была и тем еще обстоятельством, что промышленная наука наша стоит на очень невысоком уровне и не обладает достаточными статистическими и фактическими данными за истекшие годы.

В основу развернутого плана электрификации России приняты следующие соображения. Начало работ по электрификации совпадает с началом возрождения нашей промышленности. Темп возрождения ее будет во всяком случае не медленнее темпа довоенного роста. Направление промышленного развития существенно изменится по сравнению с имевшим место в условиях капиталистической и царской России. О восстановлении промышленности в старых рамках не может быть речи. Предстоит ее развертывание на новых, более рациональных и более соответствующих духу совершающейся революции основаниях. К важнейшим основаниям предстоящего промышленного строительства должно быть отнесено: районирование и территориальная концентрация ее в целях приближения к источникам топлива, к местам добычи сырья и, в соответствующих случаях, к потребителю. Интенсификация сельского хозяйства. Координирование обрабатывающей промышленности с размерами и характером действительных потребностей населения. Увеличение мощности транспортных средств. Усиление производства экспортных продуктов, имеющих валютное значение.

Излагаемый в докладе план не представляет собою отнюдь проекта полной электрификации всей территории России, т.-е. перевода всей суммы энергии, употребляемой в ней для хозяйственных и бытовых целей, на энергию электрическую. С точки зрения размеров и ресурсов страны такого рода проект был бы сплошной и нелепой утопией. Исходя из развития в предположенном направлении производительных сил республики, Гоэлро устанавливает лишь первый этап электрификации. Период, на который рассчитано исполнение программы, условно исчислен в десять лет. В течение этого срока должны быть электрически хорошо обслужены восемь важнейших промышленных и сельско-хозяйственных районов: Северный, Центрально-Промышленный, Южный, Приволжский, Уральский, Кавказ, Западная Сибирь и Туркестан. Последние два, конечно, только в некоторых хозяйственно наиболее важных пунктах.

Все электрификационные работы десяти-летнего периода разбиты на 3 очереди. В первую очередь должно быть отстроено по всем восьми районам 30 крупных районных электрических централи, обладающие общей установленной мощностью в 1.750.000 киловатт. К концу десятилетия предполагается окончить сооружением около 100 мощных и не менее 50 мелких, вспомогательных к ним, станций. Суммарная мощность установленных на них генераторов тока превысит колоссальную цифру в 7.000.000 киловатт. Наибольшее внимание по этой программе уделено трем главнейшим районам: Северному, Центральному и Южному. По первоочередной программе в трех этих районах будет сооружено 15 электроцентралей мощностью в 1.115.000 киловатт, т.-е. 50% общего количества и 64% общей мощности всех установок первой очереди. Помимо постройки упомянутых 30-ти станций, в первоочередную программу включена еще электрификация железнодорожных магистральных линий: Москва—Харьков—Мариуполь и Кривой Рог—Александровск—Царицын. Во вторую очередь электрифицируются железные дороги: Николаевская, Мурманская и Владивостокская.

Результаты проведения всего десятилетнего плана электрификации будут необычайно велики. В то время, как общая годовая стоимость выпусков всех видов промышленности возрастет в течение этого срока предположительно на 83% общая мощность всех силовых установок на 67%, количество занятых в промышленности рабочих придется увеличить лишь на 17% по сравнению с со-

ответствующими довоенными цифрами. Развитие целого ряда отраслей хозяйственной жизни, в первую голову интенсификация земледелия, базируются, согласно предложенного плана, исключительно на электрификации. Особо значительными окажутся достижения в отношении экономии топлива. В первоочередной программе 10 станций мощностью в 640.000 киловатт предположено соорудить на водяных установках. Таким образом треть всей подаваемой по этой части программы энергии будет получаться без всякой затраты топлива. Роль гидроэлектрических установок в двух последующих очередях плана Гоэлро будет еще крупней. Будут развернуты на полную мощность грандиозные станции на Днепровских порогах и на Свири. Преобладающая часть централей на Мурмане, на Кавказе, в Алтайской области и в Туркестанском районе, сооружаемых во вторую и третью очереди, проектируются на водных потоках. Паровые установки на Центральном районе базируются преимущественно на торфе. В Южном—на угольной мелочи, непригодной к вывозу и поэтому не представляющей из себя, строго говоря, топлива в общегосударственном значении. Кроме того, имеется в виду использовать такого рода малоценные, а то и совсем «даровые» виды топлива, как сланцы, отбросы деревообрабатывающей промышленности и свободно исходящие из земли в нефтеносных районах горючие газы. Только петербургские и московские городские станции да Белогородская станция специального назначения будут работать на ценном привозном топливе. План электрификации дает решительный и вполне исчерпывающий способ ликвидировать переживаемый нами глубокий и затяжной топливный кризис, угрожающий всему благополучию страны и всем завоеванием революции.

В отношении качества исполнения работа Гоэлро не представляет из себя единого целого. Введение местами несколько растянуто. Перегружено не имеющими общего значения данными. Однако написано горячо, с подъемом и верой в великое историческое значение совершаемой работы. Перспективы, развернутые в нем, настолько грандиозны и увлекательны, что заставляют забывать все несовершенства и недостатки изложения. Докладные записки по отдельным районам весьма неравноценны. Наиболее обстоятельно и с наибольшим научным подходом разработаны планы по Северному, Центральному и Южному районам. План электрификации Мурманского края слишком пестрит произвольными предпосылками и непроверенными данными. Работа в отношении восточной части Северного района сделана на основе слишком широких и свободных допущений и носит характер случайный и необоснованный. Наиболее слабой частью всей книги является записка по электрификации Уральского района. Она не заслуживает названия програмного доклада. Это просто сводка случайных соображений по поводу возможных перспектив электростроительства в данной области. Форма изложения весьма неудачна. Ввиду особого значения Урала, как одного из наиболее значительных горнопромышленных районов страны, плохое исполнение посвященной ему записки должно быть отмечено, как весьма существенное упущение.

Общие и принципиальные недостатки работы сводятся к следующему:

Во-первых, характер и направление развития отдельных отраслей промышленности рассмотрены без достаточно широкого кругозора. Сложнейшую проблему интенсификации сельского хозяйства авторы с настойчивостью и узостью фанатиков хотят разрешить обязательно и исключительно электрификационным путем. Остается почти неучтенной и не проанализированной вся обширная в этой отрасли практика Северной Америки. Простая ссылка на различие социальных, технических и культурных условий еще не достаточно обосновывает полный отказ от тракторной системы. Безусловно слишком узко развернута перспектива развития пищевой промышленности, которая, в интересах дальнейшего развития и углубления революции, должна быть выдвинута в одну из первых очередей. Чрезвычайно слабое внимание уделено вопросу заготовки пищевых продуктов впрок и в частности консервному

делу. Здесь опять-таки остаются вне поля внимания Комиссии практика и результаты, достигнутые Западной Европой и Америкой. В отрасли деревообделочной промышленности авторы довольно беспомощно путаются в вопросах экспорта и обработки древесины для внутренних нужд страны.

Во-вторых, весьма существенным недостатком работы Гоэлро является полное игнорирование величайших достижений техники двигателей внутреннего сгорания. Не являясь в общем и целом конкурентом для электрической энергии с ее универсальным охватом всех сторон техники и быта, двигатели внутреннего сгорания в отдельных отраслях имеют столь решительные и явные преимущества, что полное выключение их из системы механизации хозяйственной жизни страны совершенно недопустимо.

В-третьих, почти единственной формой электроснабжения служит отпуск энергии с мощных районных станций. Станции местного значения играют слабую роль. Строительство мелких блок-станций не предусмотрено вовсе. В свое время в брошюре «Революция и электрификация» я указывал, что в условиях нашей страны нам не обойтись без широко развитой практики местных станций и блок-станций. Судя по отдельным замечаниям в тексте, Гоэлро признало принципиальную правильность этой точки зрения. К сожалению, признание это никак не отразилось на разработанных планах. Совершенно необходимо рядом с планом порайонного электрооорошения разработать основной конкретный план постройки на наших заводах однотипных блок-станций и широкого снабжения ими страны.

Доклад Гоэлро нельзя рассматривать как строительный и рабочий план электрификации. Он представляет собою, как неоднократно и неустанно указывал Г. М. Кржижановский, лишь первое приближение к разрешению этой грандиозной проблемы. Никогда еще человечество не ставило перед собой и не пыталось научно разрешить столь великую задачу. Сама постановка вопроса представляет собою уже исключительную заслугу перед страной и перед всем человечеством. Подход к разрешению столь неслыханной проблемы делает эпоху в истории мировой экономики и техники, независимо от дефектов в исполнении работы. Поэтому работа Гоэлро в известном смысле стоит вне обычной критики.

Однако нас, революционеров-практиков,—не пишущих о революции, а делающих ее, мало [заботят [исторические расценки заслуг. Нас волнуют вопросы практической осуществимости наших грандиозных планов (все наши планы грандиозны, не только план Гоэлро). При практическом же осуществлении каждое лыко ставится в строку. В практической работе дефекты недопустимы и могут совершенно испортить дело. Осуществляя электрификацию, необходимо до конца проработать и исправить предложенные планы, чтобы они были не первым приближением, а последним словом доступной нам промышленно-экономической и технической мудрости. Гоэлро продолжает дальше свою работу. Вероятно будет делать ее хорошо. Но этого одного мало. Вопрос настолько сложен, что не 180 специалистов, а все наличные в стране силы должны принять участие в его разрешении. Пропаганда идеи электрификации уже поставлена на широкую ногу. Агитация ведется из центра и на местах. Необходимо организовать широкую печатную дискуссию по всем вопросам электрификации и электростроительства. Надо создать возможность широкой критики доклада Гоэлро и всех ее работ. В эту дискуссию, в эту критику нужно вовлечь все соответствующие приспособленные мозги республики. Только в этом гарантия, что в практическом проведении планов мы не наделаем дорого стоящих, а то и вовсе не поправимых ошибок. И не дискредитируем ошибками нашими великой идеи.

Борис Кушнер.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА РУССКОГО АГРОНОМА, под редакц. И. И. Пересвет-Солтана. VII+608 стр. Петерб. 1920 г. Ц. 250 р.

Сельско-хозяйственная литература справочного характера, дающая возможность сельским хозяевам пользоваться

указаниями научной постановки дела в своих хозяйствах, у нас, в России, крайне скудна. Наука шагает быстро вперед и наши старые справочники утеряли свое значение, да и то жалкое количество экземпляров, оставшихся у отдельных лиц и учреждений, не может удовлетворить колоссальную в них потребность. Лучшими старыми справочными изданиями следует считать: «Энциклопедию русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук» под общей редакцией В. В. Филиппьева, «Справочную книгу русского сельского хозяйства», составленную под редакцией В. Г. Котельникова, Спб. 1913 г.—полная сводка, в алфавитном порядке, всего сельскохозяйственного знания на современном уровне теории и русской практики, обработанная многочисленными видными специалистами, «Агроном-практик» в сельск. хозяйстве, состав. проф. П. С. Слезкиным, проф. Киевск. Полит. Инст. Спб. 1905 г., и, наконец, «Сельско-хозяйств. календарь», состав. тем же П. Слезкиным.

Справочники эти в настоящее время считаются библиографическою редкостью и русскому агроному негде достать сведений по той или иной отрасли сельского хозяйства.

Трагическое положение усугубляется еще тем, что не имеется отдельных руководств по различным вопросам сельскохозяйственных знаний.

Появление «Справочной книги русского агронома», составленный при участии Андросова, Богданова-Каткова, Владыкина, Давыдова, И. И. Штейнберга и др. под редакцией И. И. Пересвет-Солтана, необходимо отметить, как большое событие и пожелать дальнейшего переиздания его в большом количестве экземпляров.

Портативность, карманный формат справочника дает возможность пользоваться им при всяких условиях, что особенно важно при работах в поле, или, напр., для лекторов-агрономов, которым после лекции, во время бесед и обмена мнений, задают вопросы узко специального характера.

Редактор справочника в предисловии указывает, что к агрономической работе на местах привлечена масса лиц, не имеющих достаточной теоретической подготовки и необходимого практического опыта. Именно это обстоятельство необходимо было иметь в виду при распределении справочного материала.

В 1 части надо было в самых кратких чертах указать на системы хозяйств, севооборот, составление их и переход от одного севооборота к другому.

В этой же части следовало бы поместить данные о климате России, о господствующих ветрах в северных, средних и южных частях России, таблицу о количестве осадков, выпадающих в разных местах России, о способах их измерения и о местностях, где чаще всего бывают у нас неурожаи от засухи.

В отделе огородничества нет таблички состава овощей, количества воды, золы, жиров, азотистых, безазотистых, экстрактивных веществ, сахара и клетчатки и количества азотистых и безазотистых веществ в сухом виде.

В части животноводства нет пород рогатого скота, пород лошадей, овец и свиней.

Вот те недочеты, которые бросаются в глаза при просмотре справочника.

А. Бессер.

ИСТОРИЯ.

А. А. ШАХМАТОВ. Древнейшие судьбы русского племени. Изд. Рус. Ист. Журн. Петр. 1919 Стр. 64.

Последнее сочинение безвременно скончавшегося академика Шахматова представляет значительный интерес. Оно является результатом многолетних изысканий автора в областях славянской филологии и истории для выяснения доисторических судеб русского племени и тех условий, которые выдвинули его на мировое поприще. Как языковед, автор исходит из положения, что славянская племенная группа выделилась из индоевропейской семьи и представляла некогда единое целое, с одним общеславянским праязыком. Из этой общесла-

вянской семьи выделилось позже, подобным же образом, русское племя с одним общим языком, который может быть назван общерусским праязыком. Допущение, с одной стороны, общеславянского, с другой—общерусского единства предполагает наличность более или менее ограниченных территорий, соответствовавших прародине славян и прародине русских, и автор начинает свое исследование с определения этих территорий.

Славяне выступают на историческое поприще в VI веке, когда о них начинают говорить византийские писатели, как о соседях Византийской империи, производящих набеги на ее пределы, или участвующих в вспомогательных отрядах, посылавшихся против готов. Историк Прокопий Кесарийский и другие различают три группы славянских племен: венедов, словен и антов, из коих анты жили восточнее прочих и были, как полагает Шахматов, предками русских славян. Первоначально анты, вместе с прочими славянами, жили в бассейне Вислы (вопрос, откуда они пришли в Повисленье, автор оставляет открытым), где они заняли во втором веке территорию, очищенную восточными германцами, готами, которые ушли на юг к берегам Черного моря. Во второй половине IV века двинулись на юг и анты, но они были удержаны готами (остготами), а затем овладевшими всем югом России гуннами. Только после разгрома гуннов в V веке ромеями (византийцами) и бегства их в бассейн Дона, и после удаления (в конце VII же века) остготов в Италию, анты получили возможность продвинуться на юг в область между Днестром и Днепром и далее к востоку за Днепр. Здесь они заняли, повидимому, только предстепье, так как причерноземные степи продолжали принадлежать остаткам гуннов, а на западе болгарам. Впрочем, антам удалось распространиться до Дуная, где они и вступили в столкновение с ромеями.

В половине VI века на исторической сцене Европы выступает новая сила в лице уйгурского (древне-тюркского) племени аваров. В своем походе из глубины Азии в Европу авары разгромили и смели ряд племен и привели в движение многие народности. Наиболее пострадали, повидимому, от аваров анты; летопись красноречиво описывает жестокое иго обров (аваров), находя утешение лишь в том, что Бог уничтожил наконец насильников, которые все погибли, не оставив по себе ни племени, ни наследия. Анты находились под игом аваров в течение двух веков VII и VIII, когда им пришлось жить на ограниченной территории между Днестром и Днепром, где и выработался, по мнению Шахматова, окончательно русский язык. Власть аваров была, наконец, сломлена франками (Карлом Великим), которые разгромили аварскую державу и уничтожили аваров, как самостоятельную народность. После 826 года хроника уже не упоминает об аварах.

Разгромленные франками авары бежали на Восток и вызвали своим нашествием движение в среде славянских племен. Летопись упоминает только о некоторых из этих движений, именно о переселении дулебов, ушедших с р. Буга, повидимому, в область Припети и далее в бассейн Западной Двины, и о выходе из Привисленья ляшских племен радимичей и вятичей, перешедших первые в бассейн верхнего Днепра (ныне Могилевской губ.), а вторые—в бассейн Оки (ныне Рязанской губ.). Что эти славяно-русские племена действительно были ляшского (польского) происхождения, Шахматов доказывает сохранением некоторых ляшских особенностей в белорусском языке на территории дреговичей и радимичей, и самым именем вятичей, которые у арабско-персидских писателей были известны под именем «вантит», что Шахматов объясняет тем, что сами вятичи, как ляшское племя, называли себя Wetic (вентиц), тогда как соседние с ними восточные славяне произносили Wjatic (вятич). Русская летопись сохранила предание, что расселение славян, сидевших будто бы раньше на Дунае, было вызвано вторжением в их земли волохов. Под волохами, по мнению Шахматова, в летописи разумелись, несомненно, франки Карла Великого. Появление франков на Дунае и разгром аваров было первым мощным толчком к стремлению славянских племен к политической само-

стоятельности и к широкому расселению восточных славян по русской равнине. В X и начале XI века восточные славяне организовали ряд племен, расселившихся на обширном пространстве—от Днестра, Южного Буга, Днепра с его притоками до Зап. Двины, озера Ильменя и Волхова, а также в бассейнах Оки и Дона. Племена эти перечисляются в Начальной летописи, но она ограничивается только главными племенами, не упоминая о более мелких и не указывая на наличность славян на Дону, о которых однако определенно говорят арабские писатели IX века и свидетельствуют многие русские названия рек бассейнов Дона и Азовского моря. Славяне жили в бассейне Дона все время существования Хозарского царства, под власть которого подпали в IX веке все восточные славяно-русские племена, но с появлением на Дону мадьяр, а затем печенегов, половцев и других тюркских народностей, славяне начали покидать бассейны Дона и Донца, уходя от насилий кочевников, они стали отходить в область Оки, куда и занесли образовавшееся, по мнению Шахматова, в Донских степях акающее русское наречие. Этим объясняется то обстоятельство, что север Рязанской губ., заселившийся с запада по Оке из Поднепровья, говорит на окающем наречии, а юг, куда отступило население Донских степей,—на акающем. Без прилива нового населения с юга трудно было бы объяснить возвышение приокской области и создания здесь условий для объединения русских племен.

В своем расселении по русской равнине славяне встретились со многими иноплеменниками: готами, литовцами, латышами, финнами, а в бассейне Дона они были покорены тюркскими хозарами, распространившими свою власть и на племена, поселившиеся по Оке и верхнему течению Днепра. На Северо-Западе же в среду славян вторглись скандинавские элементы—норманны (жители Швеции, Норвегии, Дании), сперва совершавшие морские набеги, а потом начавшие углубляться в страну для целей торговли и наложения дани на славян и финнов. По Волге они достигли Болгарии, на севере они проникли в Биармию (Пермь), по Западной Двине они проложили себе путь в Поднепровье. Множество кладов, арабских монет IX—XI веков, найденных на острове Готланде и в Швеции, и норманнские погребения, исследованные около Смоленска, в Новгородской, Владимирской, Ярославской губ., указывают на оживленность торговых сношений с Приволжской Болгарией и на ряд поселений и административных центров, образованных среди русско-финского населения. Одно время эти скандинавские пришельцы были известны под именем варягов (собственно это было название наемников, телохранителей Византийского императора), а позже они стали называться Русью. Шахматов доказывает, что название «русь» заимствовано славянами у финнов Финляндии (суоми), на языке которых Ruotsi называется Швеция. Шведы осели сначала среди финнов, а затем покорили и соседних славян, которые и усвоили себе финское название норманнов, перешедшее и в Византию (Rhos).

«Русью» летопись называет тех скандинавцев, которые основали русское государство, сначала в Новгороде, а затем путем завоевания и в Киеве (около 840 года). Первое русское государство в Новгороде представляло из себя своего рода разбойничье гнездо. По словам арабских писателей, «пашен они (русы) не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян». Единственный промысел их—торговля мехами. Это русское иго было, наконец, сломлено: по словам летописи, славяне, кривичи, меря и чудь—«изгнаша варяги за море... и почаша сами себе володети». Однако освободившееся население не могло оградить само свою самостоятельность; когда до него дошла весть о походе против него киевского князя, оно обратилось за море с призывом к варяжским дружинам, и на этот призыв явился Рюрик с братьями... Позже Олег овладевает Киевом и объединяет под своею властью территорию русского (Киевского) и Варяжского (Новгородского) государств.

Южная Киевская Русь—главнейший центр славянорусской власти, к которому тяготеет и Новгород, и средняя Россия.

Но затем выделяются и другие центры. На северо-востоке в бассейне Оки соединяются в одну народность западно-славянские вятичи и юго-восточные выселенцы с Дона. Они встречаются здесь с североруссами, заселившими северное Поволжье, и общими усилиями обоих племен кладутся основания северо-восточной, Суздальской, Владимирской Руси и великорусской народности, сосредоточившейся позже вокруг Москвы. Часть юго-восточных племен отступала с Дона и, переходя в бассейн Оки, продолжала двигаться на северо-запад, смешалась с радимичами, распространилась в области кривичей и дреговичей и сложилась, наконец, в особое этнографическое целое—белорусскую народность. Таким образом на месте полян, древлян, северян и других племен, о которых говорит Начальная летопись, возникают три государственных и этнографических центра и обособляются три наречия русского языка: южнорусское (украинское), великорусское и белорусское.

В таких чертах рисует А. А. Шахматов древнейшие судьбы русского племени, начиная с обособления восточных славян (антов) и кончая расселением славянских племен по русской равнине и сложения их в три политических и этнографических целых. Не все соображения и выводы автора опираются на несомненные факты, не все одинаково убедительны, скудость данных заставляет прибегать иногда к догадкам, но в общем картина, нарисованная автором и основанная на комбинации всех относящихся к вопросу известий, представляется весьма вероятной и при настоящем состоянии сведений достаточно убедительной.

Д. Анучин.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. Русская история в самом сжатом очерке. Гос. изд. М. 1920 г. Стр. 224.

М. Н. Покровский начинает предисловие в своей книжке словами: «*Русская история в самом сжатом очерке* обращается к тому же читателю, что и *Азбука коммунизма* тов. Бухарина. Сознательному рабочему необходимо знать не только, что такое коммунизм, но и что такое Россия. Истории образования современной России и посвящена эта книжка». Этих вступительных слов тов. Покровского нельзя ни на одну минуту забывать ни при чтении, ни при оценке его замечательной книжки. Забыть эти слова, значит подвергнуться опасности предъявить к его *Русской истории* такие требования, которых она не может удовлетворить и которых совсем не имел в виду ее автор. Он писал не для крестьянской массы, а для сознательных рабочих,—намеревался дать не простое сообщение элементарных знаний в области русской истории, а привести в ясность весь ход русской истории,—не бесцельно ознакомить с «анекдотами» прошлой жизни, а серьезно воспитать читателя в определенном направлении... В этом последнем смысле книжка тов. Покровского блестяща... Этого никто отрицать не станет и не сможет.

Революционер и коммунист, тов. Покровский уверенно ведет свою линию, не отклоняясь в сторону. В этом отношении его «очерк» представляет собою цельный монолит, в основе которого заложен не один только «святой» огонь революционности, но и превосходный научный багаж, свидетельство которого научно-подготовленный читатель живо чувствует на каждой странице книги. Это—не только сжатый очерк русской истории для сознательных рабочих, но и пропагандистская работа на основе исторического материала, литературный памятник разгара революционной поры, памятник сильный и выразительный...

В книжку, ныне опубликованную, вошли две части всего труда, охватывающие русскую историю с древнейших времен до второй половины XIX столетия. Книжка открывается введением, дающим «Общее понятие об истории» (стр. 5—20). «Прошлое,—говорит автор,—мы изучаем *именно* для того, чтобы понять то, что происходит *теперь*, это знание прошлого дает нам власть над будущим». История движется при помощи борьбы классов, а эта борьба классов двигается материальными интересами... Первая часть (стр. 21—102) посвящена истории возникновения в России *торгового капи-*

тала и захвата им власти и состоит из 7 отделов: первые столетия русской истории (стр. 21—38), московское государство (стр. 38—47), борьба Москвы с Новгородом (стр. 47—52), разложение московского феодализма, товарное хозяйство и крепостное право (стр. 52—65), крестьянская революция (стр. 65—89), государство Романовых и раскол (стр. 89—97) и, наконец, северная война и Российская империя (стр. 97—102). В этой первой части особенно интересным является ее наиболее обширный пятый отдел—*крестьянская революция*, куда входит смутное время московского государства и образование нового государства времен первых Романовых.

Эта первая часть заканчивается замечанием, что «государство Петра и его преемников верно отражает свою основную сущность, как владычество торгового капитала». Это замечание необходимо твердо помнить, переходя к чтению *второй* части (стр. 103—219), состоящей из четырех отделов и посвященной времени *промышленного капитализма* в России. Первый отдел второй части под заголовком «промышленный капитализм» (стр. 103—121), который распространяется на всю эту часть. Определенно заявив, что «на хлебном вывозе, главным образом, окончательно вырос и развился русский торговый капитализм», автор следит здесь за условиями и формами развития промышленного капитализма, поскольку это представляется возможным всего на 18 страницах. Любопытно, что при этой чрезвычайной краткости изложения имеется (на стр. 221—224) оглавление, очень подробное, которое необходимо признать превосходным руководящим конспектом книжки, облегчающим совершенно неподготовленному читателю пользование ею. Последние три отдела книжки—крепостническое государство (стр. 121—151), революционная буржуазия (стр. 151—173) и народническая революция (стр. 173—219) составляют как бы своего рода введение в имеющуюся появиться в свет *третью* часть «Русской истории в самом сжатом очерке», посвященную времени русского империализма и его крушения.

Отдел «революционная буржуазия» автор заканчивает характеристикой бессилия революционной буржуазии и его причин и, переходя в следующем отделе «народническая революция» к политической программе мелко-буржуазной интеллигенции, обрисовывает момент окончательного отпадения буржуазии от революции. Он заканчивает свою книжку 1 марта 1881 г.

Книга М. Н. Покровского заслуживает крупного внимания. С еще большим интересом приходится ожидать ее последней части, занятой временем великой русской революции, непосредственным участником и близким наблюдателем которой был сам автор. Его житейский и ученый опыт должны, конечно, подсказать ему и определенный тон изложения и своеобразную основу для построения последнего. Книжку невольно приходится ценить не только с научной точки зрения, но и со стороны ее пропагандистского значения в данный момент. Это ее значение должно сказаться в ближайшее же время, и нам нет нужды на этом останавливаться. Нет также нужды доказывать, что исторический материал всегда является отличным пропагандистским средством.

В. Н. Сторожев.

МИХАИЛ ЛЕМКЕ. 250 дней в царской ставке. (25 сентября 1915 г.—2 июля 1916 г.) Госуд. Изд. Петерб. 1920. Стр. XVIII+859.

Перед нами толстейшая книга большого формата—в 55 печатных листов. Она заслуживает, конечно, самого острого внимания, ибо ценность ее *должна быть* велика. Иначе как же могла она появиться в дни, когда производительность типографского труда пала ниже минимума, бумажный запас оказался исчерпанным и в республике стон стоит от бескнижья. Нет учебника, не хватает бумаги для необходимейших задач агитации и пропаганды, один за другим прекращают свой выход журналы. И мы с живейшим интересом поэтому раскрыли книгу. Но с первым же ее страниц нас охватило изумление, которое дальше перешло в совершенное негодование.

М. К. Лемке—известный собиратель исторических материалов и редактор сочинений Герцена, в начале империалистской войны решил исполнить свой «долг

до конца, честно и без компромиссов, как исполняет его народ». Отставной офицер—штабс-капитан—он в начале попал в 312 пешую рабочую дружину, а затем в ставку верховного главнокомандующего, «откуда било все биение пульса нашей жизни». Здесь у него возникла мысль вести дневник. Оспаривать полезность, необходимость и большое историческое значение такого дневника никто, разумеется, не станет. Все дело заключается лишь в том, *как* осуществил свое полезное желание М. К. Лемке, какова ценность этого исторического документа.

С первых же страниц приходится сказать, что автор трактует понятие «дневник» весьма распространительно. Мы полагаем, что «дневник», как один из видов мемуарной литературы, представляет собой более или менее регулярную и краткую запись всего виданного и слышанного. Ценность записей определяется содержательностью наблюдений, но М. К. Лемке *записывает* мало, *переписывает* много. Переписывает он все, что под руку попадется, с жадностью, без критической оценки, с одной лишь мыслью—не пропустить ничего такого, что позднее, *может быть*, получит историческое значение. Уже на второй странице текста мы находим целиком перепечатанную статью из «Биржевых Ведомостей» от 27/III 1914 «Россия хочет мира, но готова к войне». Дальше следует царский «манифест», потом «указ» Правительствующему Сенату, затем «манифест об объявлении войны с Австрией», «разъяснение об офицерах ополчения», «правительственное сообщение», воззвание верховного главнокомандующего «к полякам», потом «к русскому народу»— и дальше, как из дырявого мешка— в дневник посыпались несокращенные перепечатки телеграмм, которыми обменивались верховный главнокомандующий с командующими армий, и телеграммы, которые посылали друг другу командующие армиями, даже программу «Литературно-музыкального вечера по случаю выпускного праздника учебной команды 436 пех. Новоладожского полка» и ту не обошел своим вниманием М. К. Лемке, а за ними целые вороха официальных документов, от которых дневник разбух, как больной в последней степени водянки.

Автор напирает на «историческое значение» этих документов. Их исторического значения мы и не думаем оспаривать, нас возмущает лишь наивность многоопытного историка, который хочет уверить нас, будто этим «историческим документам» место именно в его «дневнике». Если же стать на его точку зрения и признать, что «дневник» является сборником официальных и неофициальных материалов из истории империалистской войны, то придется признать, что грош цена дневнику М. К. Лемке, так как в него включена, быть может, одна миллионная часть всех «ценных исторических документов», рисующих внутреннюю и внешнюю обстановку империалистической бойни. Но наш мемуарист не ограничился одними лишь телеграммами, манифестами и газетными статьями, которые и сейчас открыты всякому желающему. Ему, по роду его службы в ставке, были доступны все вообще «дела»—те толстые тетради казенной переписки, которых сохранилось несколько десятков тысяч. И он щедрой рукой переливал содержание этих «дел»— в свой гуттаперчевый дневник. Попалось ему «положение о полевом управлении войск в военное время», на 10 страницах, утвержденное 16 июля 1914 г.—никому, кроме узких спецов, не нужное,— он и это положение подшивает к своему дневнику. Подвернулись «общие соображения о значении физической подготовки для молодежи, долженствующей быть призванной в ряды действующей армии», — он ликует (какой документ! какое историческое значение!!!), и эти «соображения» включаются в книгу. Издаются в приказе «постановления для действия полевой артиллерии в бою» (6 страниц) — и их постигает общая участь. Право, готовность автора без разбора все сыпать в свой дневник напоминает нам бережливость Хлестаковского Осипа, который был убежден, что в хорошем хозяйстве всякая веревочка пригодится. «Веревочка? подай сюда и веревочку». Из таких-то «веревочек» и состоит в своей подавляющей части дневник М. К. Лемке.

Если бы, например, явился в Государственное Издательство какой-нибудь гражданин и предложил издать «Положение о военных корреспондентах в военное время», разработанное в 1915 году, ссылаясь на то, что это «исторический документ»—ему рассмеялись бы в лицо—а это положение (13 печатн. страниц), так же как и «положение о военной цензуре» (52 стр. плюс около 50 стр. комментариев) напечатаны в дневнике Лемке. Если бы тот же гражданин предложил также напечатать «обвинительный акт по делу о коменданте Киевской крепости» с объяснениями обвиняемого и приговором, вынесенным судом, ему постарались бы втолковать, что этот «исторический документ» сейчас республике не нужен и тратить на него бумагу и печать было бы преступлением. А этот «акт» (32 стр.) напечатан в дневнике Лемке. Было бы утомительным делом приводить подробный список всей той архивной трухи, которою набил книгу своих «мемуаров» автор, совершенно некритически отнесшийся к материалу. Укажем лишь то, что из 859 стр. текста на такие материалы (приказы, манифесты, докладные записки, циркуляры, телеграммы, письма; статьи из русских и иностранных газет и т. п.) ушло по приблизительному подсчету около 500 страниц.

Из увесистого тома остается таким образом около 350 стр. «мемуарного» материала. Что же представляет из себя этот материал?

М. К. Лемке старался наблюдать и запоминать. И упрекнуть его в недостаточной внимательности нельзя. Вся беда лишь в том, что ему удавалось наблюдать лишь *поверхность* явлений, внешний характер взаимоотношений между людьми, что-то делавшими перед его глазами. Какой-нибудь из будущих историков воспользуется, конечно, некоторыми замечаниями М. К. Лемке о том, на какую сторону от царя и главнокомандующего садился во время обеда великий князь Кирилл Владимирович; или о поведении наследника за столом, мазавшего какому-то из князей нос маслом, и т. п.

Такого рода наблюдений в дневнике очень много. Бытовая сторона жизни в ставке (вплоть до плана столовой с обозначением мест обедавших) обрисована выпукло. Подчеркнута боязнь печати, даже той либеральной, патриотической, которая готова была услужливо пристроиться к запяткам царской колесницы. Довольно четко изображена атмосфера интриг, взаимных подсиживаний, наушничества, карьеризма и т. п. прелестей. При этом наш наблюдатель не остался беспристрастным зрителем событий. Он с жаром присоединяется к одной из сторон и вряд ли биограф Алексеева найдет более горячие краски для положительной обрисовки этого генерала. Под пером М. К. Лемке Алексеев приобрел все «блестящие» качества честнейшего, умнейшего, преданнейшего, при этом набожного, богобоязненного народного вождя. Впрочем, справедливость требует указать, что автор позднее стал сомневаться в уме Алексеева. Он также благоволил к Николаю Николаевичу. Ему и в самом деле казалось, будто этот великий князь был «чрезвычайно популярен в армии и *народе*».

Автору нельзя вообще отказать в некоторой доле импрессионизма. «Очень приятное впечатление производит главный интендант генерал Дмитрий Савельевич Шуваев». «Симпатичен генерал-майор Николай Александрович Степанов»—занисывает он в дневнике. Вряд ли М. К. Лемке полагает, что эти «приятные впечатления» имеют хоть в ничтожной степени историческое значение.

Любопытны некоторые, имеющие второстепенный характер, указания на отдельных лиц, причастных к так назыв. литературному и общественному слоям, посещавших ставку. Но все эти люди—пыль, стряхнутая суровой рукой истории в литературное и политическое небытие. Им не уделит своего внимания ни один трудолюбивый историк. Есть также сведения о подкупах иностранной прессы,—но это ни для кого не было тайной.

Достаточно места уделяет автор Распутину и прочим. Здесь мы не находим ничего, что не было бы нам известно из материалов, опубликованных ранее.

Вот, в общих чертах, все, что можно сказать о содержании «мемуарной» части книги М. К. Лемке. Нам остается лишь упомянуть о той роли, которую

сам он играл или намеревался играть в деле сближения русской «передовой» печати с властью. Ему очень хотелось организовать при ставке особое «Бюро печати»—с участием всей, конечно, «независимой» прессы, со включением и левой, т.-е. социалистической. Последняя, впрочем, была из плана исключена, так как работа с ней считалась в ставке «несоответствовавшей достоинству военной власти и верховного главнокомандующего».

Задачами этого Бюро были, главным образом, «освещение некоторых вопросов и фактов под углом зрения штаба, чтобы таким образом влиять на общественное мнение нейтральных держав». Подробней на прелестях этого плана мы останавливаться не будем. Будущий историк оценит эту деятельность М. К. Лемке, как попытку широкой и планомерной организации систематического обмана и одурачивания широких народных масс Но усилия М. К. Лемке оказались безрезультатными. Планомерно организовать этого дела ему не удалось—он столкнулся с тупым и боязливым упорством ставки и ложь, которую сеяла буржуазная пресса, оказалась без единого руководящего и вдохновляющего центра.

Давая вышеприведенную характеристику «дневника», мы не хотим, чтобы читатель счел нас пристрастными критиками. Мы намерены поэтому воздать должное некоторой прозорливости автора, которую мы не можем не счесть из ряда вон выходящей.

Задолго до октября 1917 года, когда еще спали красные петухи социальной революции, М. К. Лемке первым прокричал в своем дневнике революционное ку-ка-ре-ку.

Говоря о планах заговорщиков (слухи о свержении Николая носились в ставке), он с презрением говорит ,о «кадетских чаяниях», связанных, очевидно, с успехами заговоров. Он не верил в эти чаяния. В противовес им—он уверен был в другом. Удастся заговор «*и начнется*,—вдохновенно пророчествует он,—*настоящая социальная революция со стороны пролетариата*, которая никоим образом не будет предотвращена и станет совершенно неизбежной вслед за всяким современным политическим переворотом».

Прогноз верный—мы с полным основанием можем сказать это. По странной иронии судьбы запись эта датирована *1 апреля* 1916 года.

Заканчиваем нашу рецензию тем с чего начали. Мы столь долго остановились на книге М. К. Лемке, ибо хотели показать, что появление ее в наши дни является чудовищной, недопустимой небрежностью Госиздата. Мы можем понять автора, который хотел издать свой дневник «без каких бы то ни было сокращений и искажений», хотя мы с ним ни в малой степени не согласны в оценке его книги, без которой будто бы «ни один историк великой европейской войны, да и всякий другой, захотевший изучить жизнь России за последние годы царского владычества, не сможет осознать многого». Мы считаем совершенно неправильным методологически его утверждение, будто «для истории нет лишних или ненужных фактов». Но если мы можем оправдать автора, переоценивающего значение своего труда, то нельзя простить такой переоценки ответственному государственному аппарату, призванному стоять на страже насущнейших плохо обслуживаемых, духовных потребностей республики. Издание этой книги в неурезанном, непроредактированном виде есть не что иное, как растрата народного достояния. Она тем более непростительна, что, как сообщает автор в предисловии, он не навязывал книгу Государственному Издательству, а согласился лишь на «предложение» издать дневник.

Последнее замечание. Книга набрана и отпечатана в 1920 году. Предисловие датировано 25 августа того же года. Вся республика давным-давно перешла на новое правописание. Для М. К. Лемке сделано исключение. Весь текст, равно как и предисловие, набраны по старой орфографии.

Вяч. Полонский.

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, т I. Государств. Издательство. Петербург 1921 г. Стр. IV+404+XXX таб.

К полуторагодовщине своего существования, к 8 февраля 1921 года Академия истории материальной культуры выпутила первый том своих «Известий».

Обширный том заключает в себе свыше 30 статей, посвященных различным вопросам археологического ведения. Материал подобран обильный и интересный, в большинстве свежий и новый.

Восточная и классическая археология представлена в книге прекрасно. Здесь можно лишний раз убедиться в том, как много сделала и делает русская наука в этих областях.

Первоклассный интерес представляют статьи так рано умершего нашего знаменитого египтолога академика Б. А. Тураева, трактующие об египетских рельефах с изображением погребальных процессий музея изящных искусств и о папирусе Piachov. В первой статье Тураев с обычным мастерством и исключительной эрудицией дал исчерпывающий анализ трех египетских барельефов, хранящихся в египетском отделе музея изящных искусств в Москве и изображающих части погребальных процессий. Ученикам Б. А. Тураева, В. В. Струве и Ф. Ф. Гессу, принадлежат статьи, посвященные истории египетской культуры в ее отношениях к культуре передней Азии и истории египетского искусства.

Академик Н. Я. Марр дал разбор фрагмента халдейской надписи из Алашкерта. Перу ассириолога В. К. Шилейко принадлежат «Заметки по Семитической эпиграфике» и «Документы из Гюльтепе».

Средневекового Востока касается статья академика В. В. Бартольда «Персидское арк»—«крепость, цитадель». По эпиграфике Армении дал весьма любопытную статью И. А. Орбели, остроумно толкуя два термина по построениям крепостных сооружений в надписях Ани. Академик С. Ф. Ольденбург дал интересную статью об организации археологического изучения Индии.

Из статей по классической археологии необходимо отметить статью Б. В. Фармаковского, представляющую детальный и тонкий разбор композиции рельефов весьма примечательной серебряной чашки Новороссийского музея с изображением кентавромахии. Как и всегда, ценны нумизматические этюды А. В. Орешникова, одного из лучших знатоков нумизматической истории Черноморского побережья.

Заслуживает внимания попытка реконструкции греческих головных уборов Чертомлыцкого кургана, предложенная Г. И. Боровкой в его любопытной и обстоятельной статье. Г. И. Боровка дает новые ответы, быть может, и не вполне бесспорные, на вопрос, поставленный в научной литературе М. И. Ростовцевым. Думается, что несколько осторожнее следует оперировать со столь модным сейчас «хеттским» влиянием. Но, во всяком случае, с соображениями Г. И. Боровки приходится серьезно считаться.

В «Заметках по греческой эпиграфике» В. В. Латышева отметим его полемику с некоторыми восстановлениями греческих надписей, предложенными И. И. Толстым в его книге «Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте». Ценные этюды по античному искусству дали О. Ф. Вальдгауер и К. И. Рончевский. Отметим также статьи О. О. Крюгера, К. В. Тревер и К. В. Шкорпила.

Обширная работа А. А. Васильева о готах в Крыму переводит нас из области древнего мира уже в эпоху переселения народов и раннего средневековья. Автором подвергнуты научному обследованию интереснейшие вопросы далекого прошлого нашего юга. А. А. Васильев, подвергнув детальной и скрупулезной критике все дошедшие источники, дал превосходный этюд по ранней истории готов. Настоящий этюд является первой частью задуманного автором труда. Можно пожелать ему столь же удачного продолжения начатой работы.

Из статей, посвященных русской старине, отметим статьи К. К. Романова о Звенигородской звоннице и интересный этюд С. Н. Тройницкого о Смоленском гербе.

В заключение нельзя не отметить прекрасной внешности издания, украшенного текстовыми рисунками и 30 превосходно выполненными таблицами. Следует упомянуть также, что эту книгу набирали на-ряду с наборщиками академической типографии члены и научные сотрудники академии. Как этому обстоятельству, так и неутомимой энергии редактора «Известий» И. А. Орбели, обязана своим появлением в свет настоящая книга.

И. Бороздин.

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ. Древне-греческая литература эпохи независимости. Часть первая. Общий очерк. „Огни". Изд. 1919 г. Стр. VI+192.

Имя автора достаточно ручается, что очерк древне-греческой литературы написан с огромными знаниями и с большой любовью к вопросу, а также ярко и живо, ибо таковы все вообще работы Ф. Ф. Зелинского в области античной древности. Автор обладает редким умением излагать популярно и занимательно, не поступаясь научностью, увлекать читателя, сообщая ему, казалось бы, самый сухой материал, и делать доступным для широких кругов последние открытия филологии. Все эти достоинства на-лицо в книге Ф. Зелинского и знакомство с нею нельзя не рекомендовать всем, желающим расширить и обосновать свои знания по истории всеобщей литературы и культуры.

Тем не менее, изложение Ф. Зелинского, конечно, не бесспорно. Прежде всего—автор настолько ярко выраженная индивидуальность, что он не может не вносить своих личных взглядов и в популярный очерк. Даваемые в нем характеристики отдельных явлений, отдельных писателей нередко не совпадают с общими суждениями и в той или иной мере субъективны, и читателю приходится это иметь в виду. Впрочем, мы эту особенность готовы причислить скорее тоже к достоинствам очерка: она придает характеристикам непосредственную живость и всему изложению—цельность и единство точки зрения. Гораздо важнее другая особенность очерка, лежащая в самом его замысле и, по нашему мнению, в немалой степени ослабляющая все его значение. Дело в том, что Ф. Зелинский, может быть из стремления к сжатости и краткости очерка (он сам ставит себе в заслугу, что изложил всю историю классического периода древне-греческой литературы всего на 180 страницах), почти совершенно оторвал историю литературы от ее обще-исторической и социальной основы, от социальных условий жизни того общества, в котором она создавалась. Правда, в книге есть страницы, посвященные напоминанию о политических событиях соответствующих эпох древней Эллады, но страницы эти всего менее исправляют общий недостаток. Они по необходимости кратки, излагают вопрос в пределах школьного учебника и, кажется нам, могли бы быть заменены простой ссылкой на такой учебник. А о социальном строе древней Эллады, об отношениях в ней классов общества, об общественных и революционных движениях того времени—читатель непосредственно из книги Ф. Зелинского не узнает ничего.

Мы, конечно, и не вправе ждать, чтобы Ф. Зелинский в своем очерке стал на марксистскую точку зрения. Но между таким подходом к истории литературы и полной оторванностью в изложении литературы от жизни—еще огромное расстояние. Автор излагает историю древне-греческой литературы так, как если бы она развивалась в каком-то безвоздушном пространстве, как если бы творцы ее не были людьми своей эпохи и не подчинялись бы различным воздействиям той среды, в которой жили. Это ведет даже к неправильному, на наш взгляд, освещению фактов. Так, Ф. Зелинский, напр., подробно говорит об «Илиаде» и «Одиссее», излагает песнь за песней их содержание, стремится выяснить вечные красоты этих эпопей, определяет их художественное и нравственное значение, при всем том очерк умалчивает, что эти поэмы создались в придворных кругах древнейшей эллинской аристократии и раньше всего удовлетворяли ее вкусам и обслуживали ее интересы. Будь это должным образом отмечено, нельзя было бы позабыть ряда черт, о которых автор теперь просто умалчивает: что героями Гомера являются *исключительно* люди знатного происхождения (даже «божественный свинопас» Евмей оказывается царского рода), что «простой народ» везде представлен, как бессмысленное и почти бессловесное стадо, что и на земле и на Олимпе везде строго проведен принцип господства аристократии и т. п.; далее пришлось бы, может быть, изменить характеристику Ферсита, которого автор, уже от своего лица, называет «дерзким и трусливым демагогом», и, наверное, пришлось бы отказаться от сомнительного «умиле-

ния» автора (стр. 28) перед беспристрастием Гомера, будто бы равно относящимся к своим, к данаям, и к врагам, к троянам (тогда как, конечно, трояне в поэмах представлены с узко-национальной точки зрения—и коварными, и трусливыми, и даже физически менее сильными, чем данаи). Сходные замечания можно сделать по поводу характеристики трагиков и их созданий, историков и их сочинений (относительно Фукидида и Ксенофонта это бросается в глаза), ораторов и их речей, вообще по поводу всего очерка.

Остается сказать о расположении материала в книге. Несомненно, автор сумел вместить в небольшом объеме очень большое содержание. Все же нам кажется, что в очерке есть немало страниц, которые с пользой и с успехом могли бы быть заменены другими. Выше мы говорим, что считаем не особенно нужными те, которые посвящены политической истории; но, по крайней мере, изложение этой истории занимает сравнительно немного места. Другое дело те пересказы содержания отдельных произведений, на которые автор очень щедр. Ни в коем случае не заменяя знакомства с подлинником, такие пересказы большею частью сводятся к изложению античных мифов или к простому оглавлению сочинений; между тем на эти пересказы ушла добрая треть всего очерка. Думаем, что они были бы более на месте во второй части труда Ф. Зелинского, в виде объяснительных введений к тому собранию образцов и отрывков, которые там предположено дать. Наконец, есть известное неудобство и в общем плане очерка, рассматривающего последовательно и обособленно—эпос, лирику, трагедию, комедию, историю, философию, красноречие; при таком делении нарушается, особенно в последние периоды истории, единство литературы, и иные тесно между собой связанные явления оказываются резко разобщенными.

При всех этих оговорках, книга Ф. Зелинского достигает своей цели—показать и уяснить современному читателю все огромное значение древнегреческой литературы не только в истории, но и для наших дней. Автор прав, говоря с некоторой справедливой гордостью, что своей книгой он подсказал ответ на вопрос, на чем мы, филологи, основываем свое право на существование в современном обществе. «Погодите нас истреблять,—говорит Ф. Зелинский в заключительных словах,—дайте нам время влить в вашу литературу здоровую кровь жизнерадостного и трудорадостного подъема, в котором она так нуждается, не трогайте нас до тех пор, а потом...—*а потом вы этого и сами не пожелаете*».

Валерий Брюсов.

АКАДЕМИК Б. А. ТУРАЕВ. Египетская литература. Том 1. Исторический очерк древне-египетской литературы. Издание М. и С. Сабашниковых. Москва 1921 г. Стр. II+282.

Совершенно исключительный интерес представляет большой посмертный труд Б. А. Тураева «Египетская литература».

Первый том (всего будет два) посвящен историческому очерку древне-египетской литературы. Эта работа является ценнейшим вкладом в область египтологии, вся она построена на огромном, прекрасно подобранном материале письменных памятников. Тонкий источниковед, умеющий как никто вчитываться и разбираться в текстах, Тураев исполнил огромную подготовительную работу, работу подбора, чтения и комментирования памятников египетской литературы. Несмотря на солидные египтологические силы запада, подобного рода труд еще не был произведен, имеется только частичное исполнение его. Ряд работ, начиная с Шампольона, Лепсиуса, Бругша, кончая Масперо, Шпигельбергом, Брестед и другими, представляют из себя стремление сделать необъятный египтологический материал доступным для изучения. Множество надписей и папирусов издано было названными авторитетными учеными, но их работа являлась лишь известного рода подготовкой к общему труду по истории египетской литературы. Профессор же Тураев один разобрал и подготовил к печати наиболее важные и интересные тексты, собирая их в местах их происхождения, в различных заграничных музеях и коллекциях.

Предлагая вниманию широкого круга читателей, как первый опыт обзора литературного наследия древних египтян, автор в своем предисловии оговаривается, что труд его не претендует на безусловную полноту и не преследует справочных целей. Но в то же время стремление дать возможно большее количество памятников заставляло проф. Тураева быть кратким. «Полагаем,—пишет он,—что приведенные образцы говорят сами за себя, и читатель, имея в виду сообщаемые нами необходимые сведения, будет в состоянии сам сделать из них эстетические, психологические, исторические и иные выводы».

Как образцы, взяты произведения наиболее характерные, хорошо сохранившиеся, изящные и неизобилующие местами, понимание которых вызывает сомнение. При этом памятники, переведенные Б. А. Тураевым для других изданий, или имеющиеся вообще в удовлетворительном русском переводе, выпускаются. В последнем случае делается ссылка, указывающая на издания, где эти памятники могут быть отысканы. В особых случаях дается объяснение о невозможности их научного перевода.

Сделав обзор египетского языка и египетского письма и рассмотрев материалы для письма, проф. Тураев переходит к историческому очерку развития «Слова Божьего», т.-е. иероглифического письма.

Начиная с архаического периода, пройдя по всем этапам развития на протяжении тысячелетий, автор заканчивает греко-римским временем. Перед читателем проходит красочная картина, на строго научном фоне. Прекрасно разбиравший не только иероглифическое и иератическое письмо древнего Египта, но и демотическое, Тураев чрезвычайно тонко умел передать всю глубину религиозно-философских размышлений, все своеобразие прелестных сказок, интересных повестей, которыми так изобиловал древний Египет. Из эпохи архаической автор останавливается на текстах пирамид, на гимнах, летописях, надписях вельмож и других памятниках. Довольно большой отдел посвящен классической поре литературы; тут разбираются все выдающиеся, наиболее характерные памятники этого периода; тут и «Беседа разочарованного со своим духом», и «Красноречивый поселянин», и «Инструкция визиря», и рассказ «Синухета»,—наконец, здесь же и поэзия среднего царства и научная литература. Из начала эпохи нового царства взяты надписи на гробницах деятелей XVIII династии, религиозные тексты, книга мертвых, магические ритуалы, драма Озириса и другие вещи.

Отдел IV посвящен ново-египетской эпохе, времени рамессидов, тут царские и другие официальные тексты, заупокойная литература и изящная.

Время «реставрации» дает надписи эфиопских фараонов, надписи царей и деятелей, сказания и впервые дошедшие до нас демотические папирусы, документы, относящиеся к эфиопскому саисскому и персидскому периодам.

Наконец, последней главой является греко-римское время, когда Египет сделался частью эллинистического мира. Тут разбираются надписи, официальные заупокойные тексты, надписи частные и другие, магические тексты и ряд демотических исторических романов.

В своем заключении профессор Тураев переходит к обзору коптской литературы, на которой на-ряду с влиянием греческой церковности и письменности отражается влияние Египта классической поры и заключительными словами автора являются следующие: «арабская культура оказалась роковой для последней отрасли великой древнейшей цивилизации и с XVII века ее язык уже влачил чисто искусственное существование».

Во втором томе, еще не напечатанном, будут представлены переводы древнеегипетских литературных памятников. Внешний вид книги не оставляет желать лучшего: хорошая бумага, хорошая печать.

Т. Козьмина.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

ЖЮЛЬ МИШЛЕ. Кордельеры и Дантон. Перевод Т. А. Быковой, под редакцией и с предисловием О. И. Добиаш-Рождественской. Изд. «Всемирная литература». Пет. 1920. 136 стр.

Уму непостижимо, зачем понадобилось в наше время издавать этого на редкость старомодного историка. По современной мерке, Мишле собственно не историк, а своеобразный художник, для которого исторический материал, собранный без особо «педантической» полноты, проверки и критики, просто являлся канвой для «возвышенного красноречия» и свободного творчества ярких образов. Если окажутся пробелы, их можно восполнить своими домыслами; если явятся противоречия, их можно обойти, чтобы сохранить выдержанный красочный образ. Ну, а если некоторые догадки окажутся правильными—тем лучше: иначе получилась бы уже не «история», а сплошная историческая беллетристика.

Все это в сущности признает и автор предисловия к разбираемой книжечке. Он пишет, например: «его (Дантона) значение в эту вторую половину революции, его заслуги и успехи перед ней, его трагическую борьбу с якобинством и Робеспьером, его роковой конец Мишле изобразил *с той силой сочувствия, какая почти всегда помогает угадывать жизненную или историческую правду*. Она заставляет нас простить великому историку отдельные *искажения и неточности*». Или еще: «Мишле, не знавший многого, что известно многим историкам революции, склонный скользить иногда мимо существенного, говорит зачастую об очень важных фактах деятельности Дантона только намеками... Но текст Мишле, при всей его отрывочности, *пристрастности, подчас и фантастичности*, ценен, как яркая характеристика особенно дорогих ему в его герое черт. Только так и можно подходить к нему» (подчеркнуто, как и выше, мною. И. С.).

Пусть вымысел, но зато яркий, сочувственный. А «сила сочувствия почти всегда помогает угадывать жизненную и историческую правду». Мишле дал правду о Дантоне и кордельерах, Ламартин—о жирондистах, Кунов, скажем, о Марате. Сколько классов, сколько классовых сочувствий, столько и жизненных и исторических правд. Бесподобно.

Поистине удивительно, как сумела «Всемирная литература» откопать автора предисловия к книжечке Мишле! Добиаш-Рождественская, не смущаясь, сыплет фразами, в которых отразилось понимание французской революции, достойное какой-нибудь кадетской дамы, познакомившейся с предметом слегка,—но как раз достаточно для того, чтобы подойти к нему с чисто кадетскою меркой. Вот образчик ее оценок: «С вырождением революционной стихии одушевление начало переходить в фанатическое исступление, а свобода—в анархию. Если в первый период во главе Клуба (кордельеров) стали пламенный и чистый Демулен, неистовый и жестокий, но бескорыстный Марат, если его направлял политический гений великодушного Дантона, то под конец в нем господствуют низкопробные площадные ораторы, нравственно неразборчивые люди и «исступленные» демагоги, как Эбер и Шометт» (6). Такова-то для Добиаш-Рождественской жизненная и историческая правда.

Что сказать о самой разбираемой книжечке? Это—окрошка, составленная из клочков, вырванных из разных томов «истории французской революции» Мишле и связанных единством героя. Разбирать построения Мишле невозможно: почти каждая страница действительно ярко свидетельствует о пристрастности, подчас прямой фантастичности автора. Его симпатии на стороне Дантона, так как этот «меньшевик» французской революции хотел блокировать ее правых меньшевиков и эс-эров, скажем, с «правыми большевиками», а затем, спасая «революцию и республику», найти опору где-нибудь значительно правее и «меньшевиков», и «эс-эров». Его антипатии определенно на стороне Марата и робеспьеристов. Ни проблеска понимания

классовой подоплеки развернувшейся политической борьбы, которая поэтому представляется под чисто индивидуалистическим углом зрения.

Редакция «Всемирной литературы» угрожает дать еще ряд выпусков из Мишле: «Жанна д'Арк», «исторические отрывки», «Якобинцы и Робеспьер». Все это—в особой серии, в «*Народной* библиотеке», которая имеет целью «познакомить читателя с теми сокровищами веками накопленных знаний и культурных навыков, которые, являясь достоянием всего человечества, служат надежным залогом братства всех людей—залогом грядущего интернационала». И, разумеется, все эти томики будут снабжены кадетскими предисловиями разных Добиаш-Рождественских, которые, отводя свои удрученные души, будут стараться сказать «нечто популярное, доступное народному пониманию».

А не лучше ли было бы поставить огромную точку? Не достаточно ли тех камней «грядущего интернационала», которые за счет советской России уже успели заложить Добиаш-Рождественские, Батюшковы и Горнфельды?

И. Степанов.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА. Акты и документы. Эпизоды кровавой недели. Предисловие Зиновьева. Издание Коминтерна. Петроград 1920 г.

La Commune de Paris. Actes et documents. Episodes de la Semaine Sanglante. Preface de Zinowjew. Ed de l'International communiste. Petrograd 1920. P. 121+XII.

В изданном ко дню пятидесятилетия Парижской Коммуны Коминтерном на русском и французском языках сборнике документов помещены: отрывок из «Офисьель» о революции 18 марта, манифест парижской секции Интернационала, воззвание Коммуны от 19 апреля, параллельная характеристика белых и красных, написанная поэтом, членом Коммуны Ж.-Б. Клеман, два воззвания работниц, целый ряд постановлений Коммуны: о заложниках, о народном образовании, о контр-революционной печати, о привлечении к суду Тьера и т. п., не мало прокламаций и обращений: к провинции, к версальским солдатам и т. п. и очень много данных (более половины книги) о белом терроре, об убийстве Мильера, о расстреле врача Тони-Муалена, Варлена, о зверской расправе над коммунарами на Монмартре, в Сатори и т. д. Все эти документы чрезвычайно интересны. Некоторые из них, например, воззвание от 19 апреля, все же как бы нуждаются в некотором пояснительном комментарии. Хотелось и большей полноты. Почему бы не поместить обращение центрального комитета национальной гвардии к населению об избрании Коммуны, где выражена точка зрения Ц. К. на сущность мартовской революции. Жаль, что не помещен и манифест «меньшинства»—ведь борьба партий внутри Коммуны заслуживает внимания. Приводится декрет о светском характере народного образования—почему нет декрета о низвержении Вандомской колонны от 12 апреля, в котором Дюбрейль основательно усматривает наиболее яркое проявление «социализма» Коммуны, если уж искать в ее программе и в ее мероприятиях—социализма (недаром и Кашен в своей речи в честь Коммуны в Париже выдвинул именно этот декрет и этот акт) и почему не поместить также и данное в «Офисьель» описание осуществления этого декрета 16 мая.

К книге приложены портреты: Делеклюза, Ферре, Мильера, Домбровского, Курбе, Росселя, Пиа, Риго, Флуранса, Эд. Тони-Муалена (жаль, что нет Варлена, Дюваля и др. рабочих) и ряд картин, изображающих боевые сцены пленных коммунаров, расстрел рабочих и др.

В. Фриче.

В ПАМЯТЬ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ. Типы коммунаров по наброскам современника под ред. Л. Никулина. Изд. Политотдела Балт. Флота и Петроградского губ. Отдела Нар. Обр. Петроград.

В обертку вложены 18 листов великолепной меловой бумаги, испорченных цветными картинками, никому не нужными, не интересными, не имеющими ни художественного, ни исторического значения, но имеющими зато весьма

грубый карикатурный характер. На одной изображен «делегат-коммунар»— господин в гороховом пальто и котелке с красной ленточкой в петлице, на другой—«оратор-коммунар» — господин в коротком пиджаке и широкополой шляпе, с книжками под мышкой, на третьей— «африканский стрелок коммунар» и т. д. Никакого текста, ни одной строчки, которая оправдывала бы гражданина Никулина в столь возмутительном и преступном в наше время обращении с небогатыми техническими средствами республики. В прежнее время появление подобной юбилейной макулатуры можно было объяснить желанием хищника-книгоиздателя выкачать монету из кармана доверчивого читателя. Ныне это объясняется отсутствием чувства ответственности у товарищей, занимающих на местах ответственные посты и позволяющих предприимчивым молодым людям столь бесцельно расхищать те крохи народного достояния, которых нам не хватает для удовлетворения самых неотложных культурных нужд.

Книголюб.

ВЕРА БОНЧ-БРУЕВИЧ (В. М. Величкина). Жизнь и деятельность Луи-Огюста Бланки. Гос. Изд. М. 1920 г. 128 стр.

Книжка покойной Величкиной, как видно из предисловия В. Бонч-Бруевича, написана еще в 1906 г. Теперь она издана к 40-летней годовщине смерти знаменитого революционера. Она является, главным образом, изложением известной книги Жоффруа «Заключенный» (l'enfermé) и в значительной мере сохраняет и достоинства и недостатки этой книги. В самом деле, мы находим в книжке Величкиной очень подробную биографию Бланки, отчасти в связи с окружавшей его в разные эпохи исторической обстановкой, находим то же восторженно-панегирическое отношение к нему, какое отличает и книгу Жоффруа. Но так же, как и в оригинале, в ней совершенно отсутствует *критическая оценка* революционной деятельности Бланки, равно как и какая-либо попытка передать и анализировать его *социально-политические взгляды* и роль в развитии социалистических идей.

Другим недостатком разбираемой нами книжки является обилие мест, недостаточно понятных мало подготовленному читателю, пестрящих иностранными словами или подробностями (историческими и географическими), близкими и интересными для *французского читателя* книги Жоффруа, но без подробных комментариев чуждыми для того русского читателя, на которого, повидимому, рассчитана книжка Величкиной.

Тем не менее, и в теперешнем своем виде эта книжка читается в общем легко и с огромным интересом (как, впрочем, и книга Жоффруа), благодаря искреннему революционному воодушевлению автора и его глубокому сочувствию Бланки и всему делу его жизни.

Книжка разделена на ряд маленьких глав, что делает ее чтение более доступным, при чем все главы снабжены оживляющими чтение эпиграфами, правда, не всегда удачно подобранными. В общем появление этой книжки следует безусловно приветствовать.

Б. Горев.

А. А. ШИЛОВ. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Историко-революционная библиотека. Государственное издат. Пет. 1920 г. Стр. 56.

ЗАПИСКИ П. А. ЧЕРЕВИНА. (Новые материалы по делу каракозовцев.) Библиотека общественных движений в России XIX и XX в.в., вып. I. Изд. Костромского Научного Общества по изучению местного края. Кострома 1918 г. Стр. 42.

А. А. Шилов усердно занимается делом Каракозова и его товарищей, им опубликованы некоторые неизвестные ранее документы, относящиеся к этому делу. Рецензируемая брошюра основана на изучении первоисточников: следственного и судебного материала по делу о покушении Каракозова, а также воспоминаний современников. Все это придает ей большую ценность. Она является первым более или менее полным изложением истории ишутинского кружка и события 4 апреля 1866 года. Автор знакомит нас с тем, как студенческий кружок, начавший с «рыболовства», социалистической пропаганды среди молодежи и народа,— пропаганды, стремив-

шейся первоначально не выходить из рамок легальности, перешел к «охоте», к планам убить царя, уничтожить царскую власть, захватить в свои руки управление и произвести социальную революцию. Он передает нам, как один из членов этого кружка, Каракозов, не посвятив почти никого из товарищей в свои намерения, отправился в Петербург, чтобы претворить слово в дело и нанести смертельный удар «самому главному из помещиков» Российской империи и этим дать сигнал к великой социальной революции. Он рассказывает нам о неудаче, постигшей этого мечтателя, и о непонимании истинного смысла его поступка теми, во имя освобождения которых этот поступок был совершен. Он знакомит нас, наконец, с теми физическими и нравственными мучениями, которым подвергли Каракозова и его товарищей их торжествующие враги. Все это вполне удалось автору. Он хорошо знает предмет своего исследования и сумел достаточно ясно и рельефно изложить фактическую сторону события 4 апреля.

Но автор не ограничился только этим. Вначале своего труда он высказал вполне правильную мысль о том, что понять покушение Каракозова можно, только познакомившись с той обстановкой, в которой оно произошло, и с предшествовавшими событиями, логическим выводом из которых явилось это покушение. Сообразно с этим он счел необходимым изложить развитие революционного движения в 60-х годах и рассказать, как революционная мысль того времени пришла к идее цареубийства.

Вопрос поставлен правильно, но ответ, данный на него автором, нельзя признать удовлетворительным. Шилов ограничился довольно поверхностным обозрением развития революционного движения 60-х годов, не дающим определенного представления о месте ишутинского кружка в этом движении и о его значении.

Социально-политические взгляды и деятельность Каракозова и его товарищей представляют особенный интерес для историка; они являются чрезвычайно характерными для пережитого русской революционной мыслью в середине 60-х годов перелома, в результате которого она пришла в тупик нечаевщины. Ишутинский кружок представляет собою звено, соединяющее уповавшую на крестьянскую революцию «Землю и Волю» с якобинствовавшей организацией Нечаева. В первые годы после освобождения крестьян левые круги русского общества, разочарованные результатами реформы, питали твердую уверенность в близость открытого протеста со стороны крестьянства против великого обмана 1861 г. [Крестьянскую революцию ждали то весной 1863 г. (Н. П. Огарев, «Земля и Воля»), то в 1865 г. (Н. Г. Чернышевский). Но ожидания скоро сменились разочарованием: народные массы остались неподвижными. Пришлось все надежды перенести на инициативное меньшинство на революционно-настроенную интеллигенцию. На почве разочарованности легко возникали [организации чисто заговорщического характера, проекты цареубийства, планы захвата власти. В частности, 1865 г. имел большое значение и для ишутинского кружка; именно в это время среди его участников окончательно оформилась мысль о необходимости цареубийства и захвата [власти, а вскоре в начале 1866 г. возникла тесная группа, [получившая название «Ад» и принявшая на себя выполнение цареубийства, руководство переворотом и тайный надзор за деятельностью правительства, имеющего образоваться после социальной революции. Ишутинцы сделали большой шаг в том направлении, по которому вскоре пошел Нечаев. В этом основное значение и главный интерес их деятельности, и, как раз, все это осталось почти неосвещенным автором рецензируемой брошюры. Удалось ли ему, по крайней мере, ответить на вопрос о причинах, породивших планы цареубийства? Думаем, что нет. Для этого было необходимо прежде всего проследить генезис идеи цареубийства и различные ее проявления в революционном движении 60-х годов. Автор этого не сделал и тем самым лишил себя возможности найти правильный ответ на интересовавший его вопрос.

Несмотря на все сказанное, брошюру А. А. Шилова надо признать ценным пособием для всех интересующихся исто-

рией революционного движения 60-х годов.

Генерал-адъютант П. А. Черевин, отрывок из записок которого издан Костромским Научным Обществом по изучению местного края, был одним из ближайших соратников знаменитого М. Н. Муравьева. Последний привлек Черевина к участию в работах следственной комиссии по делу Каракозова. В своих заметках Черевин довольно откровенно описывает деятельность этой комиссии и приемы, употреблявшиеся ею для того, чтобы раскрыть дело и вынудить у арестованных подробные показания. Любопытно, что Черевин вполне отдает себе отчет в том, что в действиях следственной комиссии было много жестокости, и считает нужным оправдаться по поводу возможных упреков. «Мне скажут,—пишет он,—что следует всегда оставаться человеком. Да, но не всегда надлежит руководствоваться человеческими побуждениями... Кто не может побороть в себе этих так называемых человеческих побуждений, кто не находит в себе достаточно твердости, чтобы решительно без колебаний исполнить то, что ему указывает исполнить служебный закон, тот в подобных случаях должен отстраниться от дела, но не имеет права быть гуманным за счет других».

Из сказанного ясно, какой любопытный и ценный материал мы находим в опубликованном отрывке из записок Черевина.

Б. Козмин.

НИК. АШЕШОВ. СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ. Материалы для биографии и характеристики. Историко-революционная библиотека. Гос. Изд. Пет. 1921. Стр. 142.

Ни как к самостоятельной работе, ни как к собранию материалов нельзя подходить серьезно к работе Ашешова. Прежде всего это не материалы, потому что автор излагает жизнь С. Перовской от себя, кое-где цитируя из сочинений общеизвестных («Былое» и т. п.) с указанием источника, часто же прибегает к самостоятельному изложению без указания источника.

Как к самостоятельной исторической работе нельзя отнестись к книге Ашешова, потому что жизнь Перовской интересует автора, главным образом, с точки зрения «драматического эффекта» (стр. 7).

Чтобы ярко выявить этот «эффект», понимаемый в бульварно-фельетонном смысле, автор копается в родословной Перовской, неудачно пытаясь доказать, что ее предки были «хотя и не царствовавшие формально, но царственные мужи» (стр. 7).

Потомок якобы царственных мужей, становящийся в центре цареубийц,—это ли не благодарная тема для бульварного романиста.

Бульварное начало, бульварный же и конец: мелочное описание сцены казни. Но и этого мало: для усиления «драматического эффекта» рассказывается, как трижды вешали Тим. Михайлова (веревка обрывалась), а Перовская стояла рядом:«Она ничего не видела. Саван закрыл ей очи. Но она чувствовала, что что-то происходит и слышала, как людское море волнуется» (стр. 140).

Плох бульварный роман без «романической завязки»,—нужно было Ашешову вдосталь покопаться и в отношениях между Желябовым и Перовской.

Эти три момента книги (родословная, сцены казни, копанье в отношениях между Перовской и Желябовым) производят отталкивающее впечатление. В остальном — изложение живое, интересное, но не по вине Ашешова, а благодаря живым и интересным воспоминаниям о Перовской ее талантливых товарищей. Поэтому и книжка в остальной своей части может быть прочитана не отрываясь. Но спрашивается: зачем заставлять людей читать С. Кравчинского и В. Фигнер в переделке Ашешова? Не лучше ли дать подлинник?

М. Ольминский

ЛЕВ ДЕИЧ. Хождение в народ. Из воспоминаний. Гос. Изд. Пет. 1920. 40 стр.

Названная брошюра посвящена воспоминаниям автора о его личном опыте «хождения в народ». Этот лозунг, брошенный революционной молодежи в в начале 70-х годов, вызвал в ней массовое, можно сказать, эпидемическое увлечение апостольской миссией. Но

суровая действительность безжалостно подрезывала крылья юным революционерам. Полицейские бичи и скорпионы производили опустошительное действие в рядах пропагандистов того времени (напр., обыски и аресты 1874 г.), а объект пропаганды—«прирожденный социалист» Сысойка очень часто скручивал руки назад субъекту пропаганды и отводил его к становому приставу. Но вера в крестьянство и в его восприимчивость к идеям социализма не желала уступить своего места скептицизму, толкая революционную интеллигенцию 70-х годов на новые опыты подхода к крестьянской психологии вплоть до подделки царских грамот. К числу очень наивных форм «хождения в народ» принадлежит также и опыт проникновения пропагандистов в среду сектантов, относительно которых предполагалось, что преследование и гонение делают их непримиримыми врагами существовавшего порядка.

Факт паломничества революционеров 70-х годов в среду сектантов сам по себе общеизвестен, и даже у Туна мы найдем указание на этот счет: «Не следует, наконец, пренебрегать,—говорится в его известной книжке,—той интересной группой пропагандистов, которая отправилась в среду сектантов с Евангелием в руках, желая на основании Библии доказать испорченность современного общественного экономического порядка и необходимость замены его новым общественным порядком».

Но для современного читателя трудно себе представить, как это социалист 70-х годов умудрялся сочетать свою веру в земной рай с мистическими картинами небесного рая, проповедуемого Евангелием и Библией. Казалось бы, что из этого поповско-крестьянского социализма честному русскому радикалу-интеллигенту решительно нечем поживиться... А между тем факт остается на-лицо: не только недоучившиеся гимназисты, из рядов которых очень часто рекрутировалась армия пропагандистов, но и такие революционеры с недюжинным умом и большой по тому времени начитанностью, как «последователь Маркса» Фесенко, шли в народ «с Библией в руках».

В рассказе Л. Дейча звучит много насмешливых, юмористических ноток. Особенно забавно выглядит эпизод с Фесенко, когда экзальтированная его религиозной проповедью толпа, вдруг, неожиданно для его самого, подхватила его на руки и стала вертеться с ним по избе, радостно восклицая: «Он (пророк) пришел! Он тут! Он с нами!».

Нельзя, однако, не отметить, что, живописуя с внешней чисто стороны то явление, которое легло в основу «Воспоминаний», установив свое отношение к нему, как к чему-то очень далекому, детски-смешному и характеризующему младенческую мысль пропагандиста, направлявшего когда-то свои стопы в сектантские гнезда, автор вольно или невольно упустил счастливый случай ближе познакомить своего читателя, хотя бы на примере личного опыта, с умонастроением и переживаниями того интеллигента, который «рассудку вопреки» и «наперекор стихиям» увлекался ролью христианского миссионера, сыпал цитатами от божественного и вообще проделывал очень сомнительные эксперименты над собственной психологией... В этом смысле рассказ Л. Дейча не дает полного удовлетворения. Читателю не удается проникнуть в тайники души Фесенко или самого автора, когда они во времена оны налагали на себя, так сказать, вериги «лицедейства»... Во имя идей служения народу они пускались на путь такой же фальсификации и обмана, как и герой чигиринского эпизода. Но были ли у них в это время моменты смущения? Приступы раскаяния? Смешливый юмор к своему двусмысленному положению? Моменты увлечения в своей роли истым искусством?

Или над их умами властвовала лишь сила инерции софистически настроенной мысли?..

Эти вопросы книга Л. Дейча оставляет без ответа. Но, как очень редкая попытка бросить свет на один из таинственных и мало еще объясненных эпизодов в истории революционного движения в России, она заслуживает самого серьезного внимания и будет прочтена с интересом прежде всего читателем из массы.

П. Лепешинский.

А. ШЛЯПНИКОВ. Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917 г.г. Государственное Издательство. Москва 1920 г. 384 стр. Ц. 115 руб.

Наша небогатая сравнительно литература по истории русской революции и истории Р. К. П. пополнилась ценной книгой. Т. Шляпников дал нам картину борьбы, которую революционные интернационалисты-большевики в годы империалистической войны вели в России с тлетворным влиянием социал-демократического оборончества. Эта сторона нашего недавнего прошлого почти не освещена в литературе. Правда, у нас есть ценный сборник статей Н. Ленина и Г. Зиновьева («Против течения»), относящихся к названному периоду, но в них отражена лишь принципиальная позиция революционного интернационализма по вопросам войны и обороны. Конкретные же условия, в которых приходилось вести борьбу интернационалистам в России в годы войны, до сих пор не получили еще должного литературного освещения. Книга А. Шляпникова является первой работой в этой области. Следует пожелать, чтобы она не долго оставалась и единственной.

Несмотря на обширность материала, использованного А. Шляпниковым, богатство революционного опыта и впечатлений, автор, конечно, не может претендовать на то, что этот в высшей степени интересный период в деятельности социалистических партий и жизни рабочего класса нашел в его книге полное отражение. Вне поля авторского зрения осталось много моментов героической борьбы, которые ждут еще своего исследователя. Но и то, что дал нам автор «Кануна семнадцатого года», весьма ценно, интересно и для многих—особенно молодых товарищей—совершенно ново. В книге читатель найдет почти стенографический отчет о тайном совещании представителей заводов с «охранкой», созванном в конце октября 1915 года, с целью выработки мер борьбы с ростом революционного рабочего движения, тексты прокламаций, выпущенных в связи с войной большевистскими организациями Р. С.-Д. Р. П., заявления и резолюции рабочих по тому же поводу. Большой интерес представляет также сообщение о конспиративном собрании рабочих с председателем II-го Интернационала Э. Вандервельде, прибывшим в Россию в качестве члена Бельгийского правительства. Многие из документов, использованных автором,—особенно резолюции и прокламации рабочих, которые вряд ли когда-либо полностью попали бы в руки историка нашей революции,—придают книге Шляпникова значение ценного исторического источника. Такое же значение имеют, конечно, и воспоминания автора о деятельности Русского Бюро Ц. К., Петербургского Комитета и других организаций партии; о его встречах и переписке со скандинавскими и английскими интернационалистами и соглашателями.

В книге встречаются довольно резкие характеристики отдельных групп и товарищей, не сошедших еще с исторической сцены. Это подало уже повод к газетной полемике (см. статью Ю. Стеклова в «Известиях В.Ц.И.К.» № 1) которая, кстати сказать, нисколько не поколебала того сочетания «света и тени», которое дано живым пером автора «Кануна семнадцатого года». Некоторые характеристики производят, правда, тягостное впечатление.

Делясь своими воспоминаниями, А. Шляпников говорит о себе, как о действующем лице, «без прикрас», нисколько не заслоняя «собственной персоной» величия совершающихся событий. Он счастливо избежал в изложении того недостатка, который часто ставит в смешное положение других авторов воспоминаний о революции. И это тоже одно из достоинств «Кануна семнадцатого года». Книга написана хорошим, живым языком и прочтется с большим интересом даже теми, кто «все это знают»...

К. Новицкий.

ПРАВО.

ЛЕОН ДЮГИ. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. Перевод с французского М. М. Сиверс, под редакцией и с предисловием профессора А. Г. Гойхбарга. Москва. Госуд. Изд. 1919 г.—110 стр.

Чтобы строить новое, нужно сначала очистить место, нужно разрушить старое. Область научной юриспруденции, область науки права может быть наиболее устаревшая и ненужная часть того буржуазного наследства, которое досталось пролетариату, захватившему власть в свои руки. Если в области математики и естествознания перед нами масса технических знаний и приемов, которые одинаково необходимы пролетариату, как были нужны буржуазии, которые могут быть с успехом заимствованы и использованы пролетариатом, то в области социальных наук, в частности в области юриспруденции, буржуазные методы исследования, буржуазные правовые понятие и концепции враждебны пролетариату, отжили свой век и должны отойти в область прошлого. Мы смело можем пользоваться сейчас в эпоху диктатуры пролетариата буржуазными учебниками астрономии или зоологии для изучения этих дисциплин, но мы не сможем разобраться в окружающих нас правовых явлениях, если вздумаем изучать советское право, даже по современным нам учебникам права, появившимся из-под пера юристов-идеологов буржуазного строя. Все отвлеченные понятия субъекта и объекта права, понятие юридических отношений, основанных на автономии лиц, ничуть не помогут нам разобраться в окружающей нас правовой действительности.

На смену индивидуализму пришел коллективизм, строй священной и неприкосновенной частной собственности сменился строем коллективной собственности, а понятия свободы воли, субъективных и объективных прав—понятием общественных обязанностей. Буржуазными правовыми институтами мы можем пользоваться сейчас в научной работе не для подражания, а только для сравнения и критики. Буржуазная наука права ценна для нас не в той своей части (наиболее значительной по количеству), которая, исходя из неизменности и разумности буржуазного строя, объясняет, оправдывает и старается укрепить капиталистический строй и его правовые подпорки, но в той части этой науки, которая, подчас сама того не желая, помогает работе разрушения старого, а следовательно и созидания нового. Нам нужна не та юриспруденция, которая жонглирует метафизическими понятиями, но та, которая заявляет нам, что реализм—единственно плодотворный и научный метод, о какой бы отрасли знания ни шла речь, что для изучения права следует наблюдать факты, их анализировать и синтезировать. В годы наивысшего расцвета буржуазной науки, в годы наибольшего могущества капитализма, в буржуазнейшем из буржуазнейших государств — во Франции появляются один за другим труды буржуазного юриста, профессора Бордоского университета Леона Дюги (1901 г. Le droit social et le droit individuel; 1911—Traité du droit constitutionel, 1912—Les transformations generales du droit privé и др.) Труды эти были встречены сильной критикой со стороны крупнейших представителей юриспруденции. Оно и не могло быть иначе. Знакомство с основными положениями, выдвинутыми Дюги в этих трудах, объясняет нам оказанный ему буржуазной юриспруденцией прием. Не желая этого и сам того не замечая, Дюги подкапывается под самые основы буржуазного права, он разрушает те устои этого права, за которые держится буржуазная юриспруденция и буржуазное общество.

Вот право частной собственности, то священное и принципиально неограниченное право собственности, которое превозносится и оправдывается на все лады во всех юридических трудах от учебников до солидных научных исследований. «Собственность—говорит Дюги—есть юридический институт, созданный, как, впрочем, и *все юридические институты, для удовлетворения* известной экономи-

ческой потребности и по необходимости эволюционирующей вместе с самими же экономическими потребностями. В наших современных государствах экономическая потребность, которую должен удовлетворить юридический институт собственности, глубоко преобразовывается, вследствие чего и собственность, как юридический институт, должна сама преобразовываться. Тем самым *собственность*, если можно так выразиться, *социализируется*» (стр. 82). Пусть в дальнейших словах Дюги спешит с себя снять обвинение в приверженности к коллективистическим доктринам; своим рассуждением о собственности, заявлением о том, что собственность может и должна измениться в сторону социализации, он уже разрешил догмат неприкосновенности частной собственности, уже подорвал священный базис буржуазного, индивидуалистического строя. За ним придут другие, которые этот фундамент буржуазного строя окончательно разрушат.

«Закон,—говорит Дюги в другом месте,—имеет значение лишь тогда, когда он соответствует минутным и изменчивым условиям настоящей жизни данного общества» (стр. 101). Разве эти слова не подрывают уважение к закону, который господствующий класс — буржуазия — всегда старался изобразить, как нечто незыблемое и неприкосновенное» [1]).

Дюги ставил своей целью, исходя из идеи права—социальной функции, оправдать и укрепить буржуазный строй и его правовые устои. Но, сам того не желая, он каждой новой страницей своих работ расшатывает здание буржуазной юриспруденции, которая не может примириться с чуждым ей понятием социальной функции. Но это же свойство работ Дюги, которое заставляло буржуазных юристов отвергать его построения, эта разрушающая тенденция его основных положений заставляет юристов-марксистов изучать эти работы и пользоваться ими. Идея социальной функции права, выдвинутая Дюги и противоречащая индивидуалистическому, основанному на эгоизме, буржуазному строю, вполне применима для изучения и объяснения нового пролетарского советского права. Работы Дюги ценны для нас также и тем, что помогают нам усвоить реалистический метод—подход к правовым явлениям, они помогают нам расстаться с метафизическими концепциями, пропитывающими буржуазную науку права, на которой воспитано современное поколение юристов.

Очень ценным дополнением к впервые появившейся в русском переводе книге Дюги «Общие преобразования гражданского права» является предисловие редактора перевода тов. А. Гойхбарга. Это предисловие значительно облегчает читателю пользование книгой, оно помогает отличить верное от ошибочного, указывает на слабые стороны труда (иногда нелогичность и непоследовательность Дюги, его боязнь додумать до конца, сделать окончательные выводы) и, что самое главное, предисловие тов. А. Гойхбарга помогает читателю книги усвоить реалистический метод изучения права. В этом предисловии марксист и коммунист делает те выводы, которые не осмелился сделать и не хотел сделать автор-буржуа. «В реалистической теории автора,—говорит Гойхбарг,—мы получаем оружие для борьбы в одной области,—в области идеологической защиты существующего (пролетарского) строя» и в своем предисловии показывает, как этим оружием пользоваться.

Зинаида Тетгенборн.

[1]) См. об этом книгу А. Гойхбарга. «Социальное законодательство советской республики». М. 1919 г. Стр. 1—6.

СОЦИОЛОГИЯ.

К. М. ТАХТАРЕВ. Наука об общественной жизни (социология). Пет. 1919 г. Стр. 424.

По весьма меткому и ядовитому замечанию, социология так же искусственна, как и ее название, у которого одна половина латинская, а другая—греческая.

Правда, до недавнего времени социологи очень скромно объясняли, что их наука—наука будущего.

О. Конт, официальный отец социологии, поместил ее в своей классификации наук на последнем месте, и вопрос о ее воцарении, тем самым, отодвигался впредь до завершения всех предшествовавших ей наук, т.-е. в весьма отдаленное будущее.

Действительно, пока что курсы социологии представляют собой искусственный конгломерат гипотез, выводов и сырого материала и из естествознания, и из истории хозяйства, и из истории культуры, но ничего своего социология, по существу, до сего времени не сказала.

Объемистый том, написанный проф. Тахтаревым, служит хорошей иллюстрацией этого положения. Как попытка суммировать социологическую литературу, книга Тахтарева, несмотря на ее многословие и расплывчатость, довольно интересна.

Из отдельных недостатков работы приходится отметить весьма неудачное изложение марксизма и слишком примитивное понимание исторического материализма. Богатая литература по этому вопросу совершенно не использована. Нет упоминания даже о таких работах, как «К вопросу о развитии монистического взгляда» Бельтова или «Право и хозяйство» Штаммлера. Заодно забыты и ценные изыскания Г. Кунова в области первобытных культур. Зато уделено до скуки много внимания Чернышевскому и Михайловскому, но совершенно не упоминаются такие достаточно любопытные авторы, как Кидд или Лакомб.

В общем, книга Тахтарева насквозь пропитана эклектизмом. Курьезен анализ федеративного принципа Р. С. Ф. С. Р., который автор предпринимает на стр. 133—135, и весьма изумительны, напр., такие определения: «Общество есть самодостаточное (?) сожитие людей, сознающих свое общественное единство (?), проявляющееся в их самодостаточном общении (?) с целью всестороннего обеспечения жизни». Этому определению автор, видимо, придает весьма большое значение.

Для неподготовленных читателей книга Тахтарева мало пригодна и может внести сумбур в их головы.

Для читателя, знакомого с материалом, использованным в книге, она дает мало интересного.

С. Членов.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЕДИНОЙ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ. Сборник статей, написанных спец. для русского издания западно - европейскими педагогами. Москва 1920 г. Госуд. Издат. Цена 50 руб. 225 стр.

Было бы ошибкой по заглавию заключить, что статьи сборника находятся в какой-либо связи с великой революцией.—Написаны они до 1915 года для журнала «Русская Школа». На обложке, в числе участников сборника указаны Кершенштейнер и Монтессори, но статей этих авторов в книжке мы не находим. Статьи сборника можно разбить на три группы: 1) статьи теоретические, общего характера, 2) статьи, посвященные практическим вопросам преподавания, и 3) обзоры работы в Англии и Америке и фактический материал. Протест против старой схоластической учебы красной нитью проходит через все содержание статей первой группы. «Побольше живой жизни в школе, по-

меньше отвлеченного знания». Взглянем бегло,—говорит проф. Гансберг,—на наши учебники, и мы увидим, что изучаем чуждый материал. Вот заглавия: Швабо-Франконская страна, Восточная Азия, Африканские острова. Что связывает нас со всем этим? Что связывает с этим детвору? и т. д. Как много в этих строках знакомого и понятного всем нам, подробно изучавшим названия всех штатов, городов, рек с притоками и т. д., но не знавшим родного города, родной страны. А между тем знакомство с окружающей жизнью не только имеет огромное практическое значение, но будит инициативу, возбуждает интересы ребенка».

Слабее в этой группе статей практическая сторона. Нельзя же за практику считать программу, напр., по истории где рекомендуется прослеживать «силу, моральных законов» и предлагается знакомить учеников с отдельными личностями, как двигателями прогресса—исследователями, *святыми*, *мучениками* веры и т. д.

Из второй группы интересна работа о преподавании арифметики. Здесь как бы дается иллюстрация теоретическим выводам первых статей—«сущность реформы арифметики должна заключаться в том, чтобы давать ребенку жизненные задачи, показывать ему, что арифметика имеется и в его собственной жизни». Попутно указывается на то, что до сих пор в школе арифметика была дрессировкой, а не практической наукой. Интересна статья о совместном воспитании, практически она, пожалуй, наиболее для нас полезна. Все мы помним, сколько разговоров и толков вызвало введение у нас совместного воспитания в школе. Из статьи Д. Бедлея мы видим, что и на Западе этот вопрос был не менее жгуч, чем у нас. Последние статьи описывают фактическое состояние дела просвещения в отдельных странах. Статьи—«Война и школа в Америке» и «Учительство и школа во Франции во время войны»—можно было бы и вовсе не печатать, так как все ценное в них повторяется в других статьях, прославление же патриотизма можно было бы оставить в покое

В общем книга была бы интересна в целом, если бы редактор, во-первых, помнил о том, что имеется заголовок «Теория и *практика единой* трудовой школы», и, во-вторых, немного больше обратил внимания на то чтобы дать *цельный* и более актуальный для русских педагогов материал.

Вад. Смушков

СКАЗ ГРАМОТНЫМ ДЕТЯМ. Рис. П. Митурича. Изд. Отд. Изобраз. Иск. Комис. Нар. Просв. Стр. 10. 1919. Ц. 20 руб.

Сказ вышел неудачным. «Грамотных детей» он не заинтересует. Для этого он слишком не правдоподобен, риторичен и, что главное, лишен занимательности. Автора прежде всего интересовала мораль. Но он совершил ошибку, принеся ей в жертву правдоподобие.

Где можно отыскать ребят, которые в самый сочельник отдадут, да еще каким-то чудом раздобытую елку? и слова Петьки: «Дурень ты, ну бери, если хочешь, важное кушанье, мне, брат, елка, не нужна, старье это, я вот за звездой ходить буду и все нового искать стану»—кажутся глубоко неискренними. Основной грех сказа в том, что он не рассчитан на определенный возраст читателя. «Грамотные дети»—это слишком широко.

Сказ украшен рисунками Митурича. Они грешат тем же отсутствием занимательности. Но надо иметь в виду, что иллюстрировать сказ было дело не легким, быть может, невозможным. Рисовальщику пришлось прибегнуть к контурному рисунку, беглому и нарочито «детскому». К сочетанию черного и белого он прибавил золотое. Отказав рисункам в занимательности, нельзя не признать их своеобразие.

В. Блох.

ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. № 2—3. Февраль—март. М. 1919 г. Изд. Отд. Внешк. Обр. Наркомпроса.

Журнал оставляет серьезное впечатление и дает много материала для внешкольной работы.

Кроме статей общего характера, помещены: отчет о съезде внешкольников 5 мая 1919 г., о 2-м совещании внешкольн. Подотделами Губ. Отделов Народн. Образования. Журнал включает также

и информационный материал о деятельности Подотделов внешкольного образования, отдел декретов и постановлений.

Хроника же московской и провинциальной культурно-просветительной работы занимает видное место и этим выгодно отмечает журнал. Из статей особый интерес имеет статья П. Григорьева «Улица и внешкольное образование» и Керженцева «Театр во внешкольном образовании». Автор первой статьи понятно и увлекательно пропагандирует улицу, как новую и широкую арену для нынешнего внешкольника.

В. Керженцев в своей статье, правда в довольно беглой схеме, говорит о том, чем должен быть театр в деле просвещения широких масс.

По мнению Керженцева, театр сыграет немаловажную роль в деле борьбы с религиозными суевериями.

В. Лебедева.

ДРЕНТЕЛЬ Н. Е. Из бесед с учащимися и ученические вопросы. Изд. „Задруга". М. 1919 г.

Автор в своей книжке говорит о большом значении в педагогике классных бесед и в особенности вопросов, задаваемых учениками под непосредственным впечатлением сообщенных знаний. Далее автор приводит те вопросы, которые в его педагогической практике были задаваемы учениками и которые чрезвычайно выпукло говорят о том, как усваиваются ими сообщаемые знания.

Книжка в этом отношении чрезвычайно интересна не только школьным работникам, но и всякому лектору и внешкольнику для выяснения процесса усвоения знаний и неизбежно вытекающего отсюда индивидуального подхода к учащимся.

В. Лебедева.

КНИГА. Гос. Изд. Петербург 1920 г.

Это не книга, а скорее изящная картонная обложка для маленькой книги. На четырех страничках полтора десятка изречений о значении книги, перемешанных с изящными виньетками и картинками.

Вероятно, как полагается в таких случаях, авторы изречений—сплошь «знаменитые люди». Но я, привыкнув открыто сознаваться в своем невежестве, прямо скажу, что моей памяти ничего не говорят имена Декурселя (Курсель-Сенейль), Жакоба Библиофила, Вик. Фед. Федорова, Ленгфорда, Аль-Мутанабби, Петрова (уж не Григория ли?). И столь же прямо скажу, что по меньшей мере половина изречений глупа или буржуазно-фальшива. Смайльс (очевидно, Самуэль, автор архибуржуазных книжонок о «характере», «бережливости» и т. д.), пишет, например, в переводе, достойном учебников Марго (с помощью книги): «Самый скромный и самый бедный может войти в общество великих умов и не быть сочтенным непрошенным гостем». Обычная ложь, будто при экономическом неравенстве может быть равенство в использовании достижений человеческого ума и творчества. Та же ложь повторяется в изречениях Леббока и Ленгфорда.

Вик. Фед. Федоров пишет: «Не надо забывать, что под книгой кроется человек. Уважайте же книгу из-за любви и почтения к человеку». Удивительно возвышенно! Но мы не создаем себе идолов ни из книги, ни из человека. Есть люди, которым не подают руки, а иногда выставляют за дверь. То же и с книгами.

Пустая фраза-изречение Петрова. Некоторые изречения по существу правильны, но очень банальны. А вот Аль-Мутанабби выражается не банально, но едва ли убедительно: «Самое драгоценное место на свете—это седло коня; самый лучший собеседник в наше время—книга».

Насчет «книги» мы согласимся, да и то с оговоркой: *не всякая* книга. Ну, а насчет «седла»—оставим на совести редакции, облюбовавшей изречение.

Мы признаем идею этой листовки. Пропагандировать ценность книги—полезное и достойное занятие. Но делать его надо подумав. Сеять же напыщенную чепуху—дело вряд ли почтенное. А кроме приятных картинок и опрятной внешности у листовки нет никаких достоинств.

И. Степанов.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

РЕФЕРАТИВНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ под редакцией М. П. Кончаловского, И. Л. Брауде, А. И. Абрикосова и В. Н. Иванова. Январь 1921 года. Гос. Изд. №№ 1 и 2.

Семь лет, прошедшие с начала мировой войны, были годами материальной и духовной блокады для России. Оторванность от очагов мировой науки не могла не отразиться тяжело на русской науке во всех ее областях. Прекратился обмен научных исканий и достижений, замерли те импульсы к научному творчеству, которые, как радио - волны, передавались из страны в страну, преодолевая национальные и государственные преграды. Не удивительно поэтому, что годы блокады были годами тяжелого ущерба всех почти областей русского знания. И понятно, что как только блокада была прорвана, работники русской науки принялись за восстановление связей с европейской наукой. Попадающая в Россию западно - европейская литература жадно расхватывается, волнует и манит. Но ее чересчур мало, чтобы насытить все потребности. И для того, чтобы дать возможность приобщиться возможно большему числу русских работников к завоеваниям и исканиям европейской научной мысли, чтобы сделать им доступной научную работу за истекшие годы, остается кратчайший путь, путь реферативный, в сжатой форме дающий обзоры важнейших работ в различных областях науки.

«Реферативный медицинский журнал» идет навстречу этой острой потребности в области медицины. Надо сказать, что еще до революции и войны, вследствие того, что медицинская научная литература сильно разрасласъ, и научно-экспериментальная работа велась во всех уголках земли, каждый серьезный врач, где бы он ни работал, не мог не быть одновременно и научным работником. Потребность в научных сводках, в обзорах и рефератах научных работ была чрезвычайно велика. Это привело к появлению специальных реферативных журналов в Германии, Англии и т. д., а также к тому, что все медицинские журналы отводили почетное место рефератам. Таким образом, на новый журнал в настоящее время выпадает двойная задача: с одной стороны — удовлетворить той постоянной потребности в сжатом ознакомлении с текущей работой, которая жива была и в мирное время, и с другой—быть окном в Европу, через которое русские врачи смогут окинуть взором всю научную работу, проделанную там за годы войны и революции.

Выполнение этой двойной задачи, если учесть все объективные трудности, стоящие на этом пути,—начато новым медицинским реферативным журналом удачно и с научной точки зрения поставлено достаточно серьезно. Привлечены самые видные представители русской медицины; самый план издания нашел добросовестных выполнителей. В первых двух книгах мы находим рефераты работ почти исключительно из немецких журналов за 1920 год. Рефераты сделаны большей частью довольно полно и дают возможность познакомиться с выводами обширных научных сочинений как в области медцинской биологии, так и в области практической медицины. Имеются и авто-рефераты русских ученых, пока еще малочисленные, но показывающие, что пламя научной работы начинает и у нас разгораться. Один только отдел хирургии не избежал опасности стать сборником казуистики, которая всегда была ненужным балластом медицинских журналов. Имеются в нем ничего не говорящие перечисления статей с перечислением отдельных случаев. Хотелось бы и здесь видеть рефераты основных работ в области хирургии, а не сводки хирургической вермишели. Во всяком случае последнее замечание ничуть не уменьшает ценности журнала, как первого собирателя рассыпанной научной храмины. Надо надеяться, что редакции удастся сделать выход журнала регулярным и наполнить его рефератами не только немецких журналов, но также английских и французских.

И. Гельман.

Д-р С. Ю. ХАЗАН. Жизнь женщины. Очерки по физиологии и гигиене процесса размножения у женщин. Гос. Изд. М. 1920 г. 78 стр.

При той скудости книг, какая у нас сейчас наблюдается, испытываешь чувство досады, когда замечаешь случайность в выборе печатающихся книг. Ценная книга не увидит света, а менее ценная, случайно проскакивающая вперед, затрудняет появление первой. Лежащая перед нами книга «Жизнь женщины»— производит впечатление такой случайной, вне плана вышедшей, книги. Она написана научно, серьезно, но на какой круг читателей рассчитана? Во всяком случае, не на широкие массы, ибо написана (особенно первая часть) языком, доступным лишь интеллигентским слоям. Да и для них попадаются главы (введение и первые 4—5 глав), не всегда понятные вследствие скомканности изложения и обилия анатомических и гистологических терминов без достаточного объяснения. Трудность изложения этих глав для неподготовленного читателя усугубляется еще отсутствием пояснительных рисунков. Последнее обстоятельство зависит, конечно, не от автора, а от объективных затруднений в книгопечатании. Но, будь они учтены автором, он не углубился бы, напр., в словесное изображение строения яичников, примордиальных фолликулов и т. д. В данном случае, помещение нескольких пояснительных рисунков вряд ли было невозможно. А такие рисунки, конечно, оживили бы книгу и расширили бы круг ее читателей. Надо еще подчеркнуть, что в книге чрезвычайно мало уделено места вопросу об этиологии женских заболеваний, о гонорее. А между тем это один из центральных и больных вопросов жизни женщины, значение которого, к сожалению, не только женщинами, но и врачами недостаточно оценивается.

Таким образом книга д-ра Хазана, несмотря на свои достоинства, лишь в весьма малой степени удовлетворяет острой потребности в доступной широким массам литературе по гигиене и физиологии женщины и только подчеркивает необходимость скорейшего издания популярно-научных книг по этому вопросу.

И. Гельман.

Д. Д. БЕКАРЮКОВ. Остро-заразные заболевания в школах. Москва 1920 г. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. Стр. 48.

Передать в небольшой книжке современное положение вопроса о борьбе с остро-заразными заболеваниями в школе—задача нелегкая. Тем не менее, Д. Д. Бекарюкову, известному специалисту по школьной гигиене, удалось прекрасно ее разрешить. В первых двух главах после ясного изложения учения о заразных болезнях, о способах передачи заразы от заболевших здоровым и возникновения эпидемий автор переходит к наблюдаемым в школах массовым остро-заразным заболеваниям и разделяет их на 2 группы: на действительно школьные эпидемий, т.-е. когда заражение передается в самой школе, и на скопление однородных заболеваний, занесенных в школу и являющихся лишь отражением эпидемий, существующих в окружающем населении. На основании большого лично собранного материала автор приходит к заключению, что в школах больше половины случаев кори и заушницы, $^1/_3$ случаев скарлатины, $^1/_4$ случаев дифтерии имеют школьное происхождение. Отсюда понятно, с одной стороны, опасность создания школьных очагов и, с другой стороны, возможность перехода болезни на братьев и сестер школьников и дальнейшего уже распространения эпидемии на другие семьи, дома и дворы. Таким образом хотя и несправедливо обвинение школы в развитии детских эпидемий без всяких оговорок, все же на школе лежит весьма важная общественная обязанность— принимать со всей доступной полностью и тщательностью предлагаемые гигиеной меры и проводить их планомерно, согласно требованиям санитарной практики. Описанию отдельных болезней и форм остро-заразных болезней, с которыми в школе больше приходится считаться, появлению новых заболеваний в результате общения между семьей и школой и мерах предупреждения таких заражений посвящается глава третья. В четвертой главе автор говорит о школьно-санитарном надзоре и участии школы в общей борьбе с заразными

болезнями, при чем подчеркивает значение санитарного просвещения и выдвигает организацию санитарных ученических дружин. Книжку дополняют два приложения: 1) о путях и способах распространения заразы (схема) и 2) таблицы профилактических мер, принимаемых в школах при различных болезнях. Строго-научно составленная книжка Д. Д. Бекарюкова может быть горячо рекомендована не только школьным работникам, родителям учащихся и лицам рабочих организаций, принимающих непосредственное участие в санитарной работе, но и молодым школьным и санитарным врачам.

В. Сукенников.

А. П. БАЛАНДЕР и Е. П. РАДИН. На борьбу с остро-заразными заболеваниями—злейшими врагами здоровья детей. Государствен. Издательство. М. 1920 г. Стр. 23.

Наша популярная литература бедна изданиями, посвященными эпидемиям, развивающимся, главным образом, в детском возрасте. С этой стороны ценно появление брошюры Баландера и Радина, посвященной вопросу предохранения детей от заразных болезней. Жизнь отдельной семьи, сношения с родственниками и связь между семьей и школой делают задачу предупреждения заражения детей особенно трудной. Авторы подробно останавливаются на необходимости и возможности отделения больных детей от здоровых, доказывают преимущество помещения заболевших в больницу, не требуя этого во всех исключительно случаях, приводят условия занесения заразы из семьи в школу и обратно и выясняют роль школьно-санитарного врача в деле борьбы с заразными болезнями среди детей. К сожалению, способ популяризации оставляет желать лучшего: на-ряду с систематическим изложением предмета, имеющим в виду читателя, следящего за мыслью авторов, встречаются восклицания плакатного характера или переход к языку детской хрестоматии, напр., в главе: «Как Федя передал болезнь Коле, а Коля от нее умер». Сравнение заразных заболеваний детского возраста с ворами и громилами во всех отношениях неудачно, неуместен и рисунок размножения бактерий до сорокаведерной бочки, приведенный без объяснения, почему этого действительно не бывает, и совершенно не относящийся к теме. Есть и другие дефекты. Все же надо приветствовать попытку авторов вызвать сознательное участие населения в совместной с врачами и педагогами работе по охране здоровья детей в семье и школе.

В. Сукенников.

А. Н. СЫСИН. Японские дезинфекционные камеры. Москва 1919 г. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. 14 стр. 5 стр. чертежей.

В книге очень обстоятельно излагается сущность японского способа массового обеззараживания и все данные по устройству и эксплоатации японских камер. Особенно удачным является то обстоятельство, что в книге имеются и технические данные по устройству японской камеры (гл. VI), где имеется список материалов и принадлежностей, нужных для ее постройки. Инструкция (гл. I А) заключает в себе все необходимые для работы камеры указания и составлена при этом чрезвычайно ясно и понятно. Для желающих поставить поверочные опыты имеется указание о порядке этих опытов и журнал опыта (гл. VII).

Книга является очень ценным руководством для врача и всякого, желающего ознакомиться с японским способом, как практическое руководство в этой области. Издана она хорошо; некоторым недостатком является небольшой размер чертежей.

А. Н. Перуанский.

Е. Н. ПАВЛОВСКИЙ, преподаватель паразитологии и Военно-Медицинской Академии. Вши, строение, жизнь и болезненное действие их на человека. Москва 1920 г. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. Стр. 47. С 21 рис.

В предисловии автор указывает на то, что, при составлении книжки, он «поставил себе целью дать доступно написанную маленькую монографию о вшах», чтобы удовлетворить «в первую голову

медицинских работников и более грамотные круги населения». Нельзя не присоединиться к поставленной себе автором цели: если для популяризации эпидемиологического значения вши сделано за последнее время очень много, то в том направлении, куда направил свою работу доктор Павловский, кажется, только он один в России и работал.

Надо отдать справедливость автору, книга является прекрасной работой, несмотря на то, что ему пришлось, как он сам говорит, пользоваться только материалами, бывшими в его распоряжении. Небольшому введению «Вшивость, как бытовое явление», чрезвычайно интересно написанному, следует «общее описание вшей, паразитирующих на человеке». Далее идет анатомо-физиологическая часть, в которой очень тщательно разработаны вопросы о движении, питании, кровеносной системе, половой системе и размножении вшей. В этих главах автор приводит очень много данных, интересных для каждого врача. Так, он указывает на ошибочность мнения, будто головные вши питаются не кровью, а перхотью (что чрезвычайно важно в эпидемиологическом отношении); очень тщательно останавливается на описании пищеварительных органов (стр. 13—19), приводит интересные данные о выносливости вшей к голоданию; в главе о дыхании указывает на средства против вшей и на основания их действия на этих последних. В главе об органах чувств автор останавливается подробно на вопросе об обонянии у вшей (чрезвычайно важном смысле т. наз. отпугивающих средств) и указывает на чрезвычайно важный факт, что голодная вошь не обращает внимания и на сильно пахнущие вещества, чем обусловливается ненадежность всяких предохранительных средств против вшей. Чрезвычайно интересна глава о размножении вшей, в которой указываются на-ряду с другими биологическими данными и условия развития вшей (приклеивание гнид, оптимум температуры для их развития и мало известное в широких врачебных кругах превращение вшей).

В главе «Общие биологические данные обо вшах» (стр. 36) автор, к сожалению, слишком бегло коснулся вопроса о влиянии высокой температуры на вшей, вопроса весьма важного в деле борьбы со вшами. Здесь интересно было бы привести данные русской и иностранной литературы, тем более, что в полученных в этом отношении данных нет полного согласия.

В главе «Патогенность вшей» (стр. 37) автор подробно излагает механизм заражения возвратным тифом (стр. 39) и сыпным (стр. 40). Интересно указание автора на роль гнид в заражении сыпным тифом.

Заканчивается книга главой X «Общие меры борьбы со вшами». К сожалению, автор дал только небольшой перечень средств, считая, что более подробно этот вопрос должен разрабатываться в специальной книге.

В общем книга, повторяем, чрезвычайно ценна. В ней много очень важных сведений. Интересное изложение, ясные рисунки, из которых много оригинальных повышают ценность книги. Надо пожелать, чтобы автор не ограничился вшами и дал бы еще несколько таких же дельных руководств по своей специальности—паразитологии. И врачи и широкая публика его за это поблагодарят.

А. Н. Перуанский.

Г. К. ЧИСТЯКОВ. Применение серы в дезинсекции. Государственное Издательство. М. 1920 г., стр. 16 и 5 стр. рисунков.

В небольшой брошюре автор описывает все способы применения серы в дезинсекционной практике. Окуривание серничками, окуривание при помощи аппаратов, примитивное окуривание (без специальной аппаратуры) и, наконец, применение сернистого газа в специальных камерах,—все эти вопросы изложены с большим знанием дела и очень подробно. Указаны все необходимые меры предосторожности, чрезвычайно, к слову сказать, важные при работе именно с серой ввиду большой пожарной опасности, также не забыта и нейтрализация сернистого газа (стр. 7). Описанная автором, сернистая камера очень проста и легко может быть построена при самых ограниченных средствах. При чрезвычайной важности борьбы со вша-

ми, в России книга Г. К. Чистякова, является очень ценным подспорьем для всякого, желающего ознакомиться с сернистой дезинсекцией.

А. Н. Перуанский.

ДЕЗИНСЕКТОР - ЗЕМЛЯНКА (вошебойка). Устройство и оборудование простейшего дезинсектора в условиях фронтовой жизни и при борьбе с эпидемиями сыпного и возвратного тифов. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. Стр. 7 с 4 рис. Москва 1920 г.

Вопрос об уничтожении вшей при помощи горячего воздуха обратил на себя внимание как русских, так и иностранных авторов, во время последней мировой войны. И в России, и в особенности в Германии было построено еще во время войны большое количество различного типа тепловых дезинсекторов,—описание последних можно найти в книге д-ра З. И. Соловьева. Брошюра содержит в себе описание такого теплового дезинсектора, типа инж. Смирнова, много занимавшегося этим вопросом и составившего несколько проектов тепловых вошебоек. Дезинсектор инж. Смирнова представляет собою землянку, отапливаемую двумя печами, трубы которых проходят через помещение камеры. Устройство камер поясняется чертежами. В конце книги имеется наставление для работы с дезинсектором. Мы не вполне согласны с этим наставлением: в нем не указано на необходимость очень редкой развески вещей и, кроме того, нельзя считать достаточным указанное автором время работы камеры 15 минут при 100 гр. Не все вещи прогреются при этой температуре и, принимая во внимание опыты Koch'a, надо бы, по крайней мере, удвоить время. Впрочем, всякому, работающему с тепловой камерой, надо рекомендовать хорошо проверить ее действие перед тем, как установить сроки ее работы.

Во всяком случае брошюра дает определенный тип тепловой камеры и с этой точки зрения представляет интерес.

А. Н. Перуанский.

Проф. ВИКТОР ШМИДЕН, директор хирургической университетской клиники в Галле. Курс хирургических операций с 467 рисунками в тексте, с предисловием проф. А. Бира в Берлине. Перевод с 4-го немецкого издания под редакцией проф. Ф. А. Рейна. Издание Народного Комиссариата Здравоохранения. Москва 1920 г. 177 стр. плюс рисунки.

В предисловии автор указывает, что в его книге «из всей области преподавания хирургии будет изложена лишь топографическая анатомия и хирургическая техника, при чем последняя лишь в объеме, необходимом при упражнении на трупах». Этот принцип чрезвычайно строго проводится автором в изложении и в каждом отделе, посвященном отдельным главам хирургической техники, изложены лишь самые необходимые сведения по топографической анатомии и технике операций. Топографические сведения изложены, пожалуй, принимая во внимание отсутствие хороших руководств по этому предмету в России, даже слишком кратко, и в некоторых случаях пользующемуся книгой Шмидена придется прибегать к помощи анатомического атласа.

Это ограничение программы одной техникой является весьма крупным недостатком книги. При ограниченности книжного рынка, безусловно более желательно явилось бы издание руководства, охватывающего предмет более широко и включающего в себя необходимые сведения по оперативной технике на живом.

Написана книга в общем ясно и доступно для студентов, но к большому недостатку издания надо отнести, во-первых, топографическую номенклатуру, почему-то не одинаковую с обще принятой (не имея под рукой подлинника, мы не можем сказать, кто в этом виноват—автор или переводчик) и несколько путающую незнакомого с ней читателя (срединный вместо медиальный; боковое вместо латеральное) и, наконец, массу опечаток. Их не только много, но некорые из них даже затемняют текст.

А. Н. Перуанский.

ХОЛЬЦОВ. Гонорея и ее осложнения. Издание Наркомздрава. 1920 г. С 48 рисунками в тексте и 2 таблицами раскрашенных рисунков.

Уже давно в русской медицинской литературе чувствовался недостаток в оригинальном труде, посвященном гонорее, и с этой стороны появление в свет книги проф. Хольцова является вполне своевременным. Когда пишется новое руководство по старому предмету, то перед автором стоит обычно очень трудная задача—изложить общеизвестное, изложить притом таким образом, чтобы учебник представлял собой не простую сводку всего сказанного ранее теми или другими авторами, а лишь самую суть дела. Особенно трудна эта задача там, где наука не пришла еще к окончательным выводам, не сказала своего последнего слова; там, где имеется масса методов терапии и нет ни одного радикального, как это имеет место при гонорее.

Богатый клинический опыт автора (он в течение многих лет состоял заведующим урологическим отделением Обуховской больницы) позволил ему с честью выйти из стоявшей перед ним трудной задачи.

Книга проф. Хольцова выгодно отличается от других руководств по гонорее своей краткостью. Изречение „non multa sed multum“ вполне приложимо здесь. Автор не входит в разбор разных теорий, не описывает всех методов лечения, не дает исчерпывающего списка рецептов, а, свободно отбросив все устарелое, излагает хорошим литературным языком современное состояние вопроса.

Руководство распадается на ряд отделов: острый и хронический гонорейный уретрит у мужчин, его осложнения и метастазы, гонорея женская, заболевания, вызванные общей гонорейной инфекцией организма, серо- и вакцинотерапия. Последняя глава впервые появляется в русском оригинальном руководстве. Задачей книги является популяризация учения о гонорее и ее лечения среди начинающих специалистов и учащихся, почему автор лишь вкратце касается патогенеза и патологической анатомии и довольно подробно останавливается на клинической картине и методах лечения, доступных и не патентованным специалистам. Труд проф. Хольцова является таким образом необходимой настольной книгой для каждого начинающего врача, которому, придется иметь дело с лечением мужчин или женщин, больных гонореей. Следует пожелать, чтобы книга проф. Хольцова получила самое широкое распространение среди врачей и учащихся.

Р. Фронштейн.

Проф. В. П. КАШКАДАМОВ. Санитарная охрана жилищ. 1920 г. 2-ое издание Нар. Ком-та Здравоохранения. 64 стр. in 32°.

Задачей брошюры проф. В. П. Кашкадамова является, как говорит в предисловии к ней автор, „представить, хотя бы в сжатом виде, все данные, добытые опытом и наблюдением, необходимые для того, чтобы приступить к чрезвычайно серьезной, ответственной и крайне важной задаче практического осуществления санитарной охраны жилищ“. Цель, которую поставил себе автор, можно считать достигнутой: брошюра содержит очень краткие, но обстоятельные сведения, которые должно иметь лицо, осуществляющее санитарную охрану жилищ. К сожалению, отсутствуют в ней практического характера указания на то, как наилучше использовать жилое помещение, особенно не вполне удовлетворяющее требованиям санитарно-гигиенического характера. Нет также сведений из областей, имеющих прямое, но не непосредственное отношение к жилищной санитарии, например, о водоснабжении, холодных постройках, об отоплении жилых комнат и пр.

В. Островский.

П. Я. ДЫШЛЕР. Сельское благоустройство. Издание Народного Комиссариата Земледелия. 20 стр. 1920 г.

Отсутствие хотя бы примитивного благоустройства в наших селах имеет значение общественное. Деревня не имеет даже представления о том, что такое благоустроенное поселение и что можно было бы сделать при современных усло-

виях. К сожалению, автор разбираемой брошюры не дает ответа ни на первый, ни на второй вопрос. Точнее, говоря об одних отраслях благоустройства, он рисует идеальную картину его, в других же областях он обнаруживает чрезмерную скромность; при этим в обоих случаях сквозит его слабое знакомство и с трактуемыми предметами и с древним бытом. Говоря, например, о водопроводе и канализации он ограничивается кратким замечанием, что «они осуществляются в порядке общих неотложных мероприятий и никаких(!)особенных затруднений в проведении их не встречается (!)». По отношению к устройству дорог и улиц он значительно более осторожен: предвидя трудность их замощения, он находит возможным ограничиться устройством по краям дорог канав, а самым дорогам придать «выпуклую,—овальную по средине (sic) форму». Жаль только, что автор не объясняет, как сохранять эту «выпуклую, овальную форму» хотя бы в дождливое время.

Несуразностями вроде приведенных и общими местами, вроде того, что села лучше располагать вблизи рек, чем вдали от них, заполнена вся брошюра; так что если она попадет в деревню, придется пожалеть о времени, которое будет затрачено на ее чтение крестьянами.

В. Островский.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

К. Ф. ГАУСС. Теоретическая астрономия. Лекции, читанные в Геттингене в 1820—1821 г.г. и записанные Купфером. Перевод академика А. Н. Крылова, изд. Гл. Гидрогр. Управления. Петроград 1919 г.

Академику А. Н. Крылову, ранее познакомившему русское общество с Principia Ньютона, принадлежит заслуга открытия в библиотеке главной физической обсерватории лекций Гаусса по теоретической астрономии и их издания в русском переводе. Лекции Гаусса были дословно записаны студентом Геттингенского университета Купфером, впоследствии членом Российской Академии Наук и первым директором главной физической обсерватории.

Издание лекций Гаусса—даже по записи, не проверенной автором—представляет очень большой интерес и для истории науки, и для биографии Гаусса. В этой книге мы слышим местами как бы живую речь математика, даже с оговорками и недомолвками, с lapsus'ами, свойственными живой человеческой речи. Здесь отразились и мнения Гаусса о современниках и предшественниках, мнения, которые Гаусс высказывал в свободной обстановке лекций, но не решился бы опубликовать в печати. Весьма интересен в этом отношении обзор литературы (стр. 2—7), где Гаусс проявляет весьма тонкое, но односторонее знакомство с астрономической литературой. Так, он забывает своевременно упомянуть «Изложение системы мира» Лапласа и поправляет свою забывчивость лишь в конце обзора.

Весьма характерны для Гаусса и его времени страницы 81—84 книги, где он вкратце излагает данные звездной астрономии. В наше время мощного развития астрофизики и звездной динамики с трудом верится, чтобы можно было высказывать взгляды вроде гипотезы Гаусса о происхождении новых звезд (стр. 83), или вроде его опасений (стр. 84) о невозможности отделить перемещения звезд, вызванные прецессией, от собственных движений звезд. Вообще, относительно физической природы небесных светил сведений дается мало даже для того времени, и ясно, что круг интересов Гаусса лежал не в этой области. Несомненно, для современного читателя эта часть книги устарела и представляет интерес только для историка, но зато изложение основ сферической астрономи по своей ясности, простоте и краткости является образцом и для нашего времени. С этой точки зрения книгу Гаусса можно смело рекомендовать как весьма полезное пособие при преподавании астрономии, тем более, что Гаусс дает ряд примеров пользования формулами для разрешения различных астрономических задач.

Особенный интерес появление этих лекций Гаусса должно вызвать за границей, где личности и творчеству короля математиков посвящена обширная литература. Полное собрание сочинений Гаусса до сих пор не закончено, равно как и выходящая под редакцией Феликса Клейна «Серия» материалов для научной биографии Гаусса.

За достоинство перевода ручается имя переводчика академика А. Н. Крылова, которому принадлежит много ценных работ как раз в тех областях знания, где работал Гаусс. Тем более можно пожалеть, что книга издана без примечаний и дополнений переводчика, благодаря которым, например, издание Principia Ньютона русском языке является лучшим в мировой литературе.

В. Д. Костицын.

АЛЕКСАНДРОВ, Д. Тайны неба. Лекции, читанные в аудиториях и клубах для рабочих. 95 стр. Госуд. Издат. Петербург 1920.

Книга представляет собой изложение лекции, которую автор читал в аудиториях и клубах для рабочих, но с обширными дополнениями, потому что, как указывает сам автор, передать содержание книги за $1^1/_2$—2 часа невозможно. В книге излагаются основные сведения по астрономии; содержание довольно обширное, изложение очень живое, но краткое и местами отрывочное; это может оставить читателя неудовлетворенным, но, как указывает автор на стр. 91, его задача «не столько учить, сколько заинтересовать»; было бы лучше, если бы эта цель была указана в самом начале книги; это сразу определило бы отношение к ней читателя. Беглость изложения особенно чувствуется там, где автор касается геометрических вопросов астрономии, напр., в главе о земле. Не вполне понятно пристрастие автора к большим числам, напр., объем земли в куб. километрах, вес ее в пудах и т. п., хотя в начале книги сам он говорит, что такие числа трудно представить; разве только он рассчитывает, что эти числа способны произвести на читателя впечатление громадности земли сравнительно с обычными предметами и громадности небесного пространства сравнительно с землей. Однако эти недочеты книги в значительной мере искупаются живостью изложения. Очень хорошо, что автор неоднократно возвращается к мыслям о важности и пользе астрономии и науки вообще; эта идея проникает всю книгу; он доказывает ее и общими рассуждениями и примерами и мнениями различных мыслителей, призывая «ценить работу тружеников мысли» (стр. 91); чувствуется, что эти страницы написаны от всего сердца, это лучшие из страниц книги.

Крупных промахов я не заметил, но мелкие есть; напр., рис. 18 не годен: на нем изображено несуществующее созвездие Книги, а в созвездии Девы едва можно признать звезды; на стр. 33: «древним народам было известно шесть планет», в том числе земля; это неверно и сам автор далее совершенно правильно рассказывает о воззрениях на положение земли в мироздании; на стр. 42: «видно красное пятно», надо: «было видно»; на стр. 48: «только на шаре», нет, на всякой выпуклой поверхности; стр. 45: «при вращении земли две точки остаются неподвижными», не две точки, а вся ось вращения; на стр. 19 лучше было бы не упоминать, что измерение расстояния от солнца до земли делается довольно просто, для читателей, мало знакомых с геометрией, это вряд ли покажется очень просто. Но все эти недочеты искупаются указанными достоинствами книги. Она не может заменить других популярных книг по астрономии, но она и не будет лишнею среди них; нужно только, чтобы она скорее и как можно проще доходила до своих читателей.

С. Блажко.

Проф. Г. ВУЛЬФ. Вселенная - машина и ее служение человеку. Гос. Изд. М. 1920 г. Стр. 40.

Под таким несколько претенциозным названием объединен ряд этюдов, в которых говорится о машинах, о круговороте в природе воды, твердого вещества и воздуха, о белом и о каменном угле. Первая глава трактует о машинах и их действии, при чем поясняется, что и

человеческий организм представляет из себя тепловую машину, топливом для которой является пища. Здесь же дается понятие о законе сохранения энергии; к сожалению, открытие этого закона, относящееся к 1842 году, приписано вследствие опечатки врачу Роберту Уайеру (это—Р. Майер, фамилия которого в другом месте передана правильно). На странице 10, где автор говорит о высокой температуре, встреченной при прорытии в Альпах Симплонского туннеля, он утверждает, что там встретили такую высокую температуру, что работать не оказалось возможности, и надо было устроить особые машины, вдувавшие в туннель холодный воздух снаружи. Но при работах в этом туннеле вдувался не воздух, а холодная вода, которая расплескивалась в мириады мельчайших капель и тем обеспечивала возможность там работать. В конце главы говорится, что, соединяясь с кислородом, вбираемым при вдыхании, пища горит, выделяя теплоту, и чем более выделяет теплоты, тем более она питательна, почему питательность пищи и может измеряться калориями. В среднем человеку необходимо в день 2500 калорий; автор приводит примеры питательности некоторых родов пищи, измеренной в калориях на один фунт, начиная от свиного сала (4080 кал.), масла (3605 кал.), муки (1650 кал.), мяса (800 кал.) и кончая картофелем (385 кал.), капустой (145) и огурцами (80).

В следующей главе, посвященной круговороту воды, автор говорит об испарении под действием солнечной теплоты, об образовании облаков, о падении дождей и ливней и о разрушительной силе воды, проявляемой особенно внешними водами и выражающейся у нас в средней России, главным образом, в образовании и росте оврагов. Далее автор переходит к круговороту твердого вещества, к образованию и разрушению гор, к вулканическим явлениям, к тем колоссальным запасам энергии, которые лежат на высоких горах в виде вечного льда и снега. Здесь автор делает отступление и рассказывает о своем восхождении на Монблан (работа эта, если принять вес человека с платьем и ношей 70 килогр. и поднятие его на 4000 метров, может быть определена, по автору, в 280 тыс. килограммометров. По поводу ледников автор говорит о представляемом ими запасе белого угля в виде стекающих с гор ручьев и водопадов. Какая энергия заключается в водопадах, доказывает пример Ниагарского водопада, мощность которого может быть определена в 5 милл. лошадиных сил,—количество вполне достаточное для всей русской промышленности.

В IV главе автор переходит к каменному углю и роли солнца в его образовании. Разница белого угля от каменного в том, что первый может возвращать нам солнечную энергию непосредственно в виде механической работы, черный же уголь мы должны сжигать, чтобы превратить энергию его химического сродства в теплоту, которую мы сообщаем водяному пару, а пар уже заставляем производить механическую работу.

Последняя V глава говорит о круговороте воздуха, о ветряных мельницах, парусных судах, наконец, о циклонах и метеорологических наблюдениях. Глава эта иллюстрирована 2-мя оригинальными рисунками художника В. Д. Поленова, изображающими ряд ветряных мельниц и парусную лодку на Оке. Имеется еще рисунок Поленова, изображающий водяную мельницу, и несколько рисунков с фотографий (овраги, Эльбрус, Ледяное море на Монблане, водопады Норвежского фиорда). Книжка издана вообще чистенько (на белой бумаге) и довольно изящно, и может быть рекомендована для элементарного ознакомления с принципами машин и с круговоротом на земле воды и твердого вещества.

Д. Анучин.

Н. МОРОЗОВ. Принцип относительности и абсолютное. Этюд из области проявлений волнообразного движения. Государственное Издательство. Петербург 1920 г.

Принцип относительности—это прежде всего физическая теория. Она возникла, как результат чисто экспериментальных исследований в области физики и астрономии и потому естественно, что первое время, с момента ее основания в 1905 году германским физиком Альбертом Энштейном, теория эта развивалась лишь в ограниченном круге специалистов. Та

радикальность, почти беспощадность, с которой она требовала отказа от обычных привычек мышления, от ортодоксальных, со времени Галилея и Ньютона, представлений об обсолютном времени и пространстве, о субстанциональной массе, об эфире и проч., создали ей вначале гораздо больше врагов, чем друзей, и лишь блестящее подтверждение опытом наиболее парадоксальных ее выводов дало ей в лице физики окончательное признание, заставило принять ее, как могущественное орудие физического исследования. Особенно далеко и глубоко идет в этом отношении так называемая общая теория относительности «Allgemeine Relativitäts-Theorie», подробно развитая Энштейном начиная с 1916 года и представляющая дальнейшее развитие его идей. Объяснение Энштейном известных аномалий в движении планет, оставшихся до того времени необъяснимой загадкой, и предсказания им отклонения светового луча, проходящего вблизи солнца, предсказание, в точности количественно подтвердившееся во время солнечного затмения 1919 года, являются одним из самых красивых моментов в истории науки.

Однако принцип относительности ставит и разрешает вопросы, близкие не одним только физикам. С одной стороны—это физическая теория, с другой—критическая оценка основных элементов нашего познания и, наконец, это—венец, завершение стройного здания строго физического мировоззрения, развивавшегося в течение всего XIX века, с его отказом от абсолютного с его релятивированием нашего опыта, с его непреклонным стремлением к монистическому познанию мира.

Отсюда вытекает значение идей А. Энштейна для всякого, кто интересуется развитием научной мысли и вопросами познавания вообще, и легко понятным становится то внимание, которое все более и более привлекает к себе теория относительности за границей. Она там уже далеко шагнула за порог лабораторий и кабинетов. Сотни книг и тысячи статей в различных научных, философских и общих журналах написаны для разъяснения и популяризации принципа относительности, еще больше в опровержение и защиту его, и можно сказать, что в наше время А. Энштейн является едва ли не самым популярным человеком в интеллигентных кругах Западной Европы.

К сожалению, у нас знакомство с этим поистине революционным учением ограничивается пока весьма узким кругом лиц, занимающихся физикой, математикой или философией, и даже среди ученого мира многие знакомы с ним лишь по наслышке. Это несомненно ненормально. Принцип относительности имеет колоссальное значение для эволюции нашего мышления—это с одной стороны; с другой—для правильного развития этих идей необходимо всестороннее их освещение, необходима, так сказать, постановка их, так сказать, на всеобщее голосование, без чего не исключена возможность их одностороннего развития.

В этом смысле представляется отчасти понятным издание Государственным Издательством статьи Н. Морозова, посвященной принципу относительности, но лишь отчасти, так как статья эта является не изложением, а критикой принципа относительности и потому не дает никакого понятия о существе учения Энштейна; с этой стороны она бесполезна для широкой публики, да кроме того по языку и содержанию доступна лишь специалисту, уже достаточно знакомому с данной областью.

Статья Н. Морозова названа им «Принцип относительности и абсолютное». По самому названию, да и по откровенному признанию автора, она является попыткой защитить абсолютное от покушений на него сторонников теории относительности. Защиту эту Н. Морозов основывает на подробном разборе опыта Майкельсона, доказавшего, как принято думать, независимость скорости света от состояния движения источника и следовательно, тем самым, невозможность обнаружить абсолютное движение в пространстве системы, с которой наблюдатель непосредственно связан, при помощи световых явлений. Опыт Майкельсона состоял в наблюдении интерференции 2-х световых лучей распространяющихся один параллельно, а другой—перпендикулярно к направлению движения земли по орбите. Н. Морозов начинает с того,

что пытается доказать, что, в условиях опыта Майкельсона, сходящиеся в месте наблюдения лучи не могут интерферировать, так как исходят из разных молекул. Для иллюстрации своей мысли он изображает схематический чертеж (стр. 19), в котором на разделяющее зеркало интерферометра падает сходящийся пучек; но, во-первых, неясно, отчего нельзя допустить расходящийся луч, при котором все опять становится благополучным, во-вторых, само существование интерференции в приборе Майкельсона есть реальный факт, для которого у автора не находится сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Возражения Н. Морозова в этом пункте если и могли бы что-либо доказать, то именно необходимость формулировки основных постулатов теории относительности не в форме Фиц-Джеральда и Лоренца а именно в смысле Эйнштейна.

Вторая мысль Н. Морозова заключается в том, что световое давление, передаваясь от волны к волне, увеличивает скорость распространения света, исходящего от движущегося источника, в силу чего скорость по отношению к этому самому источнику оказывается постоянной и как бы независящей от его движения. Идея объяснить отрицательный результат опыта Майкельсона изменением абсолютной скорости распространения света в эфире не нова. Она принадлежит Ритцу (1913); в свое время она была подвергнута критике и тогда же оставлена. В представлении Н. Морозова характер зависимости скорости света от скорости источника весьма напоминает увлечение эфира движущейся средою, от чего, как известно, заставляют отказаться факты. Развивая свою мысль и в широких пределах пользуясь аналогиями световых волн с движением волн на поверхности жидкости, Н. Морозов приходит к 14 выводам, из которых некоторые хотя по своей парадоксальности и не уступают иногда выводам Энштейна, но зато имеют и ту слабую сторону, что не имеют пока что опытного подтверждения, а иные кроме того становятся даже в решительное противоречие с такими фактами, которые, казалось бы, достаточно хорошо и прочно установлены как в физике, так и в астрономии.

Перечислим немногие из его выводов:

1) Скорость распространения зависит от давления лучей, давление же равно энергии в единице объема. Так как энергия пропорциональна квадрату частоты и амплитуды, то скорость лучей различного цвета и силы должна быть различна.

2) Цвет лучей, потерявших почему либо связь с источником (например, внезапно потухшим) изменяется (в сторону красных лучей), и тем больше, чем дальше лучи распространяются. То же правило сохраняет силу по отношению к звуку и его тону.

3) Колебания эфира могут быть не только поперечными, но и продольными. В этом случае «волновые колебания междузвездного эфира продольной амплитудой своих котловидных волн вызывают поля тяготения, а поперечной амплитудой... световые тепловые и электромагнитные поля».

Н. Морозов не дает объяснения тому обстоятельству, что эти продольные волны не обладают тепловым действием: он ограничивается замечанием, что «повидимому... предметы, окружающие нас, совершенно прозрачны для них». Также не совсем понятно, почему существование таких продольных волн не сказывается на величине светового давления. экспериментальные данные, для которого вполне согласуются с теорией Максвелла, отрицающей, как известно, существование продольных компонентов в электромагнитном возмущении, распространяющемся в диэлектрической среде. Вообще совершенно непостижимым является то обстоятельство, что Н. Морозов, доводя до крайних пределов свои аналогии между светом и различного рода механическими моделями, в то же время как будто совершенно игнорирует электромагнитную теорию света, не пользуясь не только ее уравнениями, но и ее терминологией, вследствие чего некоторые страницы его работы звучат почти как анахронизм.

В результате следует признать, что задача «спасти физику и механику» автору едва ли удалась в полной мере, тем менее попытка его спасти абсолютное. Такие попытки нередки, но, к сожалению

их роковым образом постигает одна и та же участь: играть роль воды на мельнице теории относительности.

С. Конобеевский.

А. А. ЭЙХЕНВАЛЬД. Акустика и оптика. (Конспект. лекций). Изд. третье. Гос. Изд. М. 1921.

Книга эта является классическим образцом учебника для высшей школы по своей цельности, ясности и гармоничности; она настолько распространена и так часто рекомендуется, что рекомендация ее в этой рецензии излишня.

Несколько мелких замечаний, которые мы выскажем ниже, не могут, конечно, иметь целью умаления достоинств этой книги.

Стремление автора к внутренней гармонии содержания заставило его умолчать об уклонениях опыта от изложенных в книге теорий. Так, не сказано, что мало-мальские широкие органные трубы дают уже заметные уклонения от теории, что луч света уклоняется от прямолинейности в поле тяготения, что фотографирование через малые отверстия искажается диффракцией и т. п. Таким образом ценность теории может в глазах читателя оказаться преувеличенной.

Желательно было бы изложить кроме аберрации и другие явления, связанные с принципом относительности (опыты Физо и Майкельсона), и изложить последний в связи с распространением света в движущихся средах. Значение принципа относительности для физики все возрастает, а ни в экспериментальных, ни в общих теоретических учебниках он до сих пор в России, кроме курса Хвольсона, не излагается. Между тем сделать теперь это возможно в весьма элементарной форме.

Желательно было бы обосновать выводом соотношение между скоростью распространения волн, упругостью и полностью среды (стр. 25).

Выводы условий минимального отклонения луча в призме также следовало бы дать. А. А. Эйхенвальд уклоняется от всякого даже самого простого изложения исчисления бесконечно-малых. Поэтому при мастерстве автора, дающем ему возможность умело обходить затруднения, отсюда вытекающие, у читателя может сложиться впечатление, будто «высшая математика» не необходима для физики; нам кажется, что это было бы немалым вредом для русской физики, адепты которой и так нередко недооценивают значение математических орудий в деле изучения природы.

Все эти замечания, быть может, вызваны одним различием вкусов рецензента и автора и не столько являются судом первого над последним, сколько пожеланиями, на суд автора представляемыми. Желаем этой лучшей в данной области книге самого быстрого распространения; приходится пожалеть, что она издана только в 10.000 экз. Нужда в ней значительно бо́льшая.

Издана книга хорошо; опечаток ничтожное количество (стр. 41, строка 17; стр. 47, строка 7 снизу; стр. 104, строка 23).

Н. Андреев.

ВИЛЬГЕЛЬМ БЕЛЬШЕ. Гибель мира и другие очерки. Гос. Изд. Петроград 1920 г. Стр. 112.

Новая книжка плодовитого популяризатора вышла в оригинале, повидимому, довольно давно. Это доказывает последний очерк, озаглавленный «Загадка южного полюса». Как самые новейшие экспедиции здесь описываются: плавание норвежцев (Ларсена, Эвенсена, Борхгревинка) в 1893—1895 г.г. Таким образом совершенно не упоминаются позднейшие экспедиции «Бельгика», Дригальского, Шарко́, Шекльтона, Амундсена, Скотта и др., значительно расширившие наши сведения об Антарктиде и открывшие южный полюс, расположенный на плоскогорьи в 3000 м. над уровнем моря. Ввиду такой устарелости очерка следовало бы дополнить его позднейшими данными и пояснить, что в настоящее время «Загадка южного полюса» уже разрешена. Автору не известен также и факт открытия северного полюса, он говорит о Нансене, как о последнем исследователе северо-полярной области, и не упоминает о Пири и его последователях.

Другой очерк «Сказка о Марсе» также устарел. В нем говорится о фантазиях Жюля Верна и К. Ласвица, между тем за последние десятилетия над Марсом работали многие астрономы и было бы более полезным и подходящим ознакомить не со «Сказками» о Марсе, а с результатами научных над ним наблюдений и соображений

Очерк «Беседы о луне» разбирает имеющиеся сведения и догадки о поверхности нашего спутника, подвергая критике некоторые недостаточно обоснованные утверждения и высказывая по другим вопросам более или менее вероятные предположения.

Наконец, первый очерк «Гибель мира» говорит о некоторых бывших на земле катастрофах, в которых думали видеть гибель земли, и о различных теориях, которые приводились для объяснения преобразований земли в прошлом и возможной ее гибели в будущем. Описывается извержение Везувия 79 г. когда погиб естествоиспытатель Плиний Старший и когда очевидцы этого вулканического извержения думали, что наступает гибель мира. Около 1000-го года по Р. Х. в Европе также ожидали конца света, в этом были убеждены люди религиозные, но и люди науки долго верили в возможность разрушительных мировых катастроф. Сначала эти катастрофы связывали с громадными вулканическими извержениями, с выбрасыванием массы паров, газов, камней и излиянием потоков лав, тем более опасными, что долгое время приписывали земной коре незначительную толщину и всю внутренность земли представляли в раскаленном, жидко-газообразном состоянии. В первой половине XIX века вместо вулканических катастроф стали предполагать водные, громадные мировые потопы, уничтожавшие временами всю жизнь на земле и сменявшиеся новыми периодами творения. В более близкое к нам время разрушительный элемент стали связывать со льдом, с ледяными эпохами, когда накоплялся в большем количестве лед на горах и в полярных областях и спускался оттуда мощными потоками в прилегающие равнины, уничтожая все живущее. Возможность разрушительного действия приписывалась иногда комегам, их столкновению с землей и падению на землю из мирового пространства камней-метеоров. Автор разбирает все эти гипотезы, успокаиваясь на убеждении, что великая цепь эволюции не будет разрушена. Возникнет лишь новая линия развития, утверждаемая на новой основе. «Кто чувствует еще в себе силу для движения вперед, для прогрессивной работы, тот может утешиться. В нем живет сознание необходимой связи всех вещей, понимание той цепи, которая восходит к нам от Сириуса и млечного пути и поведет нас дальше, хотя бы земля разрушилась и солнце померкло».

Д. Анучин.

М. В. НОВОРУССКИЙ. Жизнь почвы. Очерк. С 30 рисунками в тексте. Гос. Изд. Петербург 1920 г. Стр. 86.

Изящно изданная популярная книжка, знакомящая с вопросами, что такое почва, как она образуется, как происходит жизнь почвы, в чем выражается взаимодействие почвы и растений, микробиологическая жизнь почвы. В первой главе говорится о почвах в широком и тесном смысле слова; в тесном смысле почвой называется рыхлая минеральная среда, смешанная с полуистлевшими остатками и находящаяся в постоянном взаимодействии с растительностью. Существенную часть почвы составляют ее минеральные частицы, песок и глина, происшедшие от разрушения горных пород — ледниками и потоками в горах, морем на берегах, реками в их руслах и долинах, ветром—в пустынях. Факторы, играющие роль образователей почвы, продолжают действовать и на готовую почву. Один из физических факторов проявляется в разрыхлении, необходимость которого давно сознана сельскохозяйственной практикой. В недавнее время в Америке садоводы испробовали в качестве своеобразных разрыхлителей почвы динамитные патроны. Такой патрон, заложенный на глубину 1 — $1^1/_2$ арш. в обыкновенную почву, при известной силе заряда, взрывает почву по всем направлениям, не только вверх, но и вниз. Встряхивая большое кубическое пространство, он разрыхляет почву так идеально и так глубоко, как невозможно

это сделать лопатой. В результате деревцо, посаженное над ямой, приготовленной посредством лопаты, отстает в росте от деревца, посаженного после действия динамита. Если можно будет удешевить стоимость взрывчатого вещества и стоимость закладки патрона, то пахание взрыванием может вытеснить всякие механические плуги. При таком разрыхлении почвы получается и идеальная ее аэрация, т.-е. соприкосновение мельчайших ее частичек с азотом и кислородом атмосферы. Кислород же нужен для более интенсивного хода химических процессов в почве и для дыхания корней, а азот усваивается бактериями почвы, которые превращают его в весьма полезное удобрение для растений. Разрыхление почвы облегчает проникновение в нее воздуха (атмосферное давление) и влаги (гидрация почвы). Вместе с атмосферным давлением действует по вертикальным порам почвы—нагревание и охлаждение. В результате почва дышит; вздохи ее редки, но их нетрудно доказать весьма простыми опытами.

Все имеют понятие о химических процессах в почве. Но не все могут представить себе, что почву нельзя мыслить иначе, как в виде землистого порошка, взвешенного в воде. При изучении почвы нельзя, впрочем, говорить просто о воде; это — минеральные воды с более или менее ясно выраженными минеральными свойствами. Преобладают щелочные растворы; накопление кислых растворов делает почву тощей, губит высшую растительность. Таким образом почва есть смесь рыхлых веществ, органических и неорганических; важное значение первых, гумуса, известно всем. Но гумус должен быть в форме растворимых соединений, как и минеральные вещества; такая обработка производится или особыми кислотами, или особыми бактериями; растения помогают почве еще своими корнями, проникающими на различную глубину и извлекающими питательные вещества с различных уровней. Корни и разрыхляют почву, особенно по мере отмирания.

В естественных условиях почва, можно сказать, самоудобряется и не нуждается в постоянном удобрении, но культурные почвы, с которых снимаются урожаи, истощаются. Необходимо возвращать культурной почве отнимаемые у нее запасные вещества посредством искусственных удобрений, но у нас стали думать об этом только в последние десятилетия, и, например, в]1912 г. было ввезено их всего 35 милл. пудов, что, конечно, очень мало. Но нам нужно не только возвращать почве у нее отнимаемое, но надо форсировать ее, увеличивать ее плодородие, о чем однако почти никто не думает.

Последняя глава книжки посвящена почвенным микробам, являющимся главнейшими факторами химических и биологических процессов в почве. Об удобрении микробами мало кто слышал, а со временем оно должно будет играть важную роль.

Д. Анучин.

Проф. Б. Е. РАЙКОВ. Человек и животные. Краткий очерк зоологии для начинающих. Издание третье. Гос. Изд. Петербург 1920 г. Стр. 186.

Заглавие этой книги (на обложке) может вызвать предположение, что она заключает в себе параллель между строением человека и животных, но более подробное заглавие в титуле поясняет, что мы имеем дело просто с учебником зоологии. В предисловии к 3-му изданию автор говорит, что для двух первых изданий ему пришлось руководиться указаниями ученого комитета мин. нар. просв., и расположить материал в нисходящем порядке, от высших животных к низшим, хотя он не сторонник этого порядка и предпочитает ему смешанный (сперва позвоночные в восходящем порядке, а затем беспозвоночные, в таком же порядке). Автор считает такой смешанный порядок наилучшим разрешением вопроса о том, как совместить дидактическое требование начинать с объектов наиболее доступных самостоятельному изучению детей с эволюционной последовательностью изложения. Мы, однако, не можем убедиться в преимуществах этого способа изложения. Почему после человека рациональнее переходить к рыбам и почему ознакомление с окунем наиболее доступно самостоятельному изучению детей, препарировка окуня де

леко не такая простая и легкая вещь. Подобным образом, почему изучение беспозвоночных животных легче начинать детям с амебы и инфузории (туфельки—paramecium), а не с насекомых, легко доступных и хорошо известных детям.

На строение и отправление тела человека отведено 47 страниц. Автор начинает с полостей и с описания скелета, потом переходит к мышцам, коже, дает понятие о клетке, далее рассматривает дыхание и его органы, кровообращение, пищеварение, выделение, нервную систему, мозг, органы чувств. Для иллюстрации служат 50 рисунков.

Для ознакомлением с строением животных выбрано 7 типов, простейшие, кишечнополостные, черви, моллюски, иглокожие, членистоногие, позвоночные, а для каждого типа 1—5 форм. О простейших дают понятие амеба и туфелька, о кишечнополостных—гидра и благородный коралл, о червях—дождевой червь и солитер, об иглокожих—морская звезда, о моллюсках—речная перловица, о членистоногих—рак, майский жук, бабочка, пчела, о позвоночных—окунь, камбала, сельдь, лягушка, жаба, ящерица, гадюка, голубь. По отношению к птицам автор говорит еще о породах голубей, об утках, дятле и некоторых др.; из млекопитающих—останавливается на лисице, медведе, лошади, белке, кроте, летучей мыши. Попутно даются некоторые биологические и палеонтологические сведения, напр., о археоптериксе, о прародиче лошади, о симбиозе, мимикрии, инстинкте. В конце отдела помещены общие замечания о позвоночных вообще и о животных вообще. Можно, конечно, было бы оспаривать выбор некоторых форм и умолчание о других, но нельзя не признать, что вообще выбор сделан осмысленно, изложение интересно и общедоступно. Книгу поэтому можно вполне рекомендовать в качестве краткого пособия по зоологии для начинающих.

Д. Анучин.

С. А. ЧУГУНОВ. Человек, его происхождение, строение его тела, его будущее. Гос. Изд. М. 1920 г. Стр. 56.

О происхождении человека в этой брошюре говорится кратко. Указывается на сходство строения человека и животных, особенно обезьян, на ископаемые остатки, из кои описывается только неандертальский череп и останки питекантропуса, при чем неизвестно почему утверждается, что от последнего произошли как люди, так и человекообразные обезьяны. Далее сообщается о реакции на кровь Фриденталя, при чем совершенно неправильно сообщается, будто человеческую кровь можно без всякого вреда впрыскивать обезьянам, и обратно—обезьянью человеку. Далее указывается на сходство зародышевого развития человека и животных, на развитие всех животных из одной клетки, яйцевой. Таким образом,—заключает автор,—родоначальниками всего живущего на земле были одноклеточные или простейшие животные, через них и человек кровно связан со всем животным миром.

Наибольшую часть брошюры занимает вторая глава—«Тело человека и его строение»; это краткая анатомия человека, иллюстрированная девятнадцатью рисунками; изложение очень краткое; при описании мышц не дается, например, понятия об отдельных их группах; не упоминается об органах внутренней секреции; остальные органы описаны также очень поверхностно.

Глава III посвящена «Будущему развитию человека»,—не физическому, хотя о нем можно было бы кое-что сказать, а социальному и нравственному. В истории человечества большую роль играли борьба за существование и приспособляемость, в дальнейшем, благодаря развитию у человека сознания и свободной воли (?) на смену животному развитию выдвигается все более нравственное, этическое. Эти нравственные законы способствуют, по автору, не переживанию наиболее приспособленного, но приспособлению наибольшего числа людей к переживанию. Автор рисует, конечно, идеал, но в действительности он не может не признать,

что борьба за существование продолжает и теперь играть большую роль в экономической и социальной жизни, а приспособляемость далеко не утратила своего значения в современном обществе. Отсутствие способности к приспособляемости и теперь может вызывать вымирание и гибель как отдельных личностей, так и целых классов, а ее развитие и использование может способствовать выживанию и сохранению угрожаемых групп. Но автор ограничивается кратким заключением, не входя в более детальное рассмотрение затронутого им вопроса.

Д. Анучин.

„ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА". Популярный естественно-научный журнал. Под редакцией проф. А. В. Догеля. 1920 г. № 1. Гос. Изд. Петербург 1920 г. 71 стр.

В предисловии «От редакции» говорится о важности возможно широкого распространения знаний, в особенности в области окружающей нас природы. «Самым лучшим и испытанным средством для достижения означенной цели,—говорит профессор Догель,—всегда служила и будет служить печать, т.-е. в данном случае создание ряда журналов по разным отраслям естествоведения, доступных пониманию лиц, стоящих на различных ступенях умственного развития». Из подобного рода журналов у нас пока существует только один под названием «Природа». Журнал этот пользуется вполне заслуженной известностью, но он предназначен для читателя, имеющего уже довольно солидную подготовку. Для широких масс, ищущих знания окружающего мира, до сих пор нет популярных естественно-научных журналов, вводящих читателя в доступной форме в разные области естествознания. «Предлагаемый читателю журнал и имеет своей задачей,—говорит проф. Догель,—удовлетворять означенной потребности, ознакомить его с накопленным веками богатым научным материалом по всем отраслям естествознания; а равно и с последними завоеваниями науки на этом поприще». Посмотрим, насколько удовлетворяет поставленной цели вышедши первый номер журнала.

Из помещенных в нем четырех больших статей одною из более крупных является статья профессора *О. Д. Хвольсона* «Лучистая теплота, ее различные виды и их возникновение». Статья эта по своему содержанию и изложению, по приведенным в ней формулам, диаграммам и т. д. вполне соответствует другим подобным статьям того же автора, которые были помещены и в «Природе», и предполагает читателя с такой же элементарной научной подготовкой. Другая статья—профессора *Н. А. Холодковского* «Сожития и общества животных» (в номере помещена только ее половина) также рассчитана на подобного читателя и могла бы быть с полным правом тоже помещена в «Природе», где почтенный автор и сотрудничал еще недавно. Далее короткие статьи: «Труд и отдых» *Д. И. Соловцова* и «Об явлениях старости у человека и у животных» *Н. Н. Аничкова* в такой же мере доступны для всякого читателя, имеющего некоторые знакомства с наукой и интересующихся ее вопросами. Вообще новый журнал может иметь наибольший успех у того же контингента читателей, что и «Природа», но последняя солиднее, разнообразнее, шире и глубже захватывала естественно исторические знания. В то время, как в новом журнале отделы научных новостей и библиографии очень тощи, в «Природе» они имели надлежащее развитие и в значительно большей степени могли удовлетворять читателя. Нельзя поэтому не пожалеть, что современная разруха типографского и бумажного дела остановила издание столь почтенного, полезного и можно сказать необходимого журнала. И вместо того, чтобы плодить новые журналы в том же роде, но меньшей ценности, было бы лучше принять меры к возрождению и к неуклонному продолжению уже существующего журнала «Природа», достаточно заявившего о себе своим многолетним существованием и хорошо знакомому и ценимому всеми интересующимися естествознанием в России.

Д. Анучин.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Василиса Премудрая. Драматическая сказка. Гос. Изд-во. Пб. 1920. Ц. 80 р. Стр. 112.

Отголоски драм Метерлинка («Аглавена и Селизетта»), оккультных романов (может быть, Рочестер), шекспировских анахронизмов и другие литературные влияния—в «Василисе Премудрой» достаточны явны. Но вместе с тем, по своему построению, эта «драматическая сказка» и вполне своеобразна. Русские сказочные мотивы смешаны в ней с фантастикой в духе Уэллса, с легким политическим шаржем, с разными другими элементами, и этими разнообразными шелками вышит довольно причудливый узор.

Как водится в сказке, у царя Фундука три сына, «старший умный был детина, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак». Изображением быта при дворе добродушно-тупого царя Фундука автор пользуется для некоторых социально-политических намеков, вводя столь уместный во всякой драме элемент комизма. Где-то по близости от царства Фундука, которое в дальнейшем названо Русью, живет в своем замке великий, всемогущий маг Меродах-Раммон, прославленный по всему миру, и где-то тут же—его друг, мудрый Кирбич, у которого есть дочь Василиса, прекрасная и премудрая, тоже владеющая тайнами магии. Меродах любит Василису и хочет сделать ее своей женой. Казалось бы, такой союз вполне естествен: «нет девы, как Василиса; из мужей на шаре умнее всех, сильнее всех, добрее и чище всех—владыка Меродах», признает и седой Кирбич. Но Василиса, в причудливости девичьего сердца, выбирает себе юного суженого,—младшего сына царя Фундука, которого по-сказочному зовут Иванушка. Мудрый Меродах преклоняется пред судьбой, уступает; старшие сыновья царя досадуют, так как думали, что прекрасная Василиса изберет их; самому Фундуку все равно,—он вообще рад взять снохой прославленную Василису, с огромным приданым, отец которой к тому же устроит свадьбу на свой счет. Иван-царевич, по существу своему,—поэт (почему его и считают «дурачком»); он «чашу счастья не отолкнет», он понимает всю исключительность выпавшей ему доли, чувствует, что на него «пролился золотой дождь». Иван и Василиса женятся; оба счастливы; у них прекрасный сын Светозар. Но Иван—поэт; он не может удовлетворяться найденным, он начинает тосковать от счастья. «Такое сияние кругом,—говорит он,—что уж ничего не видать. Хочу, чтобы недоставало мне чего-нибудь». Мудрая Василиса понимает; любя Ивана, она отпускает его от себя. В фантастических странствиях Иван попадает в лунную страну; там—дивная немая царевна, Ялья-м, столь прекрасная, что довольно взглянуть на ее портрет, чтобы пленниться. Иван забывает Василису и остается в лунной стране; он и Ялья-м любят друг друга, и у них родится прелестная дочь Ялья-да. Тем временем Василиса чарами узнает об измене Ивана и уступает советам отца вторично выйти замуж, за Меродах, так как судьбой назначено, чтобы у них родился великий Митра, «нисхожденье божье». Русь становится замечательнейшей страной в мире; маги и халдеи идут туда на поклоненье, чтобы принести малютке Митре «ливан, и золото, и смирну». Когда кознями мамки Мамелфы, поднесшей царевне Ялья-м отравленное яблочко, та погибает, Иван с дочкой возвращается на землю, но сначала его не узнают в родной стране, и он живет при дворе Меродаха простым пастухом. В конце концов тайна раскрывается, Меродах опять уступает, Василиса, не переставшая любить Ивана, вновь соединяется с ним, и оба они находят новую жизнь в своих детях. «Да будет над землею богом—дитя», говорит премудрая Василиса.

Такова фабула драматической сказки, дающая, как это видно сразу, широкий простор фантазии. И автор свободно использовал его, собирая свой мед со всех эпох и с преданий всех стран. «Бычьи рога» на колоннах в замке Меродаха напоминают об эгейском Крите,

маги, идущие к Митре с дарами, заимствованы из евангелия, двор царя Фундука построен по образцу Московского царства, в блужданиях Ивана по Сахаре есть что-то из Питера Гюнта, песни лунной страны (наннау - кнуяя - наннау-у-у; миньята-а-ай, эй-эй, лью-лью, и т. д.) приближаются к «заумной» поэзии наших футуристов, в пророчествах о новом величии Руси—чувства современника советской России, и т. д. Действующие лица, как и подобает в сказке, очертаны контурами резкими, но определенными; они не столько живые лица, сколько извечные символы, сообразно с чем и психология их упрощена. Тем не менее драма полна движения и разнообразия, и в искусной постановке может стать увлекательным зрелищем. Слабее всего кажется нам ее конец. В длинных рассуждениях о детях автор словно пытается выявить моральный смысл своей сказки. Это—совершенно излишне. Подобные произведения должны говорить сами за себя своими образами, и каждый читатель или зритель должен сам находить в них то, что он способен найти. Придавать единичный смысл символам значит обеднять их.

Валерий Брюсов

А. ХИРЬЯКОВ. „Украденное счастье" и др. рассказы. Госуд. Издат. Серия памяти В. М. Бонч - Бруевич (Величкиной). М. 1920 г.

В этой книге 432 страницы. Среди них запутался печатный лист (16 стр.) Горьковской «Матери»

По внешности книга издана хорошо. Четкий, крупный шрифт, хорошая, плотная бумага, какую мы уже отвыкли видеть в наших изданиях. Посвящена памяти прекрасного, преданного коммунизму работника и товарища—Вере Михайловне Величкиной.

Но—глупая и пошлая книга.

Глупость и пошлость в этой книге на протяжении всех сотен страниц идут в прочном содружестве. Персонажи рассказов — генералы, купцы, инженеры, солонные барыни, лейтенанты, «стройные девушки»,—уж, конечно, «бледные», уж, конечно, «откровенные и чистые как на исповеди». Трудно удержаться от соблазна, чтобы не выписать целиком образ «оригинальной» хирьяковской девушки.

Помещик Турин попал в монастырь, встретил там монахиню, вроде тургеневской Лизы—и...

«Его сразу потянуло к ней. Ему хотелось стать к ней как можно ближе, стать ее руководителем, другом... И ведь ни малейшей рисовки, — думал он. — Приносит себя в жертву так просто, точно самое обыкновенное дело делает».

Но еще больший соблазн—открыть наудачу и выписать целую страницу. Ведь такие образчики литературной банальщины встречаются в печатном виде не часто.

Открываем страницу 275-ю.

Бытовая фигура—татарин Асан, солдат, которому показалось несправедливым, что в войне татарин убивает татарина. Этот татарин обращается—не к кому иному, а к своему поручику—за разрешением мучившего его вопроса на таком диалекте:

«— Так что дозвольте спросить, ваше благородие... — Что тебе нужно?—громко спросил поручик, стараясь как можно ясней и отчетливей произносить слова.— В чем дело?

«Асану показалось, что поручик на что-то сердится. Эх,—подумал Асан,— надо было у фельдфебеля спросить: с этим разве сговоришь?

«— Так что, ваше благородие, правда сказывают, ежели война с персами или, значит, к примеру с китайцами, так мы, то-есть значит, должны...

«У Асана не хватило дыхания, он остановился и потом с отчаянием добавил:

«— И тогда, значит, мы должны их бить?

«— Господи, какой дурак? — подумал поручик.—Вздор какой-то мелет. Или я его не понимаю...

«— Конечно, должны. Что за вопросы? Все должны. И ты, и я, и все...

«Асану показалось, что земля заходила у него под ногами. Бледный, упавшим голосом он все-таки решился задать поручику еще один вопрос:

«— А ежели которые несогласные, ежели значит одного племени. Тогда как?»

И так дальше, в том же роде.

Таким языком, с «ежели», «неужто ж», «так что», «дозвольте» и т. п. говорит татарин Асан. По языку его скорее можно принять за Ивана даже не из Рязанской губернии, а из сладеньких народнических повестей, которыми недавно еще были наводнены либерально-благонамеренные журнальчики.

В таком стиле написана и вся книга—все четыре сотни слишком страниц. Из них я процитировал лишь крупицу, но и этого, повидимому, достаточно.

Книгу издавать не следовало.

Г. Устинов.

АЛЕКСАНДР БЛОК. Седое утро. Стихотворения. Изд. Алконост. Петербург 1920. Ц. 200 руб.

На первый взгляд все в этой книге обстоит благополучно: кто-то нарисовал обложку, кто-то где-то достал приличную бумагу и все такое, но—небо и его громы,—чем наполнена эта бедная книга! Символизм утонул тому назад год, что ли, не то полтора: преисподняя, с которой он так мило заигрывал, съела его в ежеминутие. Любители Блока, «вы—девушки», кандидатки на должность зубных врачей и дамы замов, секретари, помощники секретарей и так далее, и так далее, как бы вы ни назывались сегодня и как бы вы ни назывались завтра,—Блока больше нет.

Что же в этой книге? Смертной тоской, невыразительным ужасом и нечленораздельными мольбами в пустое пространство заняты страницы. Разложению нет пределов. Мы нашли два приличных стиха на всю книгу: на стр. 14—15 и стр. 37. Остальное не заслуживает этого названия. Но труха эта многообразна и разнокалиберна. Вот обокраденный Пушкин «Черты француженки прелестной» (18), читай послание к Катенину 1821: «Черты волшебницы прекрасной»; так же поступлено и с Батюшковым (39, первая строфа). Был Блок и была блоковщина: последней занимались младолюди несвоевременного развития и апломба; теперь этим чудным делом занят сам изобретатель: сравните «Двойник» (20—21) и старые стихи

Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Для разнообразия иногда то же посыпано еще и давно—видимо—не перечитывавшимся Брюсовым (13), другой раз проще: в 1914: «Конец всеведущей гордыне» и розовые туманы, как возможность, теперь: «Конец преданьям и туманам!» все наоборот, а на самом деле все то же, и зря автор думает, продавши самого себя, на эту цену купить живой души и живого содержания—цены много поднялись, а старьецо упало. Раньше: «Я пилю слуховое окошко», теперь «Я пишу в моей келье Мадонну», только нет никакой живости, и тащится эта нескладица где-то по земле,—есть ли она,—само ее существование подозрительно. А кое-что уже и поделили поспешные наследники: получается комичное впечатление. Блок неумно и неумело подражает Маяковскому (11), этого нет на самом деле, но таково впечатление, оптический обман, но ведь не читатель же в этом виноват. Все что-то не то, не так и пр., где ж душа этой наистраннейшей книги?.. Вот вам просто плохие стихи: «А ты-то, вернешься ли ты...» и масса подобных нескладиц; вот какая-то негоднейшая и совершенно неусвояемая смесь из Гейне, Апухтина, Жадовской и какого-то близкого родственника Макара Девушкина: см. стр. 40, 41, 42. Цитировать стыдно. То это Девушкин плачет, то он вламывается в какую-то невероятную амбицию застарелой девственности, утратившей давно всякую надежду на опасность с чьей бы то ни было стороны (25—«Шалунья девочка душа»...), то он философствует столь отважно, как не решался еще все решать и Всевобуч, а то просто раскладывает свои ужасные постыднейшие отрепья и показывает их Риму и миру в великом огорчении: стр. 26, 28, 36. То поет он свое любимое пустое место, молится возлюбленной дыре (36, 6), то какой-то авторетардации предается: «Неповторяемого взгляда, неугасимого огня», то гонит на нас массы действенно-писарской романтики: «Я громовым холодным смехом тебя, как плетью, опалю!» (Вы разберите, что тут только делается: некто будет опален холодной плетью,—годится в грамматику вместо Тредьяковского),

Или: «В пустую грудь один, один проникнет взгляд, — вопьется жадный взгляд»—слово—брящание и бумажные драконы.

И хорошие поэты видывали жестокие падения и годы пустоты. И Фет написал свою «Хандру», но он написал пару стихов, а не целую книгу. И когда Фет волшебно обращал любовь свою в закатные огни (не образничаю: проверьте), он не потреблял для сего самых препустейших аллегорий, выдаваемых по карточкам и норме (см. стр. 35).

Зачем Блок напечатал эту книгу: верно, не мог не напечатать, а этим он подписал собственный приговор: отныне его больше нет.

Сергей Бобров.

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ. Серп. Двенадцатая книга стихов. Гос. Издат. ПБ. 1921. Стр. 52.

В девятьсот четырнадцатом году было принято полагать, что Сергей Городецкий с честью выступил из русской литературы при посредстве своей патриотической и кровожадной барабанщины. Гражданская война вывела его за пределы республики советов, и не без удивления можно обнаружить теперь его присутствие как в красной столице, так и в русской поэзии. Конечно, объяснение этому приходится искать на страницах его двенадцатой книги. Число достаточно солидное, чтоб можно было рассчитывать на какое-либо открытие, но солидность издателя, несомненно, поощряет исследователя. Что же он видит? Да все того же Городецкого последних лет, поэта, растерявшего слабый запас нахватанных из учебников фольклористических образов и заменившего такое «содержание» трафаретом агитационной прессы. Книга — вещь предательская: ведь не предполагает же издатель, что ее немедленно свернут на цыгарки, ее (при скудости нашего бумажного фонда, он обязан так думать) сохранят, станут перечитывать. Книга, которую не перечитывают, в наше время не имеет права на существование.

Что произойдет тогда с лирическим «Серпом»? В ней окажутся невероятные претензии на научность, свойственные безграмотному неряхе от литературы: электрон задвигается по прямой (стр. 5), «крепкий мужик» всю жизнь только и делал, что мечтал о коммуне (25), Красная армия состоит из *легионов* (ах, какая неосторожная вещь, рутинная память! — стр. 31). Что говорит о стихе? Бывший председатель цеха поэтов должен бы знать свое ремесло. Что он его никогда не знал, было секретом полишинеля, и серьезность титула могла повлиять на мнение людей, обладающих исключительной неосведомленностью в литературе. Не в одной только деревне надо ликвидировать безграмотность.

И. Д. Аксенов.

ДМИТРИЙ МАЗНИН. В дыму пожара. Стихотворения. Гос. Издат. Птбг., 1921 г Ц. 30 р. 62 стр.

Передо мной книжка стихов, очевидно, молодого автора.

Мы сбросили ночи покров.
И в светлом сияньи свобода
Встает без позорных оков...
. . . . . .
Мы грозы мировой авангард...
. . . . . .
Мы вихрь огня живых минут...
Нас не страшат минуты испытаний...

и т. д. и т. д. Если это и стихи, то хуже всякой дурной прозы. Они раздражают своей непутностью большинство. Но, исполняя долг рецензента, читаю книжку до конца и—удивительное дело... нахожу другие строки, совсем не похожие на первые:

Грохочет поезд в полумгле.
И дым разорванною ватой
Поник задумчиво к земле...
. . . . . .
Грустит дымок от папиросы
И жмется к потному стеклу.

Это из стихотворения «В пути», большого, но хорошего стихотворения, как будто попавшего в эту книжку каким-то чудом, случайно.

Вот описание стоянки поезда в 7-ми строках:

Нажат рычаг и стройный бег
Смиряет разум человек.
И поезд, полные пригоршни
Людской толпы по сторонам
Бросая нервно, торопливо,
Минуты ждет—и по полям
Бежит опять нетерпеливо.

После прочтения этого стихотворения становится непонятным, как мог автор, способный писать такие недурные стихи... способный мыслить образно и имеющий явственные признаки лирического дарования, как мог он писать и печатать те стихи, которые мы привели в начале; очевидно, много еще потребуется ему времени, чтобы приучиться распознавать хлебные зерна от сора. А пока — пожелаем ему работать.

Ник. Полетаев.

ВАСИЛИЙ КНЯЗЕВ. Первая книга стихов (1905—1916 г.г.). Госуд. Изд. Птбг. 1919 г.

Объемистый том в 416 страниц. Сколько бумаги, краски и драгоценного типографского труда для книги, значение которой в наше время—круглый нуль.

Останавливаться подробно на книге В. Князева не стоит, достаточно ее раскрыть наугад в нескольких местах, чтобы убедиться в ее «достоинствах». Здесь читатель встретит гимн в честь короля Альберта, мелкую злободневщину петербургской до-революционной жизни, пошлые песенки о митрошкиной любви дворников, прачек и проч.

Чтобы не быть голословным, даю выдержки:

Стр. 103.—Вы знаете, куда идут русские яйца
И почему они так безумно дороги?
Да, я знаю, ими германцы питаются—
Наши злейшие и непримиримые вороги...

Стр. 105.—Люблю пельмени с острым сыром
И молодой испанский лук,
Люблю, довольный божьим миром,
Глядеть внимательно вокруг...

Стр. 107.—Хи,-хи—
Стихи...
Люблю стихи
Зане
Они
Моя
Стихия...

Три четверти книги заполнены подобными стихами, и те несколько мелких вещиц, где автор выявляет свои бумажные чувства по поводу ужасов войны и страдания рабочего люда, не оправдывают ни в какой мере издания подобной книги в наше время.

В. Кириллов.

СЕМЕН ФОМИН. Москва 1920 г. Госуд. Изд-во. 48 стр. Ц. 9 р.

Слишком много стихов. Перепроизводство стихов. Хотелось бы, право, чтобы количество их перешло в качество. К стихам в наши дни относишься недоверчиво.

Книжка Семена Фомина такого недоверия к нашему удовольствию не оправдывает.

Фомин, несомненно, обладает вполне определившимся поэтическим настроением. Он просто поет и в стихах его несомненна наличность какого-то внутреннего песенного лада, отчего его пьесы, будучи с технической стороны почти всегда слабы, а иногда и попросту неотделанными, все же музыкальны и просятся на песенный речитатив.

Очевидно, Фомин не причисляет себя ни к одной из существующих сейчас в России поэтических школ. Да и трудно сделать это не поэту-мастеру, а поэту-песеннику. Но все же содержание его книжки (кажется, не первой) дает основание причислить его к той группе поэтов, которую можно было бы назвать крестьянской.

К именам Николая Клюева, С. Клычкова, А. Ширяевца, пожалуй, Петра Орешина, можно прибавить еще Семена Фомина.

Фомин—плотью (кстати, любимое слово в языке поэта) и кровью принадлежит деревне. Не даром он в своей «Родословной» говорит:

Поля родные это плоть моя.

Воспевая деревню с ее полями, закатами, восходами, описывая своих единственных героев-крестьян, он любовно выписывает трогательные детали деревенских пейзажей:

С тихим гудом бражничали пчелы
Опуская в золотые лепестки.

Или:

Месяц в радужном кружале
В гребне бора сонно всплыл.

Отражена в книге поэта и революция, но преломленная тоже в определенном «мужицком» восприятии. Говоря о том, что «все пророчества и сроки оправдались в красный год», Фомин не идет дальше своих наследственных идеалов и его чаяния вот в чем:

Семена на тучных нивах
Изумрудом оживут.

Поэт весь во власти деревни, целиком в ее интересах, полностью живет ее надеждами, и поэтому, вероятно, только покаянным пафосом можно объяснить вырывающийся у него возглас:

Оторвался я от пуповины пашен,
От твоих сосцов, земля, родная мать.

В общем книжка С. Фомина обнаруживает в авторе дарование, которому предстоит еще, конечно, много труда работать над формой, над чеканкой стиха.

Валерий Вольпин.

И. И. ГЛИВЕНКО. Этюды по теории поэзии. Харьков 1920 г. Стр. II+83.

Книгу эту можно назвать внешним описанием механики поэтического творчества. Правда, перед нами только первый выпуск, посвященный литературному произведению и литературному изображению. В трех дальнейших этюдах, уже приготовленных к печати, автор обещает осветить вопросы о правдоподобии, о происхождении и назначении поэзии, о литературных направлениях. Возможно, что в целом труд И. И. Гливенко охватит проблемы, остающиеся без ответа в первом этюде. Возможно, что автор в первом этюде сознательно коснулся лишь внешней стороны поэтического произведения, но благодаря этому порою кажется, что он отнимает у художественного творения одновременно и его душу и его общественное значение и блуждает среди подразделений и определений, отдающих древней схоластикой.

Выписав несколько отрывков из Тургенева, Толстого и других авторов, И. И. Гливенко устанавливает что-то вроде законов и видов изображения путем анализа количества элементов, вводимых в изображение художником, а также порядка и качества этих элементов. Поэт как бы выбирает явления, разбросанные перед ним в мире, одни урезывает, другие признаки выдвигает на первый план, переставляет, соединяет, противополагает и т. д. В результате получаются всевозможные виды изображения: героического, карикатурного, идеализированного, бытового, символического и пр. В общем, такой подход можно признать верным. Но в развитии своей мысли автор книги прибегает к методу каких-то произвольных и внешних построений. Напр.: «При ближайшем сравнении различных типических изображений, они *безусловно и легко* (курсив мой) распределяются на несколько групп, которые в свою очередь могут быть также названы типическими. Все элементы, входящие в состав живого человека, можно разбить на три категории: в первую войдут элементы психические, образующие внутреннюю сущность человека, во вторую—элементы физические, образующие физический облик его, и, наконец, третью категорию составят те элементы, благодаря которым человек вообще становится человеком определенного времени, места, одним словом, элементы среды (национальность, сословие, профессия), окружающие человека, которые мы назовем бытовыми» (стр. 31).

Едва ли нужно доказывать, что автор прав наполовину, что на эти группы можно *легко* разбить «элементы, входящие в состав живого человека», но ничего безусловного и обязательного такое разделение в себе не заключает. Эти произвольные классификации — тот зыбкий фундамент, на котором строится все сложное здание выводов с бесконечным количеством лестниц, переходов и кори-

доров. Выводы эти часто вызывают недоумение. «Тип бытовой всегда будет уже типа психологического» (стр. 34). Плюшкин Гоголя—изображение—идея; Гарпагон Мольера—изображение—тип; Шейлок Шекспира—изображение—портрет (стр. 61). Свежего читателя, незнакомого с запутанной системой переходов, приводящих И. И. Гливенко к подобным заключениям, поражает не только «неоправданность» таких определений, но их явная «ненужность». Это стремление втиснуть богатство образов мировой поэзии в несколько клеток ничего не прибавляет, к углублению проблемы изображения, если бы даже такое стремление увенчалось успехом. Далее оказывается, что «все виды литературных изображений можно разделить прежде всего на три основных категории: изображение типическое, изображение портретное, изображение идеальное (стр. 65), что стихотворение Лермонтова: «Когда волнуется желтеющая нива» следует признать «полупоэтическим» (стр. 73), стихотворение А. Блока «Сумерки, сумерки вешние» необходимо «причислить к портретным изображениям» (стр. 73), а стихотворение Лермонтова-Гете «Горные вершины» должно быть «отнесено скорее к области истории, чем поэзии» (стр. 76).

Когда с такими схоластическими приемами автор подходит к вопросам действительно значительным, он наглядно демонстрирует несостоятельность своего метода. Таково его заключение, что драма, как литературный вид, не пригодна для изображения символов (стр. 42), и что даже «задача символического произведения, написанного для чтения, т.-е. для восприятия путем чтения, остается пока не разрешенной, так как символизм исключает образ, т.-е. самую сущность художественного изображения» (стр. 44). Некоторые замечания автора о символизме и о психике читателя, воспринимающего символическое произведение, интересны и оригинальны. Но они не решают основного вопроса. В чем И. И. Гливенко видит несостоятельность символизма, то символической школе представлялось истинной сущностью поэзии. В намеке, в указании одного признака, общего огромной группе явлений, тот же Мейерхольд, на которого ссылается и автор, видел могучее средство воздействия на воображение зрителя. Для объяснения символизма и его влияния необходимо было охарактеризировать общественные условия эпохи начинающегося кризиса буржуазного уклада, условия, вызвавшие то настроение европейской и, в частности, русской интеллигенции, которое сделало ее восприимчивой именно к этой форме изображения действительности. Связь между механизацией жизни и ее тревожной неустойчивостью, с одной стороны, и символической поэзией—с другой, установлена в ряде работ марксистских критиков и философов (см., напр., «Литературный распад»).

Вообще наиболее жгучий вопрос о связи между поэтическим произведением и жизнью, об идейном влиянии художественных произведений автор решает слишком прямолинейно и просто. Он, как в старину, делит произведения на «истинно-поэтические» и «тенденциозные».

Он не представляет, что всякое истинно-художественное произведение в известном смысле является тенденциозным. Именно теория исторического материализма пролила много света на вопрос о том воздействии, которое оказывают поэтические образы на определенные коллективы, в классовом обществе—на классы, являясь силой, цементирующей чувства и настроения коллектива и направляя его волю. Если бы И. И. Гливенко стал на эту точку зрения, нам не пришлось бы увидать в его книге целого ряда произвольных построений и бесплодных выводов.

Только этим путем можно было бы установить, почему художник выбирает именно те, а не другие признаки из расстилающегося перед ним мира явлений, почему он урезывает одни и выдвигает на первый план другие элементы, почему в одних случаях останавливается на отрицательных, а в других на положительных свойствах человека и т. п.

Повторяем, перед нами только первый этюд. Возможно, что в дальнейших автор осветит поставленные нами проблемы и тогда его схемы значительно упростятся

и приобретут более стройный вид. Собранный автором материал и его наблюдения могут при этом сыграть роль хорошего подспорья.

П. С. Коган.

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК. Крестьяне. Перевод и предисловие Ф. Д. Батюшкова. XII т. собр. соч. Бальзака. „Всемирная литература". Гос. Издат. Петерб. 1920 г. Стр. 376. Цена 200 р.

Роман Бальзака «Крестьяне», о котором высокого мнения был Маркс, одно из интереснейших произведений великого французского реалиста. Это ярко написанная картина классовой борьбы во Франции эпохи реставрации. Друг против друга стоят, с одной стороны, крестьяне и помещики, с другой—городская буржуазия и крупное землевладение. Как крестьяне, так и буржуазия преследуют одну и ту же цель—раздробить крупное поместье на мелкие участки. Борьба крестьян и буржуа за землю кончается поражением помещика. Симпатии Бальзака всецело на стороне последнего. Когда крупное поместье перешло в руки сельской и городской буржуазии, Бальзак устами своего alter ego—парижского журналиста Блонде—иронизирует над подобным «прогрессом» и с ужасом спрашивает: «во что превратится через пятьдесят лет нация при таких порядках?».

Эта классовая симпатия писателя наложила неизгладимый отпечаток на весь его роман. Ни о каком «объективном» письме при таких условиях говорить не приходится. Как изображены владельцы крупного поместья? Граф Монкорне, сын обойщика, бывший генерал наполеоновской армии, правда, не представитель «благородного дворянства», но женившийся на дочери доподлинного аристократа и признавший династию Бурбонов, он может, конечно, сойти за представителя новой «знати»—как он, так и его жена люди безусловно хорошие. Такими же прекрасными людьми являются и завсегдатаи замка, журналист Блонде и в особенности аббат, истинный рыцарь церкви и Христа, монах по образу жизни и благодетель бедняков. Иначе обрисованы «крестьяне». Все без исключения они лодыри и воры. Единственное исключение составляет старик Низерон, старый республиканец-якобинец, честный человек «совесть» деревни, но он—слава Богу—звонарь и помогает аббату служить мессу в церковном облачении Сплошь черной краской написанная характеристика крестьянства столь же однобока, как и идеализация обитателей замка, а обусловлена эта односторонность определенной классовой позицией «реалиста» Бальзака. Но крестьяне ли—изображенные им «крестьяне»? Кто они? Это, во-первых, трактирщик Тонсар с семьей—не землепашец, не виноградарь, а доподлинный сельский буржуа. Это далее пьяница Фуршон (великолепная фигура), бывший народный учитель, охотник за выдрами и «владелец» веревочной мастерской. *Настоящая деревня* осталась вне поля зрения «горожанина» Бальзака.

Грабя помещика, крестьяне находят себе союзников в лице городской буржуазии (торговой и ростовщической). На первом плане здесь два хищника Ригу и Гобертон. Конечно, буржуазия именно такова. Но и здесь не все благополучно, не все достаточно «объективно». Ригу—скряга, сладострастник, ростовщик, но он—бывший монах, отщепенец церкви, изменивший Богу и кресту—фигура едва ли «типичная» для французской буржуазии эпохи реставрации, для католика же Бальзака — чрезвычайно характерная. Однако главным противником помещика является не он, а Гобертон, организующий поход городских буржуа против графа и натравливающий на него деревню. А Гобертон действует под влиянием чисто личного чувства—мести, бывший управляющий поместья, он был графом рассчитан за мошенничество и высечен. Если бы не эта обида, кто знает, состоялся ли бы заговор сельской и городской буржуазии против помещика и последний быть может не лишился бы своего именья. Здесь «писатель» Бальзак взял верх над «социологом» Бальзаком и испортил его высоко интересную картину классовой борьбы в эпоху реставрации.

Автор предисловия, покойный Батюшков (по недоразумению называющий Бальзака родоначальником «народниче-

ской» литературы, «народолюбием» отнюдь не страдавшего), признается, что у Бальзака есть и «тенденциозность», но она только в рассуждениях, а не в письме. Здесь тоже недоразумение, ибо классовая позиция Бальзака явно предопределила неравномерное распределение света и тени в характеристике борющихся сторон.

Ценным в предисловии является воссозданная на основе наследования Спельберга де Ловенжуля (La génèse d'un roman de B.) история написания романа.

В. Фриче.

А. ЛОВСЯНКИКОВ. Великая французская революция в песнях. Гос. Изд. П. 1920 г.

Заглавие книги—шире ее содержания. В ней обследована лишь песня начального периода великой революции, только эпохи созыва и функционирования генеральных штатов. Неожиданно и не мотивированно исследование обрывается на взятии Бастилии. Но ведь взятие Бастилии есть лишь начало «Великой французской революции». Для читателя это большое разочарование, ибо, судя по «фрагменту», исследование могло бы представлять значительную ценность. Собраны и переведены (не стихами, к сожалению) песни, сложенные по поводу созыва генеральных штатов, песни, запечатлевшие главнейшие моменты борьбы третьего сословия с дворянством и духовенством, песни о клятве в Же-де-пом и о взятии Бастилии. Не лишены интереса и приводимые автором сведения о некоторых певцах, опять-таки, однако, только раннего периода революции. Самое интересное впереди, и поэтому возникает вопрос: следовало ли печатать отрывок исследования? К книжке приложен ценный библиографический указатель.

В. Ф.

ФЕЛИКС ГРА. Роман. Перевод с франц. Госуд. Изд-во. Птб. 1920. Стр. 368.

Книжный рынок за последние годы расширился до колоссальных размеров. При капитализме книгопродавцы превратились бы при таком спросе в миллиардеров. Одна беда — разруха отозвалась тяжело и на издательском деле; нет бумаги, нет рабочих рук, нет машин, нет топлива. Книжки выходят в весьма ограниченном количестве. Все, что выходит, сейчас же расхватывается. Из провинции несется прямо стон: литературы! Красноармейцы чуть ли не со слезами умоляют дать книжек для деревни, заведующие школами — книг для школ, библиотекари—книг для библиотек, партийные агитаторы и пропагандисты тоже молят о книгах. Книга стала предметом спекуляции. Из-за книг идут на преступления: выкрадывают их с выставок и библиотек, покупают по спекулятивным ценам и т. д. Как же быть?

Советская власть принимает все меры к тому, чтобы учесть все книжные богатства, правильно распределить их и организовать коллективное использование книг и газет

Но этого мало. Необходимо, чтобы Госиздат и его отделения издавали именно те книги, какие нужны. Трата бумаги должна производиться чрезвычайно бережливо. Наибольшее количество бумаги должно пойти на популярную литературу, затем необходимы учебники и те книги, которые нужны для работы.

Что же происходит на деле?

Передо мной лежит толстый-претолстый в 368 страниц роман Феликса Гра «Террор». Действие происходит во время великой французской революции. Столяр Планшо с женой и другой рабочий, Воклер, с женой укрывают у себя от ярости санкюлотов с Маратом во главе и ярости толпы юную девушку, графиню Д'Амбрэн. Девица — воплощение прелести, невинности и всех добродетелей. Планшо и Воклер добрые патриоты, ненавидящие короля. Графиня Д'Амбрэн подвергается всяким преследованиям, но кончается все благополучно. Графиню переправляют в мирный уголок, под надзор к доброму священнику, которого обожают прихожане.

В смысле художественном — роман представляет собой худший вид уголовного романа: тут и окровавленные ножи с прилипшими к ним мозгами с седыми волосами, тут и цистерны, куда кровожадные санкюлоты сбрасывают свои несчастные жертвы, переодевания, подслушанные разговоры и т. д. А по существу дела—самый контр-революционный

роман. Автор ненавидит короля, но еще больше ненавидит он Марата и Робеспьера. «Спросить бы Бога, где собрал он эту грязь, из которых вылепил два таких чудовища, как Марат и Робеспьер!»

«О, славные марсельцы! О, бедный народ! За свободу, за республику вы сражались грудью, порохом и железом. Но не напрасно ли ваше дело? Вы засадили короля в башню Тампля; но власть безответственная осталась. Вы заковали в цепи тирана; но тирания осталась разнузданной. Напрасно свершают свое правосудное дело лезвее гильотины Сансона и нож Шарлоты; они ничего не изменят. Отныне король не будет называться уж Калигулой, ни Нероном, ни Капетом. Он будет называться Маратом и позднее Робеспьером» (стр. 96).

Какие знакомые речи! Наша российская великая революция во многом схожа с великой французской революцией Схожа и в том, что тогда были тоже люди, которые говорили: долой монархию и ни шагу дальше. Они понимали, что без народных масс монархию свергнуть нельзя. Массы, свергавшие короля, они называли революционным народом. Но когда эти самые массы не удовлетворялись провозглашением формального равенства перед законом, шли дальше и стремились осуществить равенство на деле—в глазах людей, вроде Феликса Гра, они превращались в грубую чернь, в мужичье, а вожди этих масс—в безумцев, извергов, чудовищ. История повторяется. Правда, у нас эти господа — насчет масс выражаются немного вежливее, но в душе ненавидят их не менее Феликса Гра.

Вот крайне характерное описание восстания крестьян: «Со всех сторон и отовсюду шли толпами мужчины, женщины и дети, все с вытаращенными дикими глазами, босоногие, с костями, выпячивающимися в дыры лохмотьев, бледные, посиневшие, худые, как щепки... И вся оголтелая толпа голодных повторяла: «Пойдем к помощнику легата! Пойдем к помощнику легата!» И как волчья голодная стая пошли они к помощнику легата, пошли требовать хлеба и зерна... «Ворота в доме Авиньонского консула были высажены, его печати сорваны и брошены в воду, народники, мужичье забрались в амбары и давай наполнять мешки и выбрасывать целыми пудами хлеб через окна тем, что остались на улице...». Рассказывают, были такие жадные люди, что бросались на зерно и жрали его горстями, напихивая полон рот за обе щеки, выплевывая белую пену, так что смотреть на них было тошно» (стр. 90).

И всюду толпа изображалась озверелой, жестокой, бешеной, тупой.

368 страниц такого вздора! Это когда нет бумаги даже на буквари!

Роман Феликса Гра как раз освещает революционные события так, как их обычно освещает присяжная поставщица популярных изложений революций в Петербургском отделении Гос. издат., г-жа Пименова. У ней от каждой революции, как она выражается, стынет кровь в жилах. Освещение событий у Пименовой чисто кадетское. Впрочем, петербургский Госиздат охотно помещает кадетские измышления. Нимало не сумняшеся, оно печатает предисловие к роману «Товарищ Иветта» Зинаиды Венгеровой, которая утверждает, что демократические свободы сгладили в Америке классовые противоречия и сделали классовую борьбу менее острой.

Конечно, советская республика не погибнет от этого кадетского и контр-революционного вздора, но бумаги жаль до чрезвычайности.

Н. Крупская.

Ч. ДИККЕНС. Повесть о двух городах. Пер. Е. Бекетовой. Вступительная статья К. Чуковского. «Всемирная литература». Петерб. 1920 г. Стр. 464.

Конечно, крупный талант, хотя никаких проблесков гения. Конечно, для своего времени мировая величина, до сих пор заслуженно не сходящая с полок ученических библиотек. Конечно, привлекательный симпатичный человек с сочувственным нежным сердцем.

Но все же не следует лицемерить. Давно можно было сказать, что его неторопливое повествование, плетущееся, как почтовая карета, сворачивающая с шоссе на идиллические проселки, крутящаяся по ним, иногда почти останавливающаяся, требует, чтобы читатель

был человеком, живущим с большой прохладцей,—человеком, которого нынче не найдешь; человеком тихих настроений, медленной восприимчивости, абсолютно несовместимом с паровой и электрической техникой, человеком, который сам носил бы в себе нечто от почтовой кареты. И давно следовало бы сказать, что скучными стали главные герои Диккенса. Какой-нибудь маленький клерк, чистенький, старательный, угнетенный нуждой, но своим трудом «выбившийся в люди»,— добивающийся в последних главах руки хозяйской дочки, на редкость тихого, кроткого, преданного и безличного существа, приносящего с собою контору фирму и капиталы родителя. Перед тем герой успевает отбыть брак еще с каким-нибудь другим существом, бедным или обедневшим, но тоже тихим, кротким и преданным и к тому же достаточно тактичным для того, чтобы умереть во время, расчистив герою путь к хозяйской дочке, хозяйским капиталам и фирме. Скучны эти идеальные карьеры с удивительной талантливостью рассказанные певцом мелкобуржуазной узости и мелкобуржуазных идеалов.

С «Повестью о двух городах» дело проще: и написана-то она неинтересно и неталантливо. Под влиянием более или менее внешнего толчка, Диккенс захотел написать «повесть приключений». По словам К. Чуковского, «он, — изобразитель нравов, бытовой живописец,—взялся за исторический роман, при чем самое действие романа происходит по большей части не в Англии, а на чужбине — во Франции. И сюжет и трактовка сюжета были для него непривычны». В результате «повесть писалась туго»,—несколько лет; ее приходилось выдирать и выцарапывать из себя. И хотя Чуковский уверяет, что Диккенс, благодаря огромному писательскому опыту и великому мастерству в своем ремесле, создал «насыщенную, гармонически стройную повесть, читатели едва ли с ним согласятся: длинно, скучно, тягуче, старомодно, невыносимо растянуто; только под конец движение становится быстрым. Но зато «Повесть» превращается в неумный, тупой контр-революционный лубок.

Диккенс хотел дать картины Великой французской революции,—и дал грубую пачкотню, достойную какого-нибудь совершенно бездарного и до бешенства исступленного реакционера. В Сент-Антуанском предместьи (в эпоху взятия Бастилии) «каждая тощая обнаженная рука, дотоле не имевшая работы, теперь нашла занятие в том, что во всякое время могла убивать. Пальцы женщин, вязавших на спицах, были цепки, как клещи: они испытали, что значит раздирать на части человеческое тело» (277) «Патриоты» — тупые звери, пьяные животные, форменные каннибалы, сердца которых чужды всякому человеческому чувству (314—315, 326, 327, 331, 350 и мн. др.). И какое бесконечное презрение к людям, которые изнемогали в борьбе с изменниками-эмигрантами! «События совершались так быстро и декреты так поспешно следовали один за другим, что к вечеру 3 сентября представители народоправства были уже законными обладателями дворца его светлости (эмигрировавшего за границу), водрузили на нем трехцветный флаг и пили водку в парадных залах» (321).

Конечно, сентябрьские убийства вызваны исключительно кровожадностью дикой разнузданной толпы и жаждой мести; заговоры, сношения с эмигрантами и с иностранными правительствами— пустые выдумки.

И само собой разумеется, что «республика свободы, равенства и братства или смерти восстановила против себя весь мир (исключительно своими «эксцессами». И. С.). «Все смешалось и спуталось в этом горячечном бреду целого народа, как все путается и ускользает от сознания в горячечном бреду больного человека. Среди неестественного затишья целого города, палач вдруг показал народу отрубленную голову короля; казалось, что непосредственно вслед за тем он покажет голову хорошенькой блондинки — королевы, а между тем она целых восемь месяцев вдовела в тюрьме и успела поседеть в это время» (338—339).

Дойдя до исступления в ненависти к революции, умеренный и аккуратный мелкий буржуа, привлекательный и симпатичный Диккенс заставляет своих героев предаваться садическим мечтаниям. Одна из фурий, в которых для него воплощается вся французская революю-

ция заявляет: «Породу эвремоидов необходимо искоренить: пускай и жена и ребенок (9-летняя девочка. И. С.) последуют за мужем и отцом» (которые еще не казнены и виновны исключительно в родстве-свойстве с давно убитым феодалом). А «Жак третий» подхватывает: «у ней голова как раз подходящая для такого случая; я там видел голубые глаза и золотистые волосы, и очень это было бы красиво, когда Самсон (палач) поднял бы и показал голову народу» (440—441. Срав. 418—419). Понятно, что один из наиболее излюбленных героев Диккенса занимался в это время тем, что «все, что возможно было спасти и приберечь для законных владельцев, он спасал и прибирал» (347). «Законные владельцы» — эмигранты.

Это случайные выборки. Они дают слишком слабое представление о том, каким тупым и плоским нагромождением зверств и кровавых ужасов является для Диккенса вся французская революция.

Очень хорош К. Чуковский, редактор этого издания. Я не знаю, ему ли принадлежит составление чуть-чуть не по «Иловайскому» примеч. к стр. 371: «Пигит сначала одобрительно относился к французской революции, но возмущенный ее крайностями, стал громить в своих речах ее главарей».

Предисловие к «Повести» во всяком случае принадлежит Чуковскому. Чуковский дает здесь краткую историю повести, выясняет, что она «сделана по Карлейлю» и под конец задается вопросом, почему Диккенс посвятил ее лорду Джону Росселю. В общем Чуковский довольствуется заявлением Диккенса, что «в одном мизинце Росселя больше благородства, чем обычно бывает в целой корпорации министров».

Чуковский не подозревает, что это пристрастие Диккенса к Росселю ярко характеризует всю политическую беспомощность, несамостоятельность и слепоту мелкого буржуа и в посвящении, и во всей «Повести». Маркс посвятил несколько десятков страниц предмету поклонения Диккенса и дал этому образцу благородства такую убийственную, но вполне заслуженную характеристику: «колониальные реформы, педагогические планы, «свободы подданных», общественная пресса и общественные митинги, военный энтузиазм и жажда мира — все это фальшивые предлоги для лорда Джона Росселя. Весь человек предлог, вся его жизнь ложь, вся его деятельность непрерывная цепь мелких интриг для достижения презренных целей: поглощения общественных средств и узурпации простой видимости власти. Вознесенный рождением, связями, общественными случайностями на головокружительную высоту, он всегда оставался одним и тем же гомункулом, пигмеем, танцующим на вершине пирамиды. Может быть, история никогда еще не видала другого человека, — столь великого в малости» (Gessamelte schriften von K. Marx und Fr. Engels 1842 bis 1862. Herausgegeben von N. Rjasanoff. Z. Band. S. 339. Сравн. также стр. 221—248 и многие места в Briefwechsel).

Перед литературой страны пролетарской диктатуры в великих муках отстаивающей свое существование от всего буржуазного мира разве нет более неотложных и великих задач, как запускать комом грязи в Великую французскую революцию?

И. Степанов.

П. ДАУГЕ. И. Райнис. Певец борьбы, солица и любви. С предисловием П. Викторова. С приложением избранных стихотворений в переводе В. Брюсова, И. Белоусова, А. Гарина, А. Коринфского, Е. Нечаева и др. Стр. 204. Гос. Изд. М. 1920 г.

Русская читающая публика знала до сих пор крупнейшего латышского поэта, певца «основного класса» И. Райниса (псевдоним Яна Плекшана), лишь по той коротенькой его характеристике, которая сделана была Янсоном в его вводной статье в изданном под редакцией М. Горького *Сборнике латышской литературы* и по помещенным там нескольким стихотворениям, довольно случайно подобранным и во всяком случае далеко не охватывающим все стороны его творчества. Теперь мы имеем обширный труд о латышском поэте, написанный автором, хорошо знающим его как самого, так и общественно-литературную жизнь Латвии. Райнис—фигура двухгранная—поэт и политик. Обе стороны его двуликого

«я» нашли себе обстоятельное освещение в книге тов. Дауге. Райнис-поэт—осмотрен преимущественно как лирик, что, конечно, совершенно правильно (о нем, как о переводчике, говорится лишь вскользь: о драматических работах «*Огонь и ночь*», «*Золотой конь*», «*Индус и ария*»—лишь несколько страниц). Одна за другой перед нами проходят книги его песен о «*борьбе, любви и солнце*» («Солнца» в поэзии Р. меньше всего), «*далекие аккорды*», «*Посевы бури*», «*Тихая книга*», «*Те, кто не забывает*», «*Конец и начало*». Все эти сборники стихотворений отражают настроения и думы поэта накануне нашей первой революции, после ее разгрома, в ссылке и в изгнании, вплоть до начала империалистической войны. Настроения и думы поэта иногда «личные», иногда «социальные». К сожалению, из анализа тов. Дауге не видно с достаточной ясностью, какой элемент—«личный» или «социальный»—перевешивает в поэте, а это вопрос не праздный, ибо он сводится к другому весьма существенному вопросу: был ли Райнис поэт-интеллигент или поэт «основного класса»? Совершенно правильно сказал о Райнисе (буржуазный) критик Недра: «Райниса можно назвать самым *одиноким* и наиболее *индивидуальным* певцом общественных идей». Постепенное нарастание в душе и поэзии Райниса *космического* чувства (как замены сознания классовой слиянности) явно подтверждает, что вышедший из крестьянской среды, он был и остался поэтом, одиночкой в большей степени, нежели поэтом класса. То же самое мы видим в его политической деятельности, как ни старается тов. Дауге и здесь затушевать свойственные Райнису интеллигентскую и мелкобуржуазно-националистическую стихию... Один из основоположников латышской социал-демократии, редактор первой социал-демократической латышской газеты «Денас-Лапа», Райнис (с середины 90 г.) все больше расходится с партией, а потом и вовсе сходит с политической сцены, чтобы «*в уединении* работать в пользу народа и рабочего класса». Это расхождение поэта с партией обусловлено двумя мотивами. Первоначально, главным образом, тем, что партия не уделяла достаточно внимания вопросам духа, этики. Партия, по его мнению, должна быть организацией не только «экономической», но и «этической», духовной, философской. «Должен явиться новый Интернационал, построенный на принципах духа, этики, свободной мысли» (из письма Райниса). Это все, конечно, очень хорошо, но это чистейшая интеллигентщина. Потом в умонастроении Райниса начинает все громче звучать нотка националистическая. Отсюда его расхождение с тов. Стучкой, Розин-Азис, Данишевским, приверженцами идеи Интернационала (стр. 40). «Когда партия отстраняет национальную культуру, она становится на путь руссификации, ибо без национального языка и культуры не существует ни одной нации, ни одного народа» (из письма, стр. 156). «Нашу родину убивают и в этом вина партии, которая учила стремиться только к классовому и к индивидуальному благу, а не к самостоятельности нации» (из письма, стр. 134).

В настоящее время Райнис, как известно, вернулся из Швейцарии в Латвию, в буржуазную Латвию, восторженно его приветствовавшую. «Независимая родина» оказалась ему—певцу «основного класса»—дороже освобожденного пролетариата... Это предпочтение национального идеала идеалу классовому совершенно логически вытекает из основного умонастроения поэта, в котором латышский интеллигент всегда был сильнее революционного пролетария. Для тов. Дауге, напротив, финал деятельности Райниса—некоторая неожиданность и во всяком случае некоторая неприятность. Вместо того, чтобы, исходя из этого «финала», внести в свою характеристику идеализированного Райниса соответствующие поправки, тов. Дауге присоединяет к предисловию следующее лирическое заявление: «Я глубоко *верю*, что настанет час, когда «основной класс» *истинно свободной* Латвии и певец «основного класса» услышат и найдут друг друга. Поэтому я не вижу надобности в изменении моих взглядов на общий ход вещей и считаю пока излишним изменить содержание своей книги. Пусть время внесет свои поправки».

К биографии и характеристике поэта приложено значительное количество стихотворений из всех его сборников (стр.

152—204). Переводы не одинаково хороши и удачны, и мы сомневаемся, передают ли каждое в отдельности и все вместе взятые поэтический облик и поэтическую силу Райниса. Зачем понадобилось предпослать обстоятельному очерку тов. Дауге еще предисловие П. Викторова—неизвестно.

В. Фриче.

ИСКУССТВА.

W. OSTWALD. Die Farbenbibel. Leipzig 1917. 2 изд. С 8 рис. и 200 примерами красок. 8°. Стр. 46.

Маленькая книга W. Ostwald'a, вышедшая первым изданием в 1916 г., отнюдь не является научным исследованием, на что она и не претендует. Она, как на это указывает само заглавие (Букварь цвета), должна служить кратким пособием или справочником в области психофизиологической, хроматической оптики. Как таковая, она вполне отвечает своему назначению как для теоретика, так и для практика.

Однако вопросы цветовой эстетики слишком наболели и давно уж ждут своего классика, чтобы художник и искусствовед могли удовлетвориться популярной работой, рассчитанной как будто на уровень рядового ремесленника-красильщика, тем более, что как раз Оствальд, казалось бы, более чем кто-либо иной, призван к тому, чтобы, наконец, перебросить мост через пропасть до сей поры отделявшую «научную» теорию света и цвета от эстетики красочного восприятия.

А между тем автор в своем введении сам заявляет, что книга его основана на целом ряде еще не опубликованных исследований, да и всякий более внимательный читатель сумеет уловить своеобразную новую теорию цветов, перепутанную с общественными и подчас сомнительными схемами.

Новизна эта (самоочевидная, впрочем, для всякого живописца или последователя, исходящего, как это делал Гете, от цвета, как от протофеномена) особенно заметна на основной классификации Оствальда, который делит цвета на пестрые и не пестрые, подразумевая под первой группой все оттенки серого от белого до черного; отмечая при этом огромную роль, которую играет первая группа при образовании качественных различий в цвете, он таким образом рассматривает черное и белое, как цвета, принципиально равноценные остальным. Оствальд исходил, повидимому, от исследований химической природы цвета, что дало ему возможность ближе подойти к психофизической проблеме.

С практической точки зрения, особенно для искусствоведа, чрезвычайно ценен простой и удобный способ номенклатуры цветов по трем координатам: чистоты, присутствия белого и черного, поскольку вообще наука об искусстве может пользоваться абстрактными психофизическими элементами, как данными эстетического порядка.

Для вдумчивого читателя могут оказаться крайне интересными и крайне побуждающими к размышлению замечания, напр., о нарушении закона тожества при восприятии отдельных ступеней непрерывного черно-белого ряда, о значении помутнения, т.-е. белых примесей для качественности тона (ср. Гете) и, наконец, о красочных созвучиях, где сам автор указывает на необозримое непочатое поле исследования.

Необходимо указать на блестящие иллюстрации книги, исполненные акварелью от руки. К сожалению, нам не удалось видеть атласа, который был составлен и издан автором в виде приложения к букварю.

Д. Габричевский.

„АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ РЯБУШКИН". Жизнь и творчество. Очерк А. Ростиславова. Москва. Издание И. Кнебель. 92 стр.

Есть художники которые, не обладая большим талантом, влекут к себе своею

интимностью. Они, обычно в творчестве своем, не стремясь к большим достижениям, любовью передают нам свои переживания. К таким мастерам можно причислить Рябушкина, жизни и творчеству которого посвящен 4-й выпуск собраний иллюстрированных монографий русских художников, выходящего под редакцией Игоря Грабаря.

Бесконечно влюбленный в быт русского народа, в особенности в его прошлое, верный поклонник русского XVII века, Рябушкин явился реформатором в области исторического жанра. Его картины кажутся живыми и естественными по сравнению с подобного же рода композициями передвижников, картины которых поражают нарочитостью и надуманностью. Тонкий знаток быта, костюма и нравов древней Руси Рябушкин стал настоящим певцом Московии времен Олеария и Котошихина. Завоевания в области краски не сразу сказались на его творчестве, но в произведениях последнего периода его жизни удивительно верно и цельно найдена красочная гамма.

Все эти особенности творчества художника в должной мере отмечены автором монографии. Хотелось бы только, чтобы более подчеркнутым оказалось место Рябушкина «в мире искусства», для которого он явился новым изобразителем и нужным звеном, связывающим с древней Русью. Довольно подробно рассказана незатейливая и простая жизнь художника. Излишне длинным и реторичным кажется большое вступление, в котором автор монографии хочет указать на значение для общего развития истории искусства таких художников, как Рябушкин.

Самое появление книги очень любопытный факт как раз в наши дни. Она была подготовлена к печати еще перед войной. Заказанные в Германии красочные таблицы так там и остались. Книга появилась на рынке полгода тому назад, как плод чьего-то нетерпения или чьей-то спекуляции.

А. Стрелков.

КАБИНЕТ ГРАВЮР ГОСУД. РУМЯНЦ. МУЗЕЯ. Офорты В. Н. Масютина 1908—1918. Москва 1920. Полный каталог офортов, составленн. художником, со вступит. статьей Н. И. Романова к выставке гравюр В. Н. Масютина и грав. Каб. Румянц. музея.

Аллегоризм и нагроможденность образов—отличительные черты искусства Масютина. Собранный воедино «oeuvre» его производит почти кошмарное впечатление. Замысел художника подчас настолько сложен, что быстро утомляет зрителя и одновременно отвлекает его от непосредственного любования художественно совершенным листом. Из этого обстоятельства вытекала насущная необходимость в издании каталога к выставке. Последний обращает именно внимание на то, что за лесом чудовищ Масютина, ребусов и шарад, подлежащих разгадке, могло остаться в тени—именно изумительное мастерство и разнообразие технических приемов художника на всю, так сказать, эстетически формальную сторону его творчества.

Рассматриваемая книга начинается с любопытной автобиографии, с первых же строк которой нас поражает и заставляет насторожиться следующее категорическое заявление:.... «художник, никогда не покидавший пределов России, по духу своего творчества, по изображаемым им персонажам, антуражу, является совершенно не русским» (положение, справедливо опровергаемое на последующих страницах Н. И. Романовым).

Вслед за тем идет полный интереса очерк Н. И. Романова, прослеживающий эволюцию внутренних и внешних форм творчества Масютина. Если оценка тех или иных листов, производимая автором очерка, кажется нам подчас преувеличенной, то, думается, нельзя не согласиться с общей оценкой «oeuvre» Масютина и с теми выводами, к которым приходит Н. И. Романов. С одной стороны: «От сложности надуманных чудовищ... он (Масютин) переходит постепенно к более спокойным наблюдениям над реальностью, к ясной простоте идеального пространства и организующих его тел—объемов»... И затем—

с другой: «В новом графически-декоративном стиле, которым завершается его десятилетний «oeuvre», творческая индивидуальность Масютина выразилась с наибольшей ясностью, оригинальностью и силой».

«Русский Гойя—Василий Николаевич Масютин—художник с ясно выраженной индивидуальностью,—несомненно, явление незаурядное на горизонте русской, бедной творческими силами художественной жизни. Статья Н. И. Романова много уяснит в его сложном искусстве и заставит остановиться зрителя перед рядом листов, особенно значительных по внутреннему смыслу и совершенных по исполнению.

3-я часть книги—собственно каталог, составленный самим художником. В заключение приведена библиография.

Следует порадоваться, что Гравюрному Кабинету Музея удалось, по примеру прошлых лет, приготовить и в нынешнем тяжелом для книгопечатания году прекрасный каталог к очередной выставке.

Каталог издан хорошо. Воспроизведения удались. Единственный упрек,—и это мнение не наше, а общее, чересчур «казенная» обложка.

Словно «Отчет Румянц. Музея».

В. Блох.

ДНЕВНИК ЭЖЕНЯ ДЕЛАКРУА. Выпуск I (1822—1832). Петербург. Издание Отдела Изобразительных Искусств Наркомпроса 1919 г. Стр. VII + 99.

Необходимо было бы всячески приветствовать перевод на русский язык одного из замечательнейших «источников» истории искусства.

Двадцатые и тридцатые годы XIX столетия — эпоха перелома в искусстве. Академизм изжил себя. Его место занимает торжествующий романтизм. Классическая уравновешенность сменяется живописностью, холодные, бесцветные, статуеподобные фигуры Давида оживают, переполняются кипящей кровью. Одна крайность сменяется другой. Там неподвижность, застывший покой, бескрасочность — здесь бурное движение торжество колорита. И все это отражается в дневнике Делакруа.

Какие темы увлекают Делакруа? «Тассо в темнице», «Пир Валтасара», «Казнь Эгмонта», «Битва Гяура и Гассана» и т. д., и т. д. Все темы взяты из книг, не из жизни, и в этом связующая нить между классицизмом Давида и романтизмом Делакруа. Но Делакруа интересует и реальная жизнь, он рисует лошадей, его увлекает и поражает пестрая жизнь знойной Африки, которая ему кажется «живым воплощением античности», все его темы говорят о крайнем напряжении сил, о буре, о максимуме движения и соответственно этому изменяются и самые приемы живописи. Протестуя против того, что последователи Давида исправляют, умеряют природу, подгоняют ее под свой «жалкий идеал», Делакруа говорит: «Античный метод был не таков. Они, наоборот, преувеличивали, чтобы найти идеал и совершенство». Разве не напоминают нам эти слова советов Гогена своим ученикам: «Эта тень вам кажется синеватой. Пишите же самым синим, каким можете»...

Разве не современны утверждения Делакруа, что красота — условность («Вопрос о красоте сводится приблизительно к следующему: кого вы больше любите, льва или тигра», стр. 21) или, что картина ценна не как «мысль», а как «живопись».

В дневнике разбросано много замечаний, наблюдений, технических указаний (преимущественно в двух неизданных частях), не потерявших своего значения и до сих пор и легших в основу современных живописных теорий.

Но не только, как отображение романтизма, не только, как неисчерпаемый источник ценных наблюдений и замечаний в области определения сущности изобразительного искусства и технических приемов, важен и нужен нам дневник Делакруа. В нем мы имеем яркий, человеческий документ. Облик Эженя Делакруа с его увлечениями, с его сознанием жизненной пошлости и стремлением к возвышенному, неизведанному, новому (одинаково в жизни и в живописи, ибо живопись в пору зрелости и была его подлинной жизнью) встает перед нами во весь рост.

Жаль, что в предисловии к «дневнику» не указано место Делакруа в истории живописи, не дано краткого исторического обзора живописи конца XVIII—начала XIX веков, не определена и не характеризована пропасть между академизмом и романтизмом. Дневник Делакруа должны прочесть все, «которым—по словам Н. Н. Пунина в предисловии к дневнику—дорога революция, которые любят свидетельства о жизни прекрасной, полной борьбы, силы и творчества». Но неподготовленного читателя следовало бы ввести в круг интересов Делакруа, следовало бы помочь разобраться в противоречиях художественной жизни эпохи. Этого русское издание не дает.

Внешность издания вполне удовлетворительна. Приличная обложка работы С. Чехонина, хорошая бумага. Перевод оставляет желать многого. При сличении с оригинальным французским изданием Плон и Нурри обнаруживается много неточностей.

Интересные, но не очень «нужные» для русского читателя примечания переведены с примечаний к французскому изданию, что надо было бы оговорить. Примечаний надо больше, и они должны быть популярнее. Наконец, с чем согласиться никак нельзя и что подрывает хорошее отношение к книге—это произведенное сокращение французского текста (приблизительно на 50%).

И. Корницкий.

ЗАПИСКИ Ф. И. ИОРДАНА. (Записки ректора и профессора Академии Художеств Федора Ивановича Иордана. Москва 1918 г.).

Книжка эта вышла два года назад, но рассмотрения не дождалась до сих пор. А претендовать на это у нее есть все основания. О быте своего искусства знает русский читатель не много; об интимном быте, в котором вырастали и работали наши художники—того меньше. Без воздуха, конечно, жизни себе не представляешь, и в какую-то жизненную среду русский читатель мысленно помещает фигуры русских мастеров; но она создается им очень искусственно и неверно, главным образом из того материала, который у него ближе всего под рукой и который ему больше всего известен,—из фактов и черточек, взятых у истории литературы, из биографий русских прозаиков и поэтов, из публицистики, из истории общественной мысли, словом, из всего того, чем насыщена среда, преимущественно воздействовавшая на русского читателя. Впрочем, было бы грешно укорять одного читателя; в конце концов он был страдающей стороной; он брал то, что ему давали. Больше повинны здесь наши немногочисленные историки искусства, биографы русских художников: их герои и их исследования обычно оправлены в ту же чужую литературно-публицистическую раму. Они мало обращались к специальному материалу, доставляемому художественным бытом, и предпочитали попросту проводить знак равенства между теми условиями, в которых жили и работали люди пера или люди политики, и теми, в которых дышало и развивалось наше искусство. Это ошибка старая, но очень прочная, которую давно надо исправить, и которую можно исправить усердным накоплением и внимательным изучением материалов по русскому художественному быту.

Вот эта-то очень важная задача начинает отчасти разрешаться, когда публикуются тщательно изданные и хорошо комментированные старые мемуары художников и о художниках. Их у нас и не так много. Главная их ценность, конечно, в том, что они «вдвойне художественны»: что быт искусства предстает в них окрашенным личностью художника. Этим они, при всей своей скудости, ценнее того более многочисленного запаса, который можно извлечь из деловых архивов, официальных переписок, академических протоколов и пр. Подобный материал нужно нам, потомкам, еще как-то группировать и комментировать, при чем делать это приходится внутренним не под своим, а под тем старинным углом зрения, ставя себя на место отмерших художественных поколений и как бы говоря их голосом. А в мемуарах и записках художественная жизнь предстает авторитетно освещенной и комментированной, без посторонних примесей и чуждых наростов, и исследова-

тель тут естественно не выходит из своей правильной рамы: историков и критиков чужого материала.

В небольшом кругу таких историко-художественных мемуаров иордановские записки очень заметны. Материал в них—занятный и своеобразный. Читаешь их с большим любопытством, хотя и в постоянной оппозиции к автору. Это последнее, кажется, является наиболее постоянной чертой отношений между Иорданом и читателем. Просто любопытствовать—тут невозможно, а о согласии с тем, что говорит Иордан, не возникает и речи. Иордан среди художников — своеобразный человеческий экземпляр. Такой редко наблюдается. Он совершенно казенный человек, служилый человек,— столоначальник от искусства. Его даже старинной памяти «филистером» не назовешь. В филистере есть все же некоторое томление, романтизм, действование, его беда в том, что это — полутомление, полуромантизм, полудействование, шаг вперед, шаг назад, все укороченно и все в рамках разрешенного, совершенно дозволенного. Иордан же— именно столоначальник. Он важен в своей ограниченности и ограничен в важности. Существует «движение по службе», есть качества для этого — усидчивость, умеренность и аккуратность. Но какой художественный темперамент это вынесет? Были у нас николаевские «немцы» в искусстве, но *таким* не был ни один. А Иордану все это—точно отлично сшитое как раз по нем платье. Каждый раз, когда Иордану хочется чем-нибудь похвастать,—а он этого не упускает,—он неизменно выбирает случай усидчивости, умеренности и аккуратности. Этим он хочет удивить мир,— совершенно буквально. «Терпение и труд все перетрут», «терпенье — мать таланта», «умеренность — ключ здоровья» и т. п. — на *этом* величественно строит он свою жизнь и искусство. Взял для гравирования «огромную доску»,— все говорят «не кончит»,— а он кончил; все пошли гулять, чтобы попытать счастье в римской лотерее, он один не соблазнился, остался один дома,— он вора поймал; все пьют и едят по чем зря, он месяцами все ту же вареную говядину и бульон—ан желудок в превосходном порядке. Недаром ему удивлялась даже родственная душа из области литературы,—«наш знаменитый труженик, писатель Михаил Петрович Погодин...»: «он заметил, что даже кирпичи под моими ногами образовали яму, ибо мне приходилось большую часть работы гравировать стоя»... Вот именно: яма, простоенная в кирпичах—все искусство Иордана: терпеливейший из граверов,— посредствен, но усерден,—«мир терпением удивил». Сквозь иордановские очки смотреть на мир—занятное дело: все и вся делают безумства и чепуху, кругом универсальный Бедлам. Так и выходит в «Записках» Иордана. Видел доподлинно всю Европу, живал годами в Лондоне, Париже, Риме, знался со всеми художественными знаменитостями, попал под душ двух революций—ничего не понял, но все старательно отметил, чтобы пожать плечами, и противоположить себе, своим правилам и работе, своим взглядам. Для примера могут быть взяты рассказы и суждения о Гоголе и Иванове. «...Об Александре Андреевиче Иванове я, кажется, уже говорил. Это была странная личность; он всегда улыбался и в Н. В. Гоголе видел какого-то пророка. Гоголь давал ему наставления, которые Иванов рабски слушал. Я и Моллер, всегдашние вечерние посетители Гоголя, были в его глазах ничто перед Гоголем, и я душевно смеялся над его увлечением»; или «Иванов, Моллер и я каждый вечер сидели у Гоголя и скучали, особенно я. Часто бывало я говорил ему: «мы ведь мастеровые, потрудившиеся целый день, идем к вам послушать что-нибудь веселое или назидательное, вы молчите, желаете, чтобы мы вас занимали» и т. д. Для читателя, помнящего, какую статью написал Гоголь о иордановском «Преображении Господнем», этих строк достаточно. Но именно потому, что Иордан в рассказе отправляется от своего столоначальнического жития и все время не устает точно и заботливо осуждать противоположную ему беспутную и хаотическую жизнь остальных людей, особенно — художников, он наполняет «Записки» ярким и сочным материалом. Надо только взяться за «Записки» умеючи; тогда это окажется целый клад, как рукописи Леонардо, их надо читать, на-

наоборот, противоположным манером, так сказать, при помощи зеркала: тогда все встанет на свое место и получит правильное очертание. А так как Иордан за грех считает не посплетничать, знает это дело, и любит это дело, за всеми присматривает, знает кто с кем и кто у кого, то черточка к черточке, рассказ за рассказом, в верности которых не приходится усумниться (о, Иордан аккуратен и точен!), создается колоритнейший художественный быт, особенно если к этим местам присоединить общие картины жизни учения и работы художников за границей в эти годы, среди понуканий из Академии, забот о деньгах, жажды пображничать и пошуметь, стремления к успеху и славе, прибытия высочайших особ, милостивых заказов знати, клубка из учения, любвей, болезней, странствий, отъездов и приездов на родину и с родины.

Как изданы «Записки»? Тщательно и любовно; по условиям 1918—1920 годов (особенно московским, Петербург как-то еще держится даже до сих пор) неожиданно тщательно. Над Иорданом явственно произведена редакционная и книжно-художественная работа. Последняя особенно заметна: формат и набор простой и строгий, дано пятнадцать фототипических снимков с работ Иордана, хорошо скомпанована обложка, редактировал «Записки» покойный С. П. Виноградов, для которого это оказалось последним трудом. Им составлен подробный каталог работ Иордана (этот приложенный к «Запискам» каталог выпущен и отдельно и содержит ряд изменений и добавлений к данным Ровинского), им же составлено и предисловие, дающее краткую биографическую канву жизни Иордана и его характеристику. С нашей она расходится, и, может быть, иному читателю покажется, что расходится излишне резко и решительно. Но в этом повинен тот виноградовский пиэтет к иордановскому граверному наследию, который держится весь на старинке, на традиции и для которого нет решительно никаких данных ни в личности Иордана, ни в художественности его работы. Кроме того, эта старинка дает слишком неправильное представление о художественной объективности «Записок», а с этим надо решительно бороться, ибо я настаиваю на том, что я выше говорил об «обратном чтении» Иордановских мемуаров. Впрочем, последнее слово все равно за каждым читателем «Записок».

Абрам Эфрос.

А. ЭФРОС и Я. ТУГЕНДХОЛЬД. Искусства Марка Шагала. Москва „Геликон". 1918 г. 55 стр.

Книга о современном художнике. Не апология в защиту художника, ибо он давно и признан и популярен; не памфлет или критика на него, ибо для авторов несомненна огромная значительность творчества Шагала. Но это и не простые, непосредственные впечатления современников. Нет, обоим авторам задача их представляется несравненно более серьезной: «Думается, что уже наступила пора встать между ними (толпой и Шагалом)», помочь разрешить поставленную художником «поистине труднейшую из проблем: о границах дозволенного в искусстве» (стр. 8), «объяснить художника» (стр. 13) и т. д. И искусство Шагала, достаточно «трудное» само по себе, как это не раз подчеркивается в книге — рассматривается sub specie aeternitatis в свете сложнейших вопросов о расовой или религиозной подоснове художественного творчества в плоскости непреложных «законов искусства» (passim).

А как раз того, что особенно важно было бы для будущего изучения творчества Шагала и что вполне было бы по силам и в средствах пишущих о нем, конкретные сведения о художнике (дать его биографию, хронологии и каталога его произведений и т. д.), всего этого почти и найти в книге.

Кроме того, хотелось бы видеть в этой все же полезной и интересной книге больше иллюстраций, а на всех них обозначение размеров и имен их владельцев или местонахождения.

П. Фабрикант

В. МАРКОВ. Искусство негров. Изд. Отдела Изобр. Иск. Нар. Ком. по Просв. Петербург 1919 г. Стр. 153

Книга Маркова вышла в свет два года назад. Но написана, задумана, взлелеяна она гораздо раньше. Ее автор скончался в 1914 году, не успев придать своей работе вполне законченный вид. Марков (В. Матвей) делает первую попытку проникнуть в область искусства, до сих пор не только не обследованную, но почти пренебрегаемую. Его книга предшествует «открытию» негрского искусства, предпринятому на Западе Эйнштейном (Einstein, Negerplastik. 1915). И это надо помнить, когда мы читаем скупые, часто неуклюжие, но веские слова Маркова. Он идет по благодарному, но и тернистому пути «изобретателя». Благодарному, конечно, ибо чей глаз, искушенный объемами, массами, фактурой новейшего искусства, не почувствует красоты и очарования негрских статуэток? И тернистому, без сомнения, потому, что задача Маркова не только бросить перед восхищенным взором зрителя пригоршни прекрасной, неожиданной художественной формы, но показать, интерпретировать, обосновать негрскую пластику. В последнем направлении книга Маркова не удовлетворяет до конца. Правда, автор обещал отложить свои принципиальные выводы до следующих выпусков. Но и по тем немногим строкам, которые он посвящает анализу африканского искусства в заключительной главе своей книги, мы можем судить о его взглядах. Анализ, несомненно, тонкий и убедительный. Но хочется предостеречь последователей Маркова от примененного им метода. Марков исходит от современного искусства и его исканий. Негрская пластика для него не более, как иллюстрация художественной теории, выросшей на борьбе молодого искусства с фактурой, с материалом, с символикой формы. Такой метод не только не знакомит нас с существом вновь открытой страницы художественного прошлого, но и замыкает самое современное искусство в тесные границы однообразных проблем. Более широкое, более бескорыстное углубление в сокровенные основы негрского искусства, быть может, расширило бы кругозор не только ценителей искусства, но и его творцов, современных художников. Все эти соображения не мешают нам в результате приветствовать исследование Маркова, равно как и тщательность издателя сумевшего придать книге яркий и законченный облик.

Б. Виппер.

„ВЕСТНИК РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ" Ежемесячный журнал. Орган Ц. К. Всеросс. Профессион. Союза работников искусств. № 1—6. М. 1920—1. 3 вып. 8°. Стр. 56+116+160. Ц. 75 р.+150 р.+200 р.

Руководящий орган Всерабиса составлен интересно. Ряд статей, широкая информация, вплоть до живых откликов на «запротоколенную» действительность. Чувствуется, что союз стоит в центре жизни, что отзываются в нем и на нем все задачи момента.

Отметим прежде всего, что журнал ориентируется на *пролетарское искусство*. В нем нет хлестких слов о «ниспровержении старого мира искусств». С Наркомпросом Всерабис склонен честно и резко спорить (чрезвычайно интересны протоколы первой всероссийской конференции заведующих подотделами искусств, № 4—6, стр. 60 сл.), склонен увлекаться даже до требования особого Народного Комиссариата Искусств, но знает всю необходимость пролетарской дисциплины. Лозунги тов. Луначарского [1]) приняты в качестве краеугольного камня строимой храмины. Но одних добрых пожеланий мало. В этом отношении первые номера журнала вызывают некоторые размышления.

Мы считаем нуждающейся в просмотре и поддержке идеологическую часть журнала. И не с точки зрения единственно жизненных ныне коммунистических начал, а с точки зрения художественно-научной. В целом ряде статей, в напечатанных на обложке первого номера тезисах, говорится о пролетарской эстетике, которая должна отринуть старые «мифические» основы прежней эстетики, заменить «святое и свободное» искусство чем-то иным. Статьи т. *Э. Бескина*, чрез-

[1]) См. «Тезисы в основах политики в области искусства» № 2—3, стр. 65.

вычайно прямолинейные, очень характерны в этом отношении. Мы вполне разделяем основную мысль «Вестника», выраженную яркой статьей «Художественная диктатура пролетариата» (№ 2—3) в виде лозунга «чрез пролетарское искусство к искусству внеклассовому». Но, основываясь на данных новой и точной науки об искусстве, очень мало известной практическим деятелям союза, мы хотели бы указать, что считаем вполне праздными, вернее, бьющими мимо цели, разговоры о какой бы то ни было «эстетике». Не эстетика (учение о вкусе) нужна пролетариату, а *искусствознание*, точная *наука об искусстве*, которая теперь, наконец, освободилась от эстетических навыков и приемов, от служения идолищу красоты. Бороться с привидениями, право, не стоит, не следует противнику приписывать мысли настолько слабые, что они разлетаются, как мыльный пузырь при первом столкновении с более или менее отточенной логикой. Но мы утверждаем очень решительно, на основе специального изучения вопроса, что марксистской *теории искусств еще нет*, что она находится в начальной стадии своего развития, что мы—работники искусств социалистической страны, и призваны ее рассмотреть и установить.

Один пример. Автор статьи «Свобода и правда искусства» договорился до того, что пролетариату не нужна «классика» (?) изобразительного искусства средневековья с его религиозными сюжетами. «Галлерея святых треченто или кватроченто (?) с её особым стилем выражения клерикального аскетизма на бледно-измученных лицах» и все старое искусство, перечисляемое тут же, может быть талантливо и ярко, но «по другую сторону баррикады». Пролетариат «научит детей своих презирать ту великую социальную ложь, которую они отражали» (№ 4—6, стр. 12—13)... Мысли эти в наших глазах являются более, чем неправомерными. Видеть в старом и в каком бы то ни было искусстве только его сюжет, вкладывать совершенно отсутствующее «клерикальное» содержание в картину только потому, что она изображает святого, означает не видеть в искусстве самое существенное—его *форму*, результат произведенного рабочего процесса. Нет, товарищ. Не только неправда, что «пролетариат не примет» старого искусства,—он его *уже* взял. В наших музеях можно встретить сознательное отношение рабочего и красноармейца и к кватроченто, и к средневековью, и к Рубенсу, и к русской иконе. Ибо, раз усвоив себе логику производственного процесса в искусстве, русский пролетариат сумеет овладеть формой старой столь же властно, как и формой новой.

Выделим в последних номерах статьи *Б. Мартова* об искусстве и производственной пропаганде, отметив, что тенденция эта, расходясь, пожалуй, с обычным пониманием «производственного» искусства в наше время, чрезвычайно ценна для всех деятелей художественной политики. Очень большое место уделено вопросам «Тео», «Кино» и «Музо». Совсем нет специальных статей по вопросам художественного воспитания и музейного дела.

Д. Д. Сидоров.

ИЗО. Вестник Отдела Изобразительных искусств Н. К. П. № 1. Москва. 10 марта 1921 года.

После продолжительного перерыва снова появился вестник Отдела Изобразительных искусств. Изо, ввиду полнейшего отсутствия органов, посвященных вопросам изобразительного искусства, хочет возместить этот пробел хотя бы газетой. Желание это можно только приветствовать.

В первом номере напечатаны: обращение Всероссийского Центрального Исполкома учащихся к художественной молодежи Запада. Передовая—на тему о наших художественных достижениях, о путях западно-европейской художественной жизни и о выставках русского искусства на Западе, как об одном из способов агитации. Статья тов. Янсена, члена Исполкома Коминтерна: «Об обмене художественными выставками между Россией и Европой». Заметка П. «Музейные ценности». Ст. Эд. Лисицкого «Катастрофа архитектуры». Ст. А. Росмера, представителя Франции в Исполкоме Коминтерна: Анри Барбюс и Клярте.

В рубрике «Вести с Запада» помещена выдержка из ст. «Нужда искусства», помещенной в «Vossische Zeitung» от 6 декабря 1920 года. Четвертая страница знакомит нас с деятельностью ИЗО.

Кроме ст. Эд. Лисицкого и информационного материала, все остальное связано так или иначе с мыслью о Западе. Даже такая специальная заметка, как «Музейные ценности», и та полна «западничества». В краткой рецензии нет возможности подробно разобрать весь материал «вестника», тем более, что он скорее производит серое впечатление, не возбуждая ни восторга, ни протеста, кроме только что указанной заметки тов. П., который весьма поверхностно и по обывательски разрешает вопрос о государственном фонде историко-художественных и археологических ценностей, предназначенных для товарообмена с Западом.

Другая статья, обращающая на себя больше внимания, это ст. «Катастрофа архитектуры», где резко и последовательно поставлен вопрос о положении современной архитектуры и об ее задачах. Лишний раз подчеркивается кризис архитектуры, указывается на необходимость создания новых форм строительства и критикуется деятельность учреждений, ведающих проекты самого разнообразного назначения. Критика заслуживает внимания, но так как статья не кончена, то по существу сейчас о ней говорить нельзя.

Нельзя также обойти молчанием «стиль» вестника, созданный весьма небрежной редакцией. Ни при каких условиях нельзя допускать такой небрежности и таких ошибок—мы в государственном масштабе боремся с безграмотностью. Примеры. Вот они: из передовой—«но мы знаем, что там понимается под художественным производством—это тоже старое прикладничество, надевание на новые вещи модернизированные маски из архивов всех стран и народов». Из переводной заметки «Положение искусства в Германии»—«В рейхстаге, в котором несколько дней тому назад заседал парламент, очутившийся в нужде науки, можно было присутствовать на художественном парламенте».

Из ст. Янсена—«То, что производят художники Европы—пустая шелуха. Их маленькие тщеславные индивидуалистические побрякушки лишены всякого значения и рассчитаны только на то, чтобы создать культ личности, для которого их художестве ные статьи создают рынок, *делают доходной статьей*». Из ст. «Катастрофа архитектуры.—«С тех пор как живое *природо-естественное* наше творчество посадили в теплицы академий, все истинно творческое пошло мимо этих *законсервированных коробок*».

Примеры можно было бы увеличить, но и этих достаточно, и мы выражаем надежду, что следующие номера, которые будут посвящены искусству в производстве и строительству современной художественной школы—темам жгучим и большим, удовлетворяли бы требованиям, предъявляемым к печатному культурному слову.

Н. Моргунов.

„Казанский музейный вестник". Изд. Нар. Ком. Просв. Т. С. С. Р. Каз. 1920 г. №№ 1—2, 3—4, 5—6, 7—8, стр. 64, 80, 87, 128.

Нельзя не порадоваться, что в то время, как в наших столичных центрах, Москве и Петербурге, издание научных журналов встречает большое препятствие, и или вовсе не может быть осуществлено, или осуществляется с трудом и с большим замедлением, нашелся один провинциальный центр—Казань, где оказались люди, средства и возможность для издания нового иллюстрированного журнала, посвященного специальным задачам музееведения, и где этот журнал не только основался, но и продолжает неуклонно выходить объемистыми книжками, привлекая к участию в них как местных, так и столичных деятелей.

Программа журнала—давать оригинальные статьи, посвященные строительству областных и местных, общих и специальных музеев, а также статьи переводные, статьи по музейной технике, по охране памятников искусства, по описанию местных музеев, помещать библиографию, хронику и официальные распоряжения, касающиеся музеев. Одним из главных инициаторов журнала был и продолжает быть профессор Ф. Б.

Адлер, кроме того ближайшее участие в редакции принимают П. М. Дульский и К. Д. Харлампович. Наибольшее внимание обращено журналом, конечно, на местную музейную жизнь, на музеи Казани и других городов Татарской республики, на местные древности, художественные собрания и выставки и т. п. Имеются статьи об истории казанского зодчества, об антропологии в музеях местного края, «По музеям Казанского края», «Казанские серебренники XVII в.», «О Казанских коллекционерах» и т. д. Но рядом с этим мы находим и статьи более общего содержания: «Областные и местные музеи», «К вопросу об устройстве музея народного быта и искусства в Москве», «О необходимости основания в Москве антропо-этнографического института», «Расчистка древне-русской иконы», «Инвентарь, каталог и их значение в музее», «К охране памятников природы», «О русском фарфоре», «Три стиля» и др. Интересна заметка о портрете Пушкина, приписываемая Жюлю Вернэ. Оказывается, что Жюль Вернэ не был в России и нет никаких оснований к предположению, что Пушкин, имея от роду 21 год, мог заказать этот портрет Жюлю Вернэ, жившему в Париже. Гораздо естественнее предположение, что имеющиеся на портрете инициалы J. V. принадлежат Жану Вивьену (Jean Vivien), тоже французскому художнику, но жившему в Москве в 20-х годах прошлого столетия, и бывшему известным, как Иван Осипович Вивьен. До нас дошел ряд литографированных и очень недурных портретов, снабженных его монограммой. На одном из них имеется даже полная подпись «Jean Vivien». Весьма возможно предположение, что Ж. Вивьен, налитографировавший портрет В. Л. Пушкина, нарисовал карандашом и портрет А. С. Пушкина, снабдив его одной монограммой.

Д. Анучин.

РАЗНЫЕ.

Библиотека „Юного пролетария". Молодая гвардия. Сборник. Гос. Изд. 1920 г. 29 стр.

Сборник составлен членами Комм. союза молодежи и предназначен, конечно, главным образом, для той же молодежи.

Если взять каждую статью порознь, то она как будто и имеет известное агитационное значение. Вера в значение союза, убежденность в правоте своего дела, известный опыт в общении с читателем у молодых составителей сборника на-лицо, но этого все-таки еще недостаточно. В сборнике нет конкретного материала, мало фактов, цифровых иллюстраций работы союза. Что и как сделано и делается—затронуто настолько суммарно, настолько покрыто общими фразами о революционном значении работы молодежи, что просто не врезывается в память. А между тем лучшим агитационным аргументом всегда был и будет цифровой, практический итог работы.

Молодежь внесла, не могли не внести новых бытовых черт в рабочую и крестьянскую жизнь. Это надо было отметить хотя бы указанием на факты. Молодежь умирала в рядах Красной армии, возбудив в ней жажду по коммунистическому идеалу—это надо было указать на примерах.

А клубы? А библиотеки? А вся культ.-просвет. деятельность молодежи— разве не отразился в материалах Комм. союза молодежи весь этот пройденный опыт. Подкрепленные фактическими указаниями статьи сборника были бы более вескими и более бы отвечали названию «Гвардия». Молодая гвардия—передовой слой. И то, что Комм. Союз молодежи—является действительно гвардией, по сравнению с обывательской молодежью, это как нельзя лучше подтверждает его работа. О ней-то и надо было побольше сказать.

Е. Херсонская.

АГИТПАРПОЕЗДА В. Ц. И. К. Их история, аппарат, методы и форма работы. Сборник статей под редакцией Карпинского. Гос. Изд. 1920 г.

То, что идея поездов зародилась в военном отделе Издат. В. Ц. И. К. не случайность. Прифронтовые полосы как раз больше всего нуждались в такого рода агитационной работе. Теперь, с переходом на мирное строительство, все формы агитационно-инструкторской работы меняются, и если поезда будут еще существовать, то, разумеется, на новых началах.

Авторы сборника с достаточной убедительностью пропагандируют идею агитпоездов. Для широких масс, особенно провинциальных работников, сборник освещает и самую идею и формы ее осуществления с достаточной полнотой. Авторы указывают и на недостатки работы, подчеркивая равнодушное отношение к ней центра, благодаря чему не было проведено стройной системы во всей работе. Тов. Я. Буров мечтает об «американской технике» в заботе, где бы четкость, непрерывность и согласованность всех функций поезда соединялись с внимательным и толковым отношением ко всем деталям местных интересов и нужд. К сожалению, на поезд смотрели иногда, как на отдых для полит-работников, и потому их задача не выполнялась полностью.

Жаль, что авторы уделили мало места фактическому материалу в смысле сообщения результатов работы на местах. Надо было бы дать в этом отношении более солидный материал. И он есть,— особенно интересны факты прекращения междуведомственной неразберихи и всякого рода трений, благодаря умелому вмешательству работников поезда. Будь этого материала больше, и сборник оказался бы ценным вкладом в историю нашей агитационно-инструкторской работы.

Мнений авторитетных товарищей о поездах можно было бы и не печатать.

Слишком отдает американской рекламой.

Картинка с натуры хороша только тогда, когда она ярко и художественно выполнена. В том виде, как дал ее сборник, она совсем не убеждает.

В общем сборник, как иллюстрация одного из этапов пройденного Советской властью пути имеет свое значение. Что же касается проспектов будущего, то посмотрим, что нового подскажет организаторам агитационного дела момент производственного фронта. Фронт военный же на время изжит, изжита с ним и форма, в какой осуществлялась агитация на поездах.

Указаний на расширение и систематизацию всей работы, которые дают авторы сборника, еще мало. Интересно было бы на основе материала прошлого более конкретно установить новые возможности поездной работы в новых условиях, если вообще эта работа будет нужна.

Е. Херсонская.

„КРАСНАЯ МОСКВА„ 1917 — 1920 г. г. Издание Московского Совета Р. К. и Кр. Д. Москва. 744 стр. С иллюстр. и диаграммами, в красках.

В книге 744 колонны, из каждой колонны выйдет две хороших страницы. Итого около полутора тысяч страниц, не считая множества диаграмм и снимков.

Московский Совет поступил, как поступали в старое время состоятельные, уважающие себя городские управы. Средства есть—отчего же и не показать себя? Сами себе хозяева!

«Красная Москва»,—все же, конечно, ценная книга, если бы не эта ее чисто купеческая громоздкость. Материал в книге дан чрезвычайно обширный, разнообразный. Много снимков на прекрасной меловой бумаге. Много статей по всем вопросам, с которыми приходилось соприкасаться Моск. Совету. Но все это дано хаотично, наспех, в плохо редактированном и недостаточно систематизированном виде. В большинстве это—лишь сырой материал, изобилующий излишними подробностями, незначительными мелочами, заслоняющими главную его суть. Этот недостаток свойственен всем отделам книги, он является главным недостатком и всей книги вообще.

Огромный цифровой и статистический материал, которым снабжены статьи сборника, обзоры и исследования, несомненно, послужит, как ценнейший

источник и пособие для тех, кто будет работать над вопросами московской городской и окружной жизни в период первых годов со времени Октябрьской революции. Здесь, в этой книге читатель получит разнообразные данные по социалистическому строительству, проводимому в одном из крупнейших городов мира. Данные эти рисуют работу Московского Совета как в политической, так и в экономической области. Большое место отведено народному просвещению, народному здравоохранению, социальному обеспечению, заботе о детях и т. д. Есть интересная информационная статья о том, что сделано за отчетный период русской наукой. Есть статья «Литературная Москва».

В частности эта последняя статья страдает большими погрешностями. Если в других отделах сборника авторы подходили к вопросу с научным методом как марксисты, то в статье «Литературная Москва» за каждым словом чувствуется анархо-мещанское отношение к тому вопросу, который автор поставил себе целью объективно исследовать и осветить.

Исходное положение автора: «Условия писательской жизни в России еще не таковы, чтобы писательский труд мог обеспечить существование писателей. При условии необычайного сокращения изданий и книгоиздательских возможностей писатели литературой жить не могут».

Погрустив над тем, что Госиздатом убита спекулянтская и очень часто контрреволюционная издательская вакханалия, от которой на деле страдали даже и буржуазные литераторы, — автор говорит, что писатели из-за необеспеченности перекочевывают из России за границу.

По автору:

«Как это ни странно, но уехали из Советской России именно те писатели, которые, казалось, наиболее крепко и прочно были с нею связаны. Это—Иван Бунин, Ив. Шмелев, Алексей Толстой, Евг. Чириков, А. Куприн, Илья Сургучев и др.».

Откуда это автор «Литературной Москвы» вычитал, что дворянин Ив. Бунин, граф А. Толстой, злопыхатель Чириков и проч. были «наиболее крепко и прочно связаны» с советской Россией? И почему ему кажется, что вся эта злопыхательская контр - революционная буржуазно - литературная свита уехала из России не потому, что ей не нравилась рабоче-крестьянская революция, а потому, что Советская власть не сумела им обеспечить существование? Мы ведь еще помним, какую бешеную свистопляску подняла эта компания «художников божиею милостию» вокруг А. Серафимовича, ставшего руководителем литературно - художественного отдела в «Известиях Московского Совета» в первые месяцы после Октябрьской революции. Стоит проследить деятельность этих писателей за границей, чтобы понять, что они не потому покинули советскую Россию, что им здесь не обеспечили существование, как писателям... Они это прекрасно выражают в своих молитвах, обращенных к англо-французским крейсерам:

> Во имя человечности и Бога
> Сорви войны кровавой тяжкий стяг,
> Смири скота, низвергни демагога...

то-есть власть рабочих и крестьян.

Вот как они «прочно и крепко» связаны с советской Россией.

Автор только отчасти прав в том своем утверждении, что писательский быт остается безотрадным зрелищем писательской службы в советских учреждениях, ничего общего с литературой не имеющих. Это верно.

Об этом надо подумать и какие-то решительные меры должны быть предприняты.

Резюмируем: книга ценная, но проредактирована плохо и издана с недопустимой в наше время какой-то мотовской и грубоватой роскошью.

Г. Устинов.

---

1. А. КОЛЛОНТАЙ «Проституция и меры борьбы с ней» (Речь на 3-ем Всероссийском совещании заведующих губженотделами). 23 стр. Изд. Отдела Ц. К. Р. К. П. по работе среди женщин. 1921 г.

2. Материалы Междуведомственной Комиссии по борьбе с проституцией Н. К. С. О. Выпуск I-й. 1921 г.

Небольшая брошюра, освещающая вопрос о проституции и мерах борьбы

с ней с коммунистической точки зрения. В сжатой и яркой форме дается новый и смелый подход к этому «тяжелому и больному вопросу». В широкой концепции затрагиваются вскользь и основы новой коммунистической морали в сфере брачных отношений. Если даже мы встречаемся здесь с некоторыми спорными положениями, то это все же не делает рецензируемую брошюру менее интересной.

На-ряду с ней следует отметить и первый сборник материалов Междуведомственной Комиссии по борьбе с проституцией при Н. К. С. О., в котором имеются тезисы о мерах борьбы с проституцией, выработанные комиссией и утвержденные Ц. К. Р. К. П., а также план мероприятий по борьбе с этим злом. Пока вся советская литература о проституции ограничивается этими двумя брошюрами.

И. Гельман.

НЕКРОЛОГ.

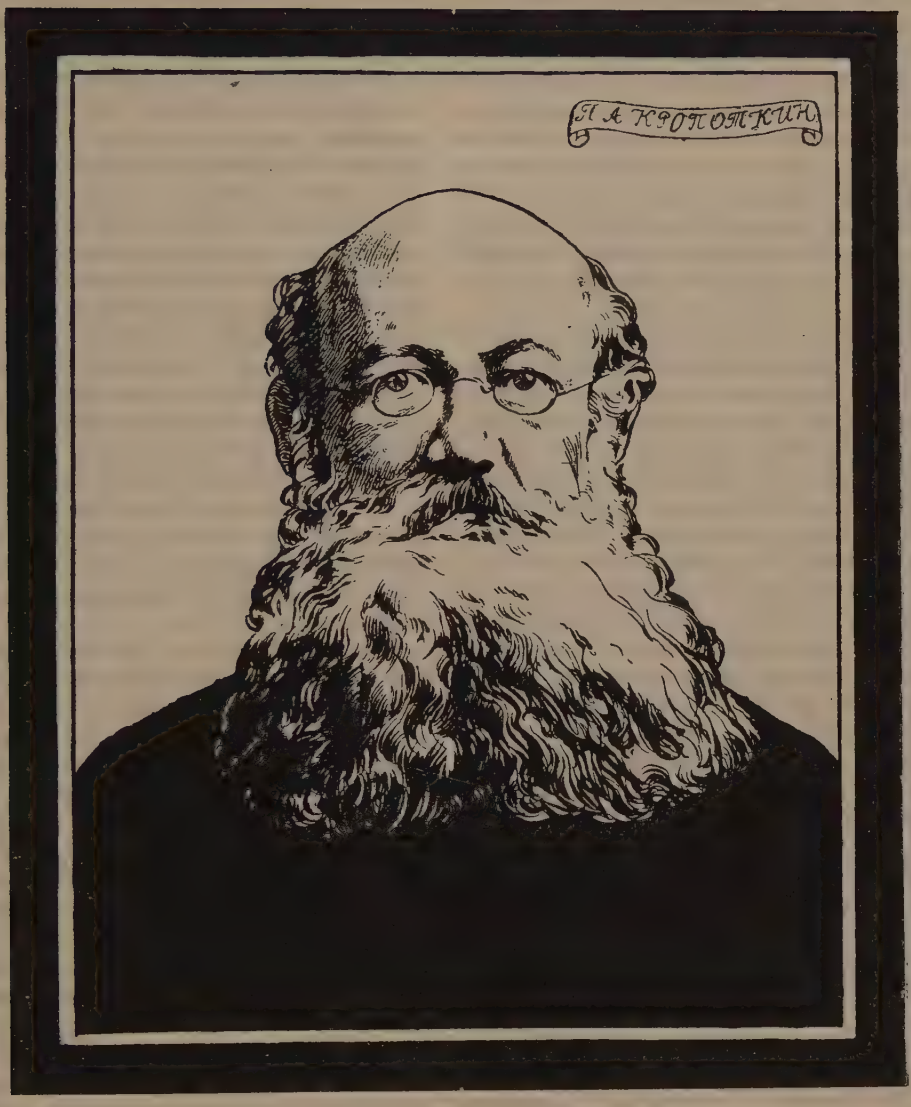
П. КРОПОТКИН.

В лице скончавшегося 8-го февраля Петра Алексеевича Кропоткина сошел со сцены один из наиболее характерных и ярких представителей старой русской революционной интеллигенции, подобно Бакунину, ставший из русского дворянина вождем европейского анархизма, но во многих отношениях бывший полной противоположностью Бакунина.

Аристократ по рождению и воспитанию, он, по окончании привилегированного учебного заведения, в 1862 г. не пошел по торной дорожке придворной, военной, административной или дипломатической карьеры, а добровольно поехал на службу в Сибирь, привлекавшую его демократизмом своего быта и возможностью научной работы в мало исследованных областях. Питомец пажеского корпуса увлекается естествознанием—дань эпохе 60-х годов,—особенно физической географией, в которой делает важные открытия и которая впоследствии у него, так же, как у его друга и единомышленника знаменитого французского анархиста Э. Реклю, стала любимой наукой.

Таким образом, если Бакунин начал с германской идеалистической философии и лишь впоследствии пришел к материализму, то Кропоткин начал с естествознания. Но, с другой стороны, Бакунин под влиянием Маркса усвоил также основы *исторического* материализма, тогда как Кропоткин в одном отношении всю свою жизнь остался «шестидесятником»: он был типичным «просветителем», верил в силу разума, в творческую силу науки. Но у него была еще одна черта отличавшая его от Бакунина и в то же время сделавшая его подлинным «семидесятником», ярким образчиком «кающегося дворянина»; если для Бакунина моральные вопросы не играли большой роли, если для него, наоборот, нередко цель оправдывала средства, то в Кропоткине наиболее характерной чертой характера, руководившей им всю жизнь, было высоко развитое *нравственное чувство, чувство долга*. Уже по возвращении из Сибири в конце 60-х годов, когда его научные работы создали ему европейское имя и перед ним рисовался заманчивый путь блестящей научной деятельности, он поставил себе, как он сам рассказывал, такой вопрос: «Какое право имел я на все эти высокие радости, когда вокруг меня—гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба? Когда все, затраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей!» И Кропоткин уехал за границу, где примкнул к Бакунинскому крылу «Интернационала» и на всю жизнь усвоил себе его анархические взгляды. Но по возвращении в Россию в 1872 г. Кропоткин вступил именно в кружок Чайковского, который, по его собственным словам, «возник из желания противодействовать нечаевским способам деятельности», т.-е. ставил себе, главным образом, нравственные задачи, и это-то больше всего и привлекало Кропоткина. Будучи самым старшим, опытным и образованным членом кружка, он сделался его душой и фактическим руководителем. В то же время он один из первых русских революционеров стал заниматься в кружке петербургских рабочих, которым он рассказывал об Интернационале. После своего ареста и знаменитого побега из больницы, он окончательно эмигрировал в Европу, где начался новый и важнейший период его деятельности как общепризнанного теоретика и пропагандиста европейского анархизма.

Но и к анархизму Кропоткин подходил не так, как Бакунин. Для Бакунина самое важное в анархизме была его *отри-*



Петр Алексеевич
КРОПОТКИН.

Родился в 1842 году, умер в 1921 году.

чательная, разрушительная сторона, о будущем строительстве он мало заботился; Кропоткин, наоборот, очень много внимания посвящал будущему *творчеству*, свободному сотрудничеству людей в избавленном от государственной власти обществе. Элементы, зачатки этого свободного сотрудничества он видел уже в теперешнем обществе; он считал именно сотрудничество, а не борьбу главным законом общества и доказывал его существование даже в животном мире. Человек по природе добр, и если бы ему удалось избавиться от насилия государства, он устроился бы наилучшим образом.

Таким образом в насилии разрушений Кропоткин видел лишь неизбежное зло и с удовольствием отмечал все те факты в развитии цивилизованного человека, которые по его мнению, свидетельствовали о мирном прогрессе анархических и коммунистических идей и форм жизни. Поэтому он отрицательно относился к тем русским анархистам 1905—1908 г.г., которые доходили до «безмотивного» террора и «индивидуальных» экспроприаций.

Несмотря на исторический идеализм и утопизм Кропоткина, сближавший его с великими утопистами в начале XIX в., несмотря на его анархические идеи и нередко весьма несправедливую полемику с социалистами, многие его мысли стали прочным достоянием революционного социализма в его борьбе против оппортунизма (особенно в книгах «Речи бунтовщика» и «Завоевание хлеба»). А его история французской революции, при своем небольшом объеме и доступном изложении, представляет исключительную научную ценность и бросает неожиданно яркий свет на многие события нашей революции.

Чрезвычайно интересная эволюция произошла с Кропоткиным с начала мировой войны. Казалось, что ненависть к Германии и германской социал-демократии, в которой он вполне сходился с Бакуниным и которую он питал всю свою жизнь, заставила его забыть и анархизм, и интернационализм. Он сделался пламенным патриотом тех самых «великих демократий» стран Согласия, которые он, в качестве анархиста, достаточно сильно разоблачал в свое время, при чем все прелести *французской* «демократии» он испытал на самом себе в форме арестов, изгнаний и долгих лет тюремной одиночки. Мало того, в нем как будто заговорил даже русский патриот, и его знаменитые фельетоны в «Русских Ведомостях» совратили с революционно-социалистического пути не одного из «малых сих». А в 1917 г., вернувшись на родину после 40 лет эмиграции, Кропоткин как будто не отличался ни от Плеханова, ни от Брешко-Брешковской, вместе с которыми он выступил на организованном Керенским «Государственном совещании». И он был противником гражданской войны, и он как будто стоял за притупление классовой борьбы, за укрепление демократической республики. Можно было думать, что 40 лет борьбы в духе анархического интернационализма оказались лишь случайным эпизодом в жизни Кропоткина, и что он разделил участь многих бывших революционных народников, в момент величайшей революции оказавшихся рядовыми мелко-буржуазными демократами.

Но это только так казалось. Наоборот, именно это демократическое увлечение явилось случайным эпизодом, вспышкой, пережитком тех интеллигентских упований, которые питали в душе, часто бессознательно, несмотря на весь революционный социализм и анархизм, почти все народники,—упований, что революция принесет длительную эпоху политической свободы и «европейских» форм классовой борьбы.

Несомненно, что октябрьская революция и затем крах германского империализма и начало революционной полосы в Европе произвели на Кропоткина необычайно сильное впечатление. Они вернули его к тому анархическому коммунизму, который стал его второй природой, но они же, особенно ход событий в России, поставили его в положение поистине трагического внутреннего противоречия. Как анархист, он всеми силами своей души протестовал против режима партийной диктатуры со всеми ее последствиями. А как глубокий знаток европейских революций, особенно Великой Революции конца XVIII в., он понимал, что эта диктатура, как и весь

ход событий после октября, являются исторически неизбежными. В то же время он, несомненно, должен испытать большую душевную неловкость, если не стыд, за свои националистические и «демократические» увлечения 1914—1917 г.г., которые так противоречили всему его миросозерцанию, равно как и за те пророчества, которые так плохо оправдались. Все это вместе взятое и заставило его уйти от активной жизни, заставило этого неугомонного революционера сознательно обречь себя на молчание в течение целых трех лет...

Правящую в России партию коммунистов он считал новыми якобинцами. В качестве анархиста, он был непримиримым врагом якобинских методов управления. Но, как историк и революционер-интернационалист, он признавал за новым якобинством глубоко революционное международное значение. Поэтому он отказался от публичных выступлений против Советской власти и свое настроение выражал лишь в частных письмах. В этом отношении крайне характерным документом является письмо Кропоткина от 2-го мая 1920 г., опубликованное в анархистской листовке, посвященной памяти Кропоткина. Это последнее известное письмо Кропоткина вообще очень интересно по той выпуклости, с которой в нем отражаются основные черты его характера и убеждений. Он жалуется, что анархисты недостаточно предугадали то, что «подготовлялось 30 лет», недостаточно оценили «силы социал-демократического централизаторства» и не умели объединиться для борьбы с ним. Таким образом Кропоткин считает русский коммунизм прямым детищем плехановского марксизма и в то же время думает, что анархизм мог бы изменить ход истории, еслиб отличался большей проницательностью и организованностью. Далее. Он «глубоко *верит* в будущее», в то, что профессиональное движение «в течение ближайших 50 лет» сможет «приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества». Он «верит» также, что «творческим ядром коммунистической жизни» окажется «*русское крестьянское* кооперативное движение». И, наконец, он «верит», что, «разбившись на малые государства, народы начнут вырабатывать в некоторых из них безгосударственные формы жизни».

Во всем этом ярко сказывается неисправимый утопист-идеалист, так же, как и в первой части письма, из которой мы узнаем, что в своем затворничестве Кропоткин перед смертью вернулся к основному интересу своей жизни, к вопросу о нравственности, при чем он надеется, что теоретической разработкой этого вопроса он окажет влияние на практическую жизнь. «Я знаю, что не книги создают направление, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли в обширно разработанной форме... Такой разработки теперь, когда люди бьются между Ницше и Кантом... надобность чувствуется *неотложная*» (Курсив Кропоткина. Б. Г.).

Так, незадолго до смерти, почти на 80-м году в Кропоткине выявились с полной силой те основы, которые заложены были в нем с самого начала его сознательной деятельности: «просветительство» шестидесятников и «вопросы совести», так волновавшие семидесятников.

Б. Горев.

НА ЗАПАДЕ.

I.

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ.

По поводу одной книги).

(Письмо из Берлина).

Один из чеховских героев говорит про себя, что он не может подметить в своей жизни и деятельности того, что можно было бы назвать богом живого человека. Это, несомненно, применимо к западноевропейской литературе настоящего времени, в которой труднее всего найти руководящую идею, ту idée-maitresse, которая являлась бы характерной для данной эпохи, которая наложила бы свою печать на нее.

Больше, чем когда бы то ни было, можно определить настоящее положение дел, как литературный разброд, являющийся отражением того хаоса, который царит в политической и социальной жизни Запада. «Бездна призывает бездну».

Но всматриваясь внимательно в этот хаос, можно подметить некоторые характерные черты. Об одной из них мы и хотим поговорить сейчас.

Это — разочарование в современной европейской культуре. «Культура» «цивилизация» были до сих пор одними из тех немногих могущественных слов, за которыми в представлении среднего европейца скрывалось нечто весьма неопределенное, но внушающее благоговейный трепет, исключавший всякую возможность критики.

Во имя этой культуры-сфинкса сжигались дотла целые селения, разорялись целые области, истреблялись люди многими тысячами... Чтобы приобщить к европейской культуре «варваров» европейские культур-трегеры, вооруженные до зубов, проникали в «дикие» страны, предавая все на своем пути огню и мечу. Перефразируя известный афоризм Ларошфуко, можно было бы сказать, что «культура есть та дань, которую в современном обществе порок платит добродетели». Так называемая «великая европейская война» велась также во имя европейской культуры. Во имя спасения той же культуры проводилась блокада советской России, финансировались Колчаки, Деникины, Юденичи, Врангели, производились союзнические десанты, устраивались «проволочные заграждения»...

Несомненно, что во всех этих воплях о спасении европейской культуры было много сознательного лицемерия, но с уверенностью можно сказать, что гипноз этого слова был очень велик...

И вот в хаосе современной литературы начинает все яснее пробиваться критическое отношение к этому божку современного европейца — культуре. Своеобразное идолопоклонство, процветавшее в XIX и начале XX столетия, отживает свой век. Гипноз слова проходит. Чаще и громче раздаются голоса, утверждающие, как в Андерсеновской сказке, что «король наг». Что великолепная парчевая одежда существует только в воображении.

Как объяснить этот поворот? Огромную роль в этом отношении сыграл большевизм. Движение, окончательно порвавшее с прошлым, произведшее радикальную переоценку всех ценностей, всколыхнуло не только Россию, но и весь мир.

Здесь мне хотелось бы остановиться на вызвавшей живой интерес книжке кн. Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (Русско-Болгарское издатель-

ство. София 1921 г.). Автор ее, в настоящее время приват-доцент Софийского университета, в политике придерживается явно реакционного образа мыслей, как это видно из предисловия, написанного им к известной книге Уэльса «Россия во мгле» (Росс.-Болг. изд.).

Книгу Н. С. Трубецкого можно свести к следующим тезисам:

Во-первых, так называемая «европейская культура» есть не что иное, как культура западно-европейских народов.

Во-вторых, эта «европейская» культура ничуть не выше других неевропейских народов, в частности культуры т. наз. «дикарей».

В-третьих, полное приобщение одного народа к культуре другого невозможно.

В-четвертых, если бы такое приобщение было возможно—оно было бы нежелательно.

Мы не будем здесь останавливаться на разборе книжки кн. Трубецкого. Сама по себе книга эта, с ее казуистикой и схоластическими приемами, с научной точки зрения не представляет большого интереса. Но самый факт ее появления в настоящее время и то живое обсуждение, которое поднялось на столбцах газет по поводу ее появления, является весьма симптоматичным. Автор сообщает в предисловии, что он больше десяти лет носился с высказываемыми им в этой книжке идеями, не решаясь их опубликовать. И не подлежит никакому сомнению, что если бы «Европа и человечество» появилась в печати несколько лет тому назад, ее обошли бы молчанием или упомянули о ней, как о бреде сумасшедшего. И только сейчас, когда под влиянием событий в советской России, на-ряду с грандиозной ломкой в политическом мире, происходит решительный сдвиг психологии не только в России, но и на Западе, возможна книга, где европейская культура признается равноценной культуре бушмена, ботокуда или веддаса.

Не менее симптоматичным является тот интерес, который вызывают на Западе «Скифы», особенно Блок. Достаточно сказать, что по имеющимся у нас без сомнения неполным сведениям имеются три итальянских перевода «Двенадцати» и «Скифов», два французских, два немецких и один английский, не считая переводов на латышский, литовский и древнееврейский языки.

А в большой статье «The new tendencies of the Russian Thought», отмеченной и в немецкой прессе и помещенной в литературном приложении к «Times» от 20-го января с. г., автор уверяет, что главной чертой современной русской литературы является «скифство». Автор статьи приводит полностью довольно, впрочем, плохой перевод «Скифов» Блока и указывает на то, что это стихотворение открывает новую эпоху в русской литературе. «Скифство» есть своего рода синтез славянофильства и западничества. По мнению «скифов», Россия—отдельная часть света, мост между Европой и Азией. И только Россия может спасти Европу, только она может примирить Восток и Запад.

Кроме «скифства» автор статьи видит еще два момента в современной русской литературе: преклонение перед пролетариатом и религиозно-мистическая идея распятой России—спасительницы мира.

В подтверждение приводится ряд отрывков из «Двенадцати» и «Христос воскрес».

Что касается политических тенденций Блока, Белого и др., то автор их считает большевистски настроенными. Мнение некоторых органов эмигрантской печати, считающих «Двенадцать» антибольшевистским произведением, написанным из цензурных соображений эзоповским языком—автор решительно отвергает как совершенно нелепое—«quite absurd». Несмотря на это, отношение его к «Скифам» скорее положительное. Он признает Блока и Белого крупными поэтами, а «скифство»—новой эпохой в русской литературе, при чем уклончиво добавляет «положительной или отрицательной—этого я не касаюсь». Такое отношение со стороны сотрудника самого большого *консервативного* органа печати в Англии к писателям, которых он сам признает сочувствующими большевизму—весьма характерно для того «культурного кризиса», который намечается сейчас на Западе.

Мы совершенно не касаемся вопроса, насколько верна характеристика «Скифов», сделанная английским критиком. Но мы не можем не признать, что с своей точки зрения автор статьи «The

new tendencies of the Russian thought» совершенно прав. Ведь в сравнении с кн. Трубецким, уверяющим, что культура европейца равноценна культуре дикаря, и призывающим к освобождению от нее, или даже в сравнении с Освальдом Шпенглером, констатирующим в своей нашумевшей на Западе книге «Der Untergang des Abendlandes» гибель европейской культуры—«скифы», несмотря на свое «страшное» имя, представляют весьма умеренное течение. Ибо разве не чувствуется в «Скифах» Блока Достоевский с его страстной любовью—ненавистью к Европе? И разве у Белого не умирает на кресте распятая Россия, чтобы своей кровью спасти Европу?..

«Скифы» протягивают руки европейцам:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно—старый меч в ножны.
Товарищи! Мы станем братья!
. . . . . .
В последний раз—опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира.
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

И на Западе самые прозорливые умы чувствуют, что старая мудрая Европа гибнет от дряхлости. Они взирают с надеждой и страхом на Восток, откуда должно притти новое слово. Новое дуновение, которое вдохнет жизнь в умирающий организм. Не даром же Освальд Шпенглер, убежденный консерватор, автор «Preussentum und Sozialismus», видит в России носительницу будущего.

И невольно вспоминается Бодлеровский король, умирающий в своей роскошной постели.

...Le savant qui lui fait de l'or n'a jamais pu
De son être extirper l'élement corrompu.
Et dans ces bains de sang qui de Romains nous viennent,
Et dont sur leurs vieux jours les puissants se souviennent,
Il n'a pu réchauffer le cadavre hébété,
Où coule au lieu du sang l'eau verte du Léthè.

(Ch. Baudelaire. «Fleurs du Mai»).

Берлин. 1921 г.

С. Ратомский.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

В Берлине вышли «Воспоминания» **Э. Барта,** одного из «народных уполномоченных». Автор рисует картину нарастания революционного движения в Германии и калейдоскопическую смену режимов Гогенцоллерна, социалистической коалиции и Шейдемана. Вышедший после монархической авантюры в Берлине в отставку **Носке** также издал воспоминания: «От Киля до Каппа».

■ ■ **Шейдеман** выпускает книгу своих воспоминаний под названием «Катастрофа».

■ ■ Вышла книга **Э. Бернштейна** «Из годов моего воспоминания»: в ней любопытные данные о жизни его в Англии, о встречах с Марксом и Энгельсом и проч.

■ ■ Баварской академией наук включено в состав издания «Источники германской истории XIX века» полное собрание сочинений **Лассаля,** редактируемое др. **Густавом Майером.**

■ ■ Издательством „Форвертс" выпущен второй том компендиумов социализма, посвященный жизни и деятельности **Лассаля.** Первый том этого издания посвящен **Карлу Марксу** и его учению. Оба тома составлены и редактированы Францем Дидерих. Целью этих компендиумов является показать отдельными местами из произведений и писем великих творцов социализма те пути, которыми шли они в своей работе, выяснить их личность. Новый труд о Лассале состоит из шести больших частей. В первой выясняется революционная деятельность Лассаля; здесь обрисован молодой Лассаль, который сам о себе говорил, что четырнадцати лет он был революционером, а в семнадцать—решительным социалистом. Во второй части собраны мысли Лассаля о государстве, конституции, демократии. Следующие три части посвящены работе Лассаля, как организатора, тактика и организатора немецкого рабочего движения за время 1863—1864 г.г. Эти части особенно интересны обилием материала, заимствованного из писем Лассаля к рабочим и партийным товарищам. Последняя часть заключает теоретические воззрения Лассаля по историко-философским вопросам. К книге приложен библиографический указатель работ Лассаля.

■ ■ Вышла книга **Е. Драна,** представляющая собой исчерпывающий «Путеводитель по письменности германского социализма».

■ ■ **Г. Мейер** выпустил книгу: «Ф. Энгельс в ранние годы 1820—1851 г.г.»

■■ Вышла новая книга **Кунова,** I том большого исследования «Учение Маркса об истории, обществе и государстве». Первые 9 глав из 12-ти излагают развитие социологических представлений от древности до Гегеля. „Vorwärts" замечает, что автор научно-критически относится к Марксу и высказывается за государственное начало.

■■ В конце 1920 г. вышел первый ежегодник германской независимой партии, посвященный вопросам политики и пролетарской культуры, под названием **„Революция".** Книга содержит 40 статей, в том числе Гаазе, Гильфердинга, Каутского, Деймига и др.

ВОЙНА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ.

■■ Вышел новый роман **Ромэн Ролана** „Клерамбо, история одного свободного сознания во время войны". Это история старого человека, опьяненного шовинизмом и благословившего сына на войну. Но война излечила его: „когда сын умер,—говорит старик,—я ему закрыл глаза, а он мне открыл их".

■■ Издательством Георга Мюллера выпущен новый роман **Ганса Эверса** „Вампир", составляющий записки и впечатления автора об империалистской войне.

■■ В Англии пользуются успехом у социалистической критики новые антимилитаристические стихи **Уэльфрида Оуэна.**

■■ Из числа романов, отражающих империалистскую войну, выделяется роман поэтессы **Марии Евгении Делла Грацие** „Человек" Основной идеей романа является доказательство безнравственности войны.

■■ В Германии вышла **„Книга 256-й пехотной дивизии",** в которой ряд участников войны дает описание своих переживаний, из которых они вышли убежденными пацифистами. Критика считает эту книгу равной по силе убеждения „Огню" *Барбюса.*

■■ Недавно умерший поэт **Рихард Демель** издал перед смертью книгу своих впечатлений о войне: „Между народом и человечеством".

■■ В Берлине открылась интересная выставка работ художников пролетариев, объединенных общей идеей **„Война войне".** На выставке представлен ряд графических работ художников, имеющих и европейское имя, так, напр., Кете, Кельвин, Генриха Фоглер-Борисведе и др. Очень интересны литографии Михаэля Биро, изображающие ужасы погромов Хорти в Венгрии. На выставке ежедневно читаются лекции на темы по борьбе с милитаризмом.

ЗА ГРАНИЦЕЙ О БОЛЬШЕВИЗМЕ.

■■ Советский строй вызывает к себе внимание, проявляющееся в литературе. За 1920—21 год появилось только на немецком языке около 120 книг общего характера о России и 30 слишком определенно антибольшевистского. Пишут немецкие ученые и социалисты, пишут русские социал-патриоты, пишут и бывшие русские сановники и генералы. Вышли в свет: **Отто Бауэра**—«Большевизм или социал-демократия», **Эльцбахера**—«Большевизм и немецкая будущность», **Гильфердинга**—«Против Московской диктатуры», **Антона Паннекука** — «Мировая революция и коммунистическая тактика». *Его же*—«Большевизм и демократия» и ряд других. Взялся за перо даже Вильгельм II—подготовляет книгу о большевизме: «Ежедневно он,—сообщает «Юманите»,—диктует три больших страницы своему секретарю, выстукивающему их на пишущей машине. Передают, что работа очень подвинулась вперед, но неизвестно, издаст ли ее автор».

■■ *На английском языке* вышли: книга **Постгейта**—«Теория большевизма», том в 258 стр.; **Б. Росселя**—«Практика и теория большевизма». Последняя книга вызывает большое сочувствие буржуазной критики, считающей ее первым философским проникновением в русскую революцию. «Большевизм, в качестве социального феномена,—пишет Россель,—должен рассматриваться как религия, а не как обыкновенное политическое движение. Под религией же я понимаю сумму верований, принятых как догмы, господствующих над линией жизни, идущих поверх или против очевидности, и вводимые методами, которые эмоциональны или авторитарны, но не интеллектуальны».

■■ *На итальянском* языке вышла книга **Оливетти** «Большевизм, коммунизм и синдикализм».

■■ Делаются даже опыты художественного истолкования большевизма в духе Мережковского. Много шуму в Париже наделал роман «Поцелуй Антихриста», герой которого должен изображать одновременно и императора Вильгельма, и Ленина. Все ужасы войны и все происходящее в России автор приписы-

вает Антихристу. Автором романа является некий **Леви-Мирецуа**, французский дипломат, увенчанный премией французской академии.

■■ В «Mercure de France» помещена статья некоего **Кесселя**, в которой автор пытается изобразить Достоевского, как предтечу большевизма. Путем анализа «Братьев Карамазовых» и «Преступления и наказания» Кессель отыскивает основные черты русского духа и русского национального характера, которые, по его мнению, соответствуют выявившимся в большевизме основным чертам русской идеологии.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ЗА ГРАНИЦЕЙ.

■■ Русская литература и русское искусство вызывают за границей все растущий интерес. Произведения и наших классиков и современных писателей пачками переводятся на английский, французский, итальянский, скандинавские и особенно немецкий языки. Так, немецким издательством Книпенгейера выпущено роскошное издание «Шинели» **Гоголя** в новом переводе Феликса Габера с двенадцатью оригинальными литографиями Вальтера Граммате.

■■ Издательством Пауль Кассирер выпущена «История моего современника» **В. Короленко** в переводе Розы Люксембург. В том же издательстве вышел роман некоего **Виктора Панина** «Час испытания», изображающий жизнь современной России.

■■ Издательством «Инзель Ферлаг» выпущены новые переводы произведений русских писателей, в том числе: «Неточка Незнакова» — **Достоевского**, рассказы **Толстого**, «Стихотворения в прозе» — **Тургенева** и «Тарас Бульба» — **Гоголя**.

■■ В Лондоне вышел сборник современной русской поэзии в переводе **П. Сельвера**. В антологию эту включены стихи Бальмонта, Блока, Брюсова, Бунина, Зин. Гиппиус, Мирры Лохвицкой, Мережковского, Минского, Сологуба и Вл. Соловьева. Переводам предпослано предисловие, содержащее сжатые, яркие характеристики каждого из перечисленных поэтов.

■■ В Дрездене образовалось русско-немецкое издательство «**Восток**», ставящее своей целью издание как произведений русских писателей в немецких переводах, так и русских переводов новейшей немецкой литературы.

■■ В одном из последних номеров мюнхенского журнала «Новый Меркурий» помещена обширная статья **Вальтера Гартманна** о русской пролетарской революционной поэзии.

■■ В Лейпцигском городском театре состоялось представление «Екатерины Ивановны» **Леонида Андреева** с артисткой Линой Карстенс в заглавной роли.

■■ В Германии вышли книги **Галло** «Старорусское искусство» и **К. Уманского** «Новое искусство в России» с предисловием **Цана**. В последней книге дается очерк развития новейших течений в живописи в России уже в советскую эпоху, включая имажинизм; указывается, что современные искания художников в России достигают более буйных форм, чем в Европе.

■■ Итальянское издательство «Голос» в серии своих художественных изданий выпустило «Старорусское искусство».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

■■ «В течение уже нескольких лет **Герхардт Гауптман** работает над новым эпическим произведением, написанным терцинами, которое называется «Великая мечта» (Der grosse Traum). В произведении, которое пока не предназначено для опубликования, отражается в видениях и фантазиях культурное развитие человечества. Одну песнь из своего произведения поэт читал 8 января в Берлине в большом зале филармонии в пользу германского общества помощи детям.

■■ На первомайском торжестве Берлинского народного театра будет впервые поставлена пьеса убитого баварского революционера **Курта Эйснера** — «Испытание богов». Эта пьеса была начата автором в тюрьме еще в 90 годы и закончена во время его последнего сидения в крепости в 1918 г.

■■ **Сара Бернар** выступила впервые в качестве романистки, издав первое свое литературное произведение «Маленький идол».

■■ Издательством Гретхен выпущен роман **Крафта** «Баррикады», в котором изображена жизнь Рихарда Вагнера, с 1842 по 1849 г.г., между прочим и участие его в революции 1848 г. Роман этот является первой частью задуманной автором биографической трилогии «Роман Рихарда Вагнера».

■■ Вышел новый роман **Келлермана** «Девятое января», посвященный Германской революции.

К юбилею Данте.

— Итальянский министр народного просвещения Бенедетто Кроче должен представить законодательным палатам проект закона о государственной финансовой поддержке в связи с предстоящим празднованием *шестисотлетия со дня смерти* **Данте** (14 сентября 1921 г.). В частности государство окажет материальную помощь при издании крупного критического издания сочинений Данте, для которого средства ассигнованы уже законом, принятым в 1914 году, а также при устройстве лекций и докладов обществом Данте, которые будут устроены во Флоренции и в других городах.

— Для организации и проведения предстоящего в сентябре 1921 г. шестисотлетия со дня смерти **Данте** в Берлине образован особый комитет под председательством пр. Гарнака и в составе следующих лиц: Гергардта Гауптмана, Гуго фон-Гофмансталя, Макса Осборна и др. представителей литературы и науки.

Самая старая газета в мире.

— Самой старой газетой в мире является китайская газета «*Кинг-зое*», которая в непродолжительном будущем празднует свой тысячелетний юбилей. Она появилась в 921 году. Ее первый номер сохраняется в Пекине, как и номера последующих годов.

Внешний вид газеты со времени ее основания совершенно не изменился: последний номер имеет такую же внешность, как и первый.

РУССКИЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА ЗА РУБЕЖОМ.

Широкий размах приобретает за рубежом и русское издательское дело, главным образом, на немецкой почве. В Берлине изданы статьи **Иванова-Разумника, Е. Лундберга, Штейнберга** «От февраля по окт. 1917 г.», **Майорова** «Земля и Воля». В ближайшем будущем издательство «Скифы» те же книги предполагает издать на немецком, французском и английском языках.

В Берлине же с октября 1919 г. образовалось медицинское издательство «**Врач**», выпустившее в свет несколько очень солидных руководств по разным отраслям медицины.

В Лейпциге возобновили свою деятельность по изданию учебных руководств и пособий «**Сотрудник**» и «**Пироговское товарищество**».

Из других издательств отметим: Российско-Болгарское книгоиздательство в Софии, выпустившее и печатающее ряд книг: **Уэльса** «Россия во мгле». **Милюкова** «Историю второй Российской Революции», **П. Струве** «Размышление о русской революции» и др. Издательство «Северные Огни» в Стокгольме, издающее вперемежку учебники **Виноградова** по древней истории, басни **Крылова**, рассказы **С. Лагерлеф**; издательство в Париже «Север», напечатавшее «Новую русскую хрестоматию», под ред. **И. А. Бунина**. «Песнь о Гайавате» **Лонгфелло**, «Русский опыт» (историко-психологический очерк русской революции) **П. Рысса** и несколько др. книг.

ИЗДАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ.

В заграничной прессе произошел обмен письменными любезностями между двумя известными русской литературе деятелями: издателем гр. Гржебиным и писателем гр. Мережковским. Не вдаваясь в рассмотрение возникшего между ними спора, не прилагая никаких комментариев (оставим это любителям истории), приводим оба письма полностью:

«Прошу вас, господин редактор, поместить мое опровержение:

Мережковский продал мне свои избранные сочинения в 1918 г. и тогда же получил деньги, которые в переводе на иностранную валюту не 50 фр., как подсчитал автор заметки, а 15000 фунтов стерлингов или на франки 75.000. Автор ошибся только в 15.000 раз.

Уголовщину следует усмотреть совсем с другой стороны.

Немедленно по продаже мне своих сочинений и по сие время Мережковский снова продает те же сочинения другим издательствам. Пытался он продать и Государственному Издательству, которое переслало мне весьма пикантное письмо. Заверенная копия этого письма имеется у меня.

Гиппиус продала мне свои стихи также в 1918 г. (когда советских денег еще не было), деньги получила, а материал не сдала.

Куприн продал мне свои сочинения, уже ранее проданные другому издательству.

Что касается Ремизова, то надеюсь, что он, когда узнает о помещенной вами заметке, сумеет лучше опровергнуть клевету.

По поводу рассуждения автора заметки о юридическом положении моего издательства, считаю необходимым отметить, что издательства в России не национализированы и на-ряду

с моим издательством продолжают существовать из-ва Сабашниковых, Мир, Светозар, Алконост, Начатки знания, Былое, Задруга и др.».

З. Гржебин.

М. Г.

По поводу письма г. Гржебина, напечатанного в № 1 ж. «Русская книга», я считаю нужным заявить следующее:

Гржебин обвиняет меня в том, что я продаю другим издателям те из моих сочинений, которые я уже продал ему, и усматривает в этой чуть ли не «уголовное преступление».

Не касаясь вопроса, в какой мере применимы юридические понятия купли и продажи к сделкам, которыми Советская власть и разные спекулянты вымогали у русских писателей, находившихся в условиях нечеловеческих, право на издание их сочинений (при совершенной к тому же неясности, все или не все издательские права национализированы в Совдепии),—я заявляю: обвинения г. Гржебина—ложь и клевета, за которые я привлеку его не только к суду общественного мнения, но и к судебной ответственности, едва только явится возможность представить документы и свидетелей, которые сейчас находятся в России, и на которых я, по причинам слишком понятным, не могу сослаться.

Накануне бегства моего из России я отправил г. Гржебину письмо, копия которого находится в верных руках. Письмо будет опубликовано в тот момент, когда оно не повредит лицам, могущим подтвердить данные, в письме сообщаемые.

Лицам этим известно то, чего, конечно, и г. Гржебин не мог забыть: понимая сам юридическую ценность заключенных им со мной «договоров», он сначала предлагал мне «выкупить» у него проданное; затем говорил о заключении нового договора, с признанием первого недействительным, но, в конце концов, от этого отказался.

Что касается суммы, за которую были куплены книги мои г. Гржебиным, то она равняется 60 тыс. керенок. Если принять за единицу 1 фунт. черного хлеба, стоивший тогда около 300 руб., то можно рассчитать с полной точностью: почти треть всего, что было мною написано в жизни, г. Гржебин купил за *5 пуд. ржаной муки*. Ни на каком рынке, ни по какому курсу стоимость этих 5 пуд. не может, конечно, равняться фантастическим цифрам (75 тыс. франк., 15 тыс. фунт стерлинг.), приводимым г. Гржебиным. Столь „планетарная“ и, очевидно, не случайная ошибка в расчете позволяет судить о правдивости всех его обвинений, мне предъявляемых.

В заключение напоминаю г. Гржебину, что даже «купленные» у меня книги он по «договору» имеет право издавать только в пределах России, а отнюдь не за границей.

Примите и проч.

Д. Мережковский.

ПО РОССИИ.

В Петербурге.

«Дом Искусств» возник осенью 1919 г. Во главе «Дома Искусств»—**М. Горький.** В Совете по литературной части—А. Блок, Н. Гумилев, Е. Замятин, В. Азов, А. Е. Кауфман, А. Я. Левинсон, Вас. Немирович-Данченко, С. Ф. Ольденбург, А. Тихонов, К. Чуковский, по художественной—Алекс. Бенуа, Альберт Бенуа, М. Добужинский, Н. Альтман, Ю. Анненков, К. Петров-Водкин и др.

Деятельность «Дома Искусств» началась с закрытых вечеров по пятницам, на которых члены «Дома» читали свои новые произведения. Так, на первых же пятницах К. Чуковским была прочитана статья «Ахматова и Маяковский», Е. Замятиным рассказ «Ловец человеков». Позже по пятницам происходили концерты. Были затем организованы публичные вечера и лекции по понедельникам. На этих вечерах М. Горький читал свои «Воспоминания о Толстом», А. Ф. Кони—воспоминания о Тургеневе, Толстом и Достоевском; Андрей Левинсон «О Западной литературе наших дней». Ряд понедельников был посвящен современной поэзии.

Состоялось также несколько публичных диспутов. Интереснейшими из них были «Поэт и чтец» («Трубадур и жонглер»)—докладчик Вл. Пяст; «Перелом в современной поэзии»—докл. Н. Оцуп. «Пути народного театра»—докл. С. Радлов; «Надпись и узор»—докл. В. Шкловский.

Художественный отдел «Дома Искусств» устроил выставки произведений В. Д. Замирайло, Альб. Н. Бенуа, М. В. Добужинского,

В. М. Кустодиева. К. С. Петрова-Водкина, вечер, посвященный памяти П. Чистякова, и лекцию К. С. Петрова-Водкина «Искусство видеть».

При «Доме Искусств» существует *Литературная студия.*

В 1921 г. «Дом Искусств» издал № 1 журнала «Дом Искусств».

■■ **«Дом литераторов»**, возникший осенью 1918 г. с целью оказания помощи нуждающимся литераторам. С января 1920 г. приступил к культурной деятельности. Началом ее послужил вечер, устроенный 22 января и посвященный памяти жертв 9 января А. Герцену. С того времени было прочитано ряд докладов по истории революционного движения в России; литературных лекций о Пушкине, Достоевском. Лескове, Одоевском, Выспянском и др., лекции по вопросам философии, истории и социологии, с участием в качестве лекторов: А. Ф. Кони, Е. В. Тарле, Н. Котляревского, П. Е. Щеголева и др.

Оригинальной формой литературных вечеров явились «Живые Альманахи». Здесь авторы выступали со стихами, рассказами, критическими статьями, фельетонами и даже рецензиями. Таких «Альманахов» состоялось 12: при участии В. Азова. А. Амфитеатрова, А. Блока, С. Городецкого, А. Измайлова, А. Ремизова, К. Чуковского, В. В. Шишкова и др.

Под руководством Е. М. Браудо, было устроено 50 концертов русской и иностранной музыки. С начала 1921 г. «Дом литераторов» состоит в ведении Комиссариата Просвещения, получает от него субсидию и представляет собою культурно-просветительное учреждение.

Во главе «Дома литераторов» комитет из 20 лиц: В. Азова, А. Амфитеатрова, А. Блока, Б. Бентовина, Н. Волковыского, А. Ганзена, И. Гиллера, Н. Гумилева, Ф. Зелинского, В. Ирецкого, Е. Карпова, А. Кауфмана, А. Кони, Н. Котляревского, Е. Летковой-Султановой, В. Немирович-Данченко, А. Ремизова, А. Редько и Б. Харитона.

■■ **Союз писателей.** Петроградский отдел всероссийского профессионального союза писателей возник на общем собрании членов-учредителей 4 июля 1920 г. На этом собрании было выбрано временное правление, под председательством А. Л. Волынского. Первоначальная работа правления была направлена в сторону улучшения тяжелого материального положения многих членов союза.

На одном из общих собраний в октябре было избрано постоянное правление в составе: А. Л. Волынского (председатель), Н. Л. Волковыского (тов. председателя), В. Я. Ирецкого (секретарь), А. В. Ганзен (казначей), А. А. Блока, М. Горького, Л. Я. Гуревич, Евг. Замятина, А. Н. Тихонова, К. И. Чуковского и Вяч. Шишкова. Кандидатами избраны: П. К. Губер, В. А. Мазуркевич и Викт. Шкловский. В суд чести, образованный при союзе, вошли А. А. Блок, А. Ф. Кони, В. С. Миролюбов и В. Д. Комарова (Вдов. Каренин).

Союз писателей насчитывает в настоящее время около 200 членов.

■■ **Союз поэтов** организовался в конце июня 1920 г. при участии: А. А. Блока, А. Белого, Н. С. Гумилева, М. Л. Лозинского, Н. А. Оцупа, Н. А. Павловича, В. Я. Рождественского и К. А. Эрберга. Особой деятельности пока не проявил: организовал 5 вечеров стихов в «Доме Искусств.»

В Москве.

КОМИССИЯ Ц. К. Р. К. П. ПО УЛУЧШЕНИЮ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА В Р. С. Ф. С. Р.

Комиссия под председательством т. Троцкого по улучшению печатного и издательского дела, организованная при Ц. К. Р. К. П., при участии представителей В. Ц. С. П. С. Наркомпроса, Главполитпросвета, Центропечати, Коминтерна, Госиздата, Главбума, Полиграфического отдела, Пура, петроградских и московских газет и др. заинтересованных учреждений, разработала ряд мероприятий, направленных к упорядочению печатного дела.

Констатируя недостаток бумаги, комиссия постановила поддержать ходатайство Бумбюро перед С. Н. К. о срочной закупке бумаги за границей. Но ввиду того, что бумажный кризис будет изжит еще не скоро, комиссия наметила ряд мер для срочного исполнения наиболее целесообразного использования наличности нашего бумажного запаса и тех количеств бумаги, которые будут производиться и получаться в ближайшее время. Кроме того, комиссия разработала план правильного распределения печатного материала.

Постановлено улучшить технику печатания, уменьшить число выпускаемых изданий и тираж их, слить «Петроградскую Правду» и «Известия Петроградского Совета» в один орган—«Правду», так-же поступить с «Крас-

ной газетой» и «Маховиком», одной газетой заменить «Москоммуну», «Продовольственную газету» и «Трудовой путь». Комиссия вынесла ряд постановлений и по вопросам, касающимся содержания органов печати. Так, «Известия В. Ц. И. К.» должны в соответствии с своим назначением, более широко освещать советскую жизнь в центре и на местах, пользуясь местной печатью, разъездными и местными корреспондентами; редакции «Правды» предложено широко освещать местную партийную жизнь. Для этого предложено местным исполкомам давать не реже одного раза в месяц фактический материал «Известиям В. Ц. И. К.», местным губкомам—«Правде». Комиссией признано необходимым упорядочить в изданиях отдел телеграфных известий, устраняя бессодержательные, растворяя часть их в статьях и обзорах, придавая им точную и сжатую формулировку.

Комиссия, признавая важным развитие профессиональной прессы и сохраняя кроме «Гудка» и «Труда» до 50 профессиональных органов, установила однако норму для изданий губпрофсоветов—не чаще раза в месяц, в 32 страницы.

«Росту» предложено комиссией реорганизовать в орган, оказывающий содействие периодической печати во всех отношениях, в особенности в смысле освещения жизни на местах и в смысле снабжения мест по радио руководящими статьями из центра.

Большое внимание комиссия уделила деятельности Госиздата, констатировав основной недостаток работы, заключающийся в отсутствии общего плана издательства. Комиссия постановила в самом срочном порядке разработать план издания необходимейших учебников.

Отдельно был рассмотрен вопрос о Петроградском отделении Госиздата. В редакционном и издательском отношениях оно подчиняется руководству центрального управления Госиздата. Принимая во внимание сравнительно богатые технико-издательские средства в Петрограде, Петроградскому отделению Госиздата передается значительная часть печатания элементарных учебников для школ. Заведующий Петроградским отделением должен быть включен в состав Центральной Коллегии Госиздата для установления персонального контакта.

По вопросу о распределении и распространении газет комиссия постановила принять меры к улучшению аппарата экспедиции и развитию сети районных читален. От 5 до 10% тиража газет решено расклеивать на улицах, улучшив самый способ расклейки, признано необходимым возвращение из учреждений до 25% газет в Центропечать для рассылки их по деревням и в армию и т. п.

На последнем заседании пленума комиссии, состоявшемся 15 апреля, между прочим, было постановлено ввести известное число партийных товарищей в работу Центропечати и довести тираж «Бедноты» до 1 миллиона экземпляров, улучшив во что бы то ни стало технику ее печатания.

Из дальнейших работ комиссии следует отметить постановление подкомиссии по рассмотрению производственного плана Госиздата по вопросу о взаимоотношениях издательских отделов ведомств с Госиздатом, а также намеченные перспективы по изданию элементарных учебников для трудовой школы.

Подкомиссия постановила, что ведомства не имеют права своими средствами издавать произведений общего характера; для исполнения своих специальных издательских заданий, они создают, по соглашению с Госиздатом, коллегии, которые работают на правах отделов Госиздата, будучи ему подотчетны.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА.

В конце 1920 г. Лит.-Изд. Отд. реорганизован, привлечены к работе новые силы уже не из спецов, а из числа наиболее выявившихся студийцев I и II литературных студий; из них некоторые вошли в состав коллегий отдела и редакций журналов «Горн» и «Твори», а также приняли участие и в организационной работе секций отдела.

В ноябре мес. открыта Центральная литературная студия для подготовки рабочих писателей в области пролетарской литературы со стороны технической и идеологической. В студии числится 36 студийцев: из них 29 стипендиатов и 7 вольнослушателей. По социальному составу: рабочих—30, крестьян—1, советских служащих и партийных работников—5. Из них коммунистов 32, беспартийных 4.

Постановлением Всероссийского Съезда Пролеткультов студия была передана в ведение Ц. К. Всероссийского Пролеткульта.

Взамен студии организован литературно-творческий кружок. Задачей кружка является объединение творческих сил Пролеткульта в целях выработки и оформления путей и мето-

дов в искусстве с точки зрения пролетарской идеологии. Кружок устраивает доклады, дискуссии, разрабатывает анкеты художественного творчества. Членов числится около 40 человек, по составу: студийцы и работники Пролеткульта.

Вследствие слияния городского и губернского пролеткультов работа отдела распространилась и на губернию. Образованы секции издательская, городская и губернская.

Работа издательской секции: в декабре выпущены ж.ж. «Горн» № 5 и «Твори» № 1. Находится в печати и в непродолжительном времени выходит № 2 и подготовляется к печати № 3. Проредактировано за ноябрь—декабрь мес. около 100 рукописей московских и иногородних авторов.

Работа городской секции: устроен ряд литературных вечеров в центре и по районным рабочим кругам, сопровождавшихся выступлениями пролетарских поэтов и студийцев: в Академии Генштаба, на заводе «Динамо», в клубе при отделе работниц Городского района, на электрической станции и на арене Всероссийского Пролеткульта показательный вечер работы литературной студии; кроме того, по районным рабочим клубам прочитано около 30 лекций и докладов.

Работа губернской секции: велись занятия в литературных кружках при Гучковском и Соколовском Пролеткультах и читались разъездными инструкторами популярные лекции по литературе для рабочих при фабриках и заводах в губернии.

Московским Пролеткультом изданы за 1918—1921 г.г. следующие книги: Сборник пролетарских поэтов («Завод огнекрылый»), **М. М. Герасимова**—«Завод весенний»; *его же* «Монна Лиза» и сборник рассказов—«Цветы под огнем»; **В. Александровского** — «Рабочий поселок», «Север» (сборник стихов); «Восстание» (стихи); **Н. Полетаева** — «Стихи и проза», **В. Плетнева** — «На тихом плесе», **В. Вешнева** — «Пленные»; **Ф. Киселева** — «О штучках поповских и кулаковских».

Кроме того №№ 1—5 журнала «**Горн**» (1918—1921 г.г.), №№ 1—6 «**Гудки**» (1919 г.), №№ 1—2 журнала «**Творн**» (1920—21 г.).

ЛИТО (литературный отдел Наркомпроса), переживший за последнее время процесс реорганизации, опубликовал основные положения своей работы.

Новая художественная литература должна быть пронизана духом современной эпохи. Безусловное к ней требование—художественность и тщательная обработка.

Лито ставит целью учесть и сорганизовать всю живую литературно-художественную силу республики и использовать ее организованно на построение новой литературы.

Все произведения художественной литературы, поступающие в Лито, взвешиваются с художественной точки зрения в литературно-художественной коллегии и одобренные издаются Государственным Издательством или печатаются в журнале Лито.

Произведения неудовлетворительные по своему построению, но в которых здоровая художественная сердцевина, могут быть с согласия автора и при его участии переработаны.

Товарищи рабочие всегда встретят в Лито указания, советы, помощь в их художественных работах и исканиях.

Лито устраивает товарищеские чтения новых произведений с разбором и обсуждением их.

Лито разбивается на подотделы:

1. *Литературно-Художественный* с секциями: а) беллетристики и поэзии; б) детской литературы; в) драматургии; г) редакции литературно-художественного журнала.

2. *Научный* (истории литературы, новое освещение литературных школ, течений).

3. *Связи с литературой Запада и Востока* (переводы на русский язык иностранных художественных революционного периода произведений; отсылка нашей художественной литературы для переводов за границей; связь с иностранными писателями-художниками).

4. *По собиранию произведений народного творчества* за революционное время (частушки, песни, рассказы, пьесы, стихи, поговорки, анекдоты и пр.).

5. *Пролетарской литературы:* художественный журнал «Кузница».

Создаются показательные организации общелитературного художественного образования пролетарских масс (передвижные студии).

В провинции организуются Отделения.

При Лито библиотека-читальня (от 12—4 и от 6—10; по воскресеньям от 12—4; биб-

диотека-читальня исключительно для литераторов; на дом книги не выдаются)

При Лито—литературный клуб. Товарищей рабочих, принимающих участие в литературно-художественной работе, просят записываться в клуб».

Во главе Лито стоит т. **Серафимович**, его заместителем является т. Фалеев. В литературно-художественном подотделе, в секции беллетристики и поэзии работает т. **Скиталец**; в драматургической—т. **Фалеев**, в детской—т. **Серафимович** и т. **Санжарь**. Во главе научного подотдела — **П. Н. Сакулин**. В подотделе связи с литературной Запада и Востока—т. **Фриче**, т. **Гильбо** и секретарем т. **Фрейдель**.

Литературно-издательской коллегией руководит т. **Касаткин**, секретарем т. **Петрова**.

„Художественное Слово“, временник Лито, выходить более не будет, не выйдет и предполагавшийся к изданию № 3. Задуман новый журнал, к организации которого приступлено.

ДОМ ПЕЧАТИ.

Дом Печати в Москве за год своего существования организовал несколько десятков лекций, литературных и театральных вечеров, дискуссий, чтений новых пьес и т. п.

В Доме Печати были прочитаны новые пьесы **А. В. Луначарским, В. Волькенштейном, В. Карпинским, М. Пришвиным, Лацисом, Воеводиным** и др. **А. В. Луначарский** прочитал цикл лекций об «Искусстве и марксизме». Из докладов отметим следующие: **Голдобина**—«О белой печати», **Н. А. Гредескула**—«Об интеллигенции в советской России», **Вяч. Полонского**—«Бакунин на коленях», «Об интеллигенции», **Н. И. Подвойского**—«Творец, гражданин, воин», **В. Маяковского** и **Брика**—«Производственная пропаганда и искусство», **В. Трутовского**—«Ближайшие перспективы советской периодической печати», **Анри Гильбо** — «современный фронт литературы», проф. **Неменова**—«Из впечатлений о Германии», **А. Коллонтай**—«Браки новая мораль», **П. Н. Сакулина**—«Форма и содержание художественных произведений», **К. Чуковского**—«Муравьев и Некрасов», **В. Брюсова**—«О мистике», **П. С. Когана**—«О драматургии Луначарского», **П. Керженцева**—«О театре» **Гроссмана-Рощина**—«Предпосылка социальной революции», **Н. Суханов**—«О диктатуре пролетариата», **П. Воеводина**—«О партийной дисциплине и художественн. творчестве», **Султан-Заде** и **Блюмкина**—«Пробьемы восточной революций», **М. Рейснера**—«О новом человеке» и др. Всего за истекший период было устроено свыше 80 публичных докладов, вечеров и дискуссий. С начала 1921 года один день в неделю посвящается исключительно художественной литературе с обменом мнений после выступлений поэтов и беллетристов. В литературных вечерах принимали участие: А. Белый, В. Брюсов, М. Герасимов, В. Маяковский, Б. Зайцев, Б. Пастернак, А. Блок, Ф. Сологуб, Н. Полетаев, В. Александровский, Н. Казин, В. Кириллов, Н. Ляшко, М. Волков, В. Шершеневич, С. Есенин, А. Мариенгоф, О. Леонидов, В. Федоров, М. Гальперин, Н. Манухина, Р. Ивнев, М. Сивачев, С. Буданцев, И. Антокольский, Марина Цветаева и др. Под кровлей Дома Печати нашли себе приют ряд литературных пролетарских и коммунистических организаций, как-то: секция пролетарских писателей, союз писателей-коммунистов, «Литературный фронт», методологический институт и др.

В конце января с. г. при Доме Печати организовалась Историческая Секция, объединяющая лиц, интересующихся историей печати и желающих активно работать в этой области. Основной задачей секция поставила себе изучение истории печати за время революции, как периодической, так и непериодической, как революционной, так и контр-революционной, выходившей в пределах Р. С. Ф. С. Р. и за ее пределами. На-ряду с основной задачей секция ведет работу по изучению печати и дореволюционной, главным образом, социалистической, легальной и нелегальной.

В секции были заслушаны доклады т. **П. Новицкого** о периодической печати в Крыму за 1919—1921 г.г. и т. **К. П. Новицкого** о прессе Московского Совета.

Живой интерес к истории революционного движения в России побудил секцию выйти из рамок изучения только истории печати, и она организовала несколько собраний, посвященных та-

ким событиям, как смерть П. А. Кропоткина, 40-летие со дня 1 марта 1881 г. На первом из них поделились своими воспоминаниями о Кропоткине с аудиторией **Чертков, Сажин (Росс), Лебедев, Сандомирский** и др.; на втором о террористическом акте 1 марта рассказывала одна из участниц его **А. В. Якимова.**

Кроме того, в закрытом заседании секции был заслушан доклад **Блюмкина**—«Воспоминания террориста», о покушениях левых эс.-ров, на германского посла Мирбаха в Москве и Эйхгорна в Киеве. Состоялись также доклады на историко-революционные темы **В. Карелина, В. Н. Стофеева, Б. Горева, М. Рейснера** и др.

Делами Дома Печати руководит правление, избираемое общим собранием членов Д. П. Членами правления в настоящее время состоят: А. В. Луначарский, В. П. Полонский (пред.), П. С. Коган (зам. пред.), В. Д. Виленский-Сибиряков, Натан Альтман, О. С. Литовский, И. Г. Коган, Б. Ф. Малкин, Н. Венгров, В. Кириллов, В. Брюсов, К. И. Ландер, П. Н. Кубиков, Е. П. Херсонская, А. К. Минченко.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Н. ЛЕНИНА.

Согласно постановлению 9-го Съезда Р. К. П. Государственное Издательство приступило к изданию собрания сочинений Н. Ленина (В. Ульянова). Все, что написано и напечатано В. И. до 1921 года, составит XIX томов большого формата (от 20 до 25 листов каждый). По выработанной схеме намечено следующее содержание XIX томов: т. I—Первые шаги рабочего с.-д. движения 1894—1899 гг.; т. II—Экономические этюды и статьи 1897—1899 г.; т. III—Развитие капитализма в России. т. IV—«Искра» 1900—1903 гг.; т. V—Борьба за партию 1901—1904 гг.; тт. VI, VII и VIII—Первая русская революция 1905—1907 гг.; т. IX—Аграрный вопрос (статьи и исследования 1899—1913 гг.); т. X—Марксизм и эмпириокритицизм; т. XI.—Годы контр-революции (1908—1911 гг.); т. XII—Новый подъем (1912—1914 гг.); т. XIII—Война 1914—1916 гг.; т. XIV—Буржуазная революция 1917 г.; т. XV—Пролетариат у власти (1917—1918 гг.); т. XVI—Пролетариат у власти (1919 г.); т. XVII—Пролетариат у власти (1920 г.); т. XVIII—Пролетариат у власти (1921 г.); т. XIX—Национальный вопрос.

Подготовка к печати всего этого материала возложена на Комиссию, в составе которой: Л. Б. Каменев, Н. Н. Овсянников, К. П. Новицкий, В. А. Панов. Общая редакция всего собрания сочинений В. И. лежит на Л. Б. Каменеве. Государственное Издательство приступило уже к реализации намеченного плана издания. Первым вышел IV том («Искра» 1900—1903 г.г.), подготовленный к печати В. А. Пановым и снабженный им же интересными примечаниями. В дни заседаний X партийного Съезда вышел из печати XIV том (часть I), заключающий в себе статьи В. И., напечатанные в «Правде» и «Солдатской Правде» в течение марта—июня 1917 года. Первая часть XIV тома охватывает интереснейший период февральской революции, период подготовки и организации сил революционного пролетариата при господстве коалиции, социал-соглашателей и буржуазии для свержения режима, поддерживавшегося пресловутой системой «сотрудничества классов». В 110 статьях, составляющих содержание I части XIV тома (от февральского переворота до июльских дней), отражены все изгибы страстной и кипучей борьбы революционного авангарда в рядах рабочего класса с соглашательскими иллюзиями мещанского мелкобуржуазного социализма. Здесь же с пророческой прозорливостью намечены этапы дальнейшего развития великой революции и ее конечная цель—переход власти к Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов. Собранные в один том статьи В. И. представляют большой интерес как для историка нашей революции, так и для широкого читателя. Материал для I части XIV тома собран и подготовлен к печати К. П. Новицким (К. Петровиным) и Н. Н. Овсянниковым. Во II часть XIV тома войдут статьи В. И., напечатанные в «Правде», «Пролетарии», «Рабочем и солдате», в «Рабочем Пути» и других большевистских газетах, заменивших «Правду» после июльского разгрома. Вторая часть XIV тома, уже набранная, охватывает период от июльских дней до Октябрьской революции. Примечания к XIV тому написаны К. П. Новицким и В. А. Пановым под редакцией Л. Б. Каменева. В. А. Пановым подготовляется к печати VI том, в который войдут статьи из газет «Вперед» и

«Пролетарий» (1905 г.). На днях сдан в набор XIX том—статьи по национальному вопросу, подготовленный к печати под редакцией тов. И. Сталина и Л. Каменева.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ.

Летом 1920 г. по инициативе группы политических деятелей, принимавших участие в строительстве и боевой работе Красной армии, возникла под председательством **Н. П. Подвойского** коллегия, в которую вошли представители от профессуры и слушателей академии генерального штаба. Эта коллегия решила издавать сборники под общим заглавием: «Красная армия и Красный флот» в революционной войне советской России 1917—1920 г.г. По мысли редакционной коллегии, в ее задачи входило, с одной стороны, подвести научные итоги истории организации Красной армии с другой—дать широким массам трудящихся Запада своего рода руководство для организации пролетарской вооруженной силы.

В процессе работы выяснилось, что относящиеся к истории Красной армии и гражданской войны материалы находятся в столь хаотическом состоянии, что научному использованию их должна предшествовать большая подготовительная работа по собиранию, систематизации и обработке этих материалов. Поэтому редакционная коллегия решила, не приостанавливая деятельной работы по изучению материалов, срочно составить и издать краткий очерк, изображающий в основных чертах грандиозную работу, которая была проделана Советской властью и коммунистической партией в области военного строительства.

В редакционную коллегию входят, кроме Н. И. Подвойского К. С. Еремеев, М. С. Кедров, А. Ф. Мясников, В. И. Невский, М. Н. Павлович, М. М. Загю, Ф. В. Костяев, Н. А. Сулейман и др.

«РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ КНИГИ».

С осени 1920 г. в Москве открыло свою деятельность объединение библиофилов. «Русское Общество Друзей Книги» поставило себе целью—если можно ее так извлечь из его устава—дружно работать с Советской властью над поднятием любви и уважения к книге, как к незаменимому постоянному спутнику человеческого труда и отдыха. Книгу воспринять и оценить, как своеобразный продукт человеческого творчества рядом выступлений, лекций, выставок, сделать популярнее и общедоступнее основы книжного искусства: объединить в своем числе не только деятелей библиотечного и издательского дела, но и ученых и художников,—все это преследуется обществом в основах скромной самодеятельности, которая встречала вполне радушное отношение со стороны Центральной Книжной Палаты, русского Библиографического Общества и др. Отдел по делам музеев Нар. Ком. по Просвещению предоставил Русскому Обществу Друзей Книги помещение в стенах музея Старой Москвы (б. здание Английского клуба на Тверской). Начиная с осени 1920 года, был устроен ряд докладов, из которых важно выделить выступления председателя Общества проф. В. Я. Адарюкова «Русские иллюстрированные издания» и «Враги Книги»; товарища председателя М. П. Келлера «Французская иллюстрированная книга XVIII века»; П. Д. Эттингера о книжном искусстве художников М. А. Врубеля и Е. Нарбута. Ставя себе, быть может, скромные и во всяком случае достижимые цели, «Русское Общество Друзей Книги» в праве рассчитывать на внимание со стороны нашего журнала.

ВЫСТАВКА ПЛАКАТОВ, ЛИСТОВОК И ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО САНИТАРНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ (ВЫСТАВКА ПО ОХРАНЕ НАРОДНОГО ЗДРАВИЯ ПРИ Н. К. З).

Маленькая выставка, но чрезвычайно поучительная. Здесь собрано до 2.000 санитарно-просветительных плакатов и листовок различного типа, изданных в различных уголках республики в целях борьбы с нашими злейшими врагами: тифом, холерой, детской смертностью и т. д. Лубочно-пестрые картины, серьезно популярные листки, часто мало научные, но зато забористые, крепко бьющие плакаты говорят о том разнообразии средств, которыми трудящиеся массы призывались к самозащите и самообороне, ибо «дело насаждения народного здравия есть дело самих трудящихся». Выставка интересна еще в том отношении, что показывает, как децентрализо-

вана вся агитационно-пропагандистская санитарно-просветительная работа. Все эти листки и плакаты—продукт самостоятельного творчества самых отдаленных уголков республики, подчас неуклюжего, но проникнутого желанием просветить, вразумить, научить. В этом отношении выставка, несмотря на то, что на ней собрана только часть материала, является весьма показательной и ободряющей. Проникающий все эти плакаты и листки тон апелляции к массам, переплетение санитарно-просветительных с революционными призывами, пользование сравнениями и образами, взятыми из революционной действительности,—все это делает маленькую выставку исключительной и имеющей большой исторический интерес.

КОНКУРСЫ.

Лито Наркомпроса объявило четыре всероссийских конкурса:

1. На *художественный общественный роман*, отвечающий духу современности.

Крайний срок представления рукописей 1 января 1922 г.

За лучшие произведения устанавливаются 3 премии.

1-я премия—1.000.000. руб.
2-я » — 750.000 »
3-я » — 500.000 »

2. На художественные драматические произведения: комедии, драмы, трагедии, героические пьесы, вполне созвучные духу эпохи, героической роли пролетариата и идеям социализма.

Крайний срок представления рукописей 1 сентября 1921 г

За лучшие произведения устанавливаются 4 премии.

1-я премия—1.000.000 ру
2-я » — 500.000 »
3-я » — 300.000 »
4-я » — 200.000 »

3. На *художественные рассказы*.

Размер рукописи не более двух печатных листов.

Крайний срок представления рукописей 1 сентября 1921 г.

За лучшие произведения устанавливаются 3 премии.

1-я премия— 500.000 руб.
2-я » — 400.000 »
3-я » — 300.000 »

4. На *художественную детскую литературу*.

1. Стихотворения.
2. Рассказы и повести.
3. Пьесы.

Беллетристические произведения приемлемы всех видов, в том числе исторические, биографические, популярно-научные, фантастические.

В последних должно быть выброшено мифологическое и религиозное мироосвещение, необходимо избегать чертей, леших, ведьм, гномов, ангелов, бога и проч., а если и писать о них, так в истинном освещении, как о тяжелых предрассудках.

Жизнь будущих поколений в связи с техническими изобретениями и научными открытиями—вот сказки действительности.

Также необходимо выбросить царевичей, королей, принцев и проч., а если и изображать их, то как представителей угнетающего класса.

Предпочтительнее изображение жизни, общей огромному числу людей—трудовой жизни. Иная жизнь должна быть в классовом освещении (наприм., прислуга—полураб).

Вместо прежних войн—революционная борьба. Биографические повести и рассказы из жизни всех, кто способствовал высвобождению *угнетенных* классов.

Непременное условие — глубокая художественность и самая тщательная до мелочей обработка. Произведения детской литературы должны с интересом читаться и взрослыми. Нужна занимательность, завязка, развязка, бодрость тона.

Крайний срок представления рукописей — 1 сентября 1921 г.

Премии по каждому виду и по каждому возрасту:

Стихи: 1-я 400.000 р.
2-я 300.000 р.
3-я 200.000 р.
Повести и рассказы (в стихах и прозе):
1-я 800.000 р.
2-я 600.000 р.
3-я 500.000 р.
Пьесы: 1-я 1.000.000 р.
2-я 750.000 р.
3-я 500.000 р.

Остальные условия по всем конкурсам следующие:

Произведения, получившие премию, кроме того, оплачиваются по существующим ставкам.

Произведения, не премированные, но получившие похвальный отзыв, будут приобретены на общих основаниях.

Произведения, не получившие похвального отзыва, возвращаются авторам.

Произведения присылаются под девизом, с сообщением в запечатанном конверте (под тем же девизом) фамилии и адреса автора, по адресу: Москва, Литературный отдел Наркомпроса, Малый Гнездниковский, 9.

НА МЕСТАХ.

В ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

(Письмо из Ташкента).

Окончание гражданской войны в Туркестанской республике выдвинуло на одно из первых мест вопросы культурно просветительной работы. К сожалению, в этой области приходится испытывать крайне серьезные затруднения: отсутствие технического аппарата, бумажный голод парализуют издательское дело; из центра литературы поступает крайне мало, а без нее немыслима широкая пропаганда среди темного туземного населения да и не более светлого русского. Энергичная и дружная работа органов Путурка (Полит. Управ. Туркфронта) немного, но все же кое-что сделала в этом отношении. Путурк создал кое-какой технический аппарат в виде походной типографии, небольшой по размерам, но хорошо оборудованной. Прибывающая из центра бумага в весьма ограниченном количестве расходуется осторожно и только на необходимейшую потребность. Выпущены прежде всего разного рода брошюры агитационного характера; наличие мусульманского шрифта позволяет знакомить туземцев с основами советского строя и разъяснять смысл Октябрьской революции. Прибытие поезда «Красный Восток» и организация Совета Интернациональной пропаганды среди народов Востока еще более способствуют этому делу.

В течение лета 1920 г. выходили журнал «Коммунистическая Мысль» — орган Путурка, журнал пришлось закрыть из-за недостатка подходящих литературных сил.

Государственное Издательство Туркреспублики особенно пока не проявило свою деятельность, так как едва успело зародиться. Вообще книжное издательство стоит на мертвой точке, вследствие отсутствия целого ряда условий, необходимых для нормального его функционирования и прежде всего, конечно, бумаги.

В настоящее время в Ташкенте выходят 4 органа: 1) «Известия», ежедневная официальная газета. 2) «Экономическая Жизнь», раз в неделю. 3) «Политработник», газета большого формата — еженедельный орган Путурка и 4) журнал «Военная Мысль», основанный Р. В. С. Туркфронта—большое периодическое издание, № 1 вышел в январе 1921 г. № 2 в апреле. Кроме того Туркроста издает свой ежедневный бюллетень; этим пока и ограничивается издательское дело в Ташкенте.

В провинции дело обстоит и того хуже. В наиболее крупных городах Туркреспублики выходят газеты или Роста в объеме полулиста и на оберточной бумаге (в Самарканде, Красноводске, Старой Бухаре, Скобелеве, Верном, Андижане, Полторацке). Следует отметить, что Туркроста издается также и на туземном языке.

Из вышеизложенного нетрудно понять, что издательское дело находится у нас в эмбриональной стадии развития. Рассчитывать на быстрое улучшение дела своими силами трудно, если центр не придет на помощь.

Литературные силы в крае чрезвычайно слабы, в Ташкенте едва ли наберется около 2-х десятков литературных работников, проявляющих изредка свою деятельность на малолюдных диспутах или литературных вечерах, устраиваемых при этом и весьма редко (прошло несколько вечеров местных поэтов).

В Ташкенте существует Народная библиотека, располагающая ценным книжным материалом по Востоковедению. Имеются основательные библиотеки также при Университете, Восточном Институте и Политотделе.

Университет проектирует выпуск научных изданий, как только наладится получение из центра бумаги. Намеревается издавать также и отделение Коминтерна (Коммунист. интернац.).

Совершеннно заглохли издания Русского Географического О-ва (Турк. Отд.) и кружка любителей Археологии.

Таково в общих чертах положение литературного дела в Туркестанской республике.

Брагинский.

И ВШИРЬ, ВГЛУБЬ.

(Письмо из Смоленска).

Советские журналисты силою вещей становятся, так сказать, «мостом» между коммунистической партией и работниками искусства. Всем известно, что Москва служит центром дискуссий, идейных боев за классовое пролетарское искусство.

Повидимому, провинция последует примеру Москвы. По крайней мере, мы в Смоленске были вынуждены вступить на тот же самый путь.

Сыр-бор здесь уже загорелся. Загорелся он в частности из-за сборника стихов, изданного Литературной студией местного Пролеткульта, под названием «Паяльник». Газета «Рабочий Путь» указала, как на основной недостаток сборника — на отсутствие в нем отражения нового, переходного быта. Три года этого быта прошли бесследно для авторов «Паяльника», окружающая нас жизнь для них—«Шапка-невидимка» (так и называлась критическая заметка). Газета возражала против общего тона сборника — трескотни, фразерства и притом даже не агитационного.

Критическая заметка в газете дала толчок целой дискуссии о задачах пролетарской поэзии, в течение которой наметился ряд принципиальных разногласий. Свелись эти разногласия в целом к следующим главнейшим пунктам:

1) Могут ли быть названы пролетарскими поэтами Демьян Бедный, Князев и др. поэты-фельетонисты и поэты-публицисты, пишущие для масс?

2) Обязан ли пролетарский поэт (коммунист) писать понятным для широких масс языком и образами?

3) Не является ли стремление некоторых «пролетарских» поэтов не считаться в своем творчестве с читательской пролетарской массой и с задачами текущего момента, отрыжкой буржуазно-индивидуалистического «я» под пролетарской оболочкой?

4) Не является ли той же отрыжкой (только в групповом масштабе) сведение задач пролеткультов исключительно к выработке «методов творчества» внутри их студий, не считаясь с запросами читательских (в данном случае) пролетарских масс?

На все эти вопросы пролеткультовцы отвечали отрицательно, журналисты — утвердительно. На двух собраниях журналисты, в общем, пользовались большим сочувствием слушателей как в более узком кругу лиц, причастных к поэзии, так и в обширной рабочей аудитории, какая, к нашему удовлетворению, собралась, когда была объявлена публичная дискуссия.

В местной атмосфере настоятельно чувствуется потребность «перетряхнуть» не только товарищей поэтов, но и театралов, и художников, и пролеткультовцев. Между тем никакая организация за это не берется. Политпросвет пока еще организуется, агитотдел губкома занят боевыми задачами дня. Волей-неволей приходится браться газетчикам.

Думали было сорганизовать свой «Дом печати», но тоже более боевая и срочная работа мешает.

Теперь—об агитационном театре. Местным журналистам принадлежит почин и руководство открывшимся 1 января в Смоленске театром производственной пропаганды и револ. сатиры (Пропро). При составлении репертуара этого театра большим подспорьем явилась инсценировка фельетонного материала, печатаемого в центральных и провинциальных газетах. Закоренелые зубры-театралы чураются и ругают нас «Балаганом», а рабочие и красноармейцы любят и валят в театр валом. Выезжали в фабричный городок Ярцево, думаем выехать в деревню.

Театр «Пропро» возник у нас из устной газеты, обслужившей за полгода в губернии около 180.000 слушателей. Но, к сожалению (есть причины весьма сожа-

леть), его пришлось организовывать не при Смолросте, а при Художественном подотделе губотнароба. Это, впрочем, не помешало случиться курьезу, что смоленский «Пропро» до сих пор живет (сообщаю по секрету от Рабкрина) на средства местной газеты... (которые, разумеется, мы надеемся, скоро будет возмещено Художественным подотделом). Без этой поддержки новый театр, несомненно, мытарствовал бы и посейчас, переживая «родовые муки» волокиты.

В заключение поучительно привести, может быть, не всем известный факт, что первый в советской России «Теревсат» создан в Витебске в прошлом 1920 году журналистом тов. Пустыниным, при помощи актера т. Разумного, который теперь продолжает это дело в Москве.

Дело ли советских журналистов вмешиваться и «перетряхивать» театр или не дело — об этом судит, повидимому, сама жизнь. Я вспоминаю, как мне на просьбы разрешить организовать «теревсат» при Смолросте один из ответственных руководителей Центроста отвечал, что следует начать работать не вширь, а вглубь.

Верно; но я спрашиваю товарищей, не есть ли эта работа, к которой, утверждаю, вынуждает нас вовсе не желание во что бы то ни стало вторгаться в «чужие» области, а сама всевластная жизнь, сама практика, требующая новых форм агитации, — не есть ли это работа и вширь, и вглубь?

В. Астров.

ОБ АГИТПЛАКАТЕ.

(Письмо из Смоленска).

Можно агитировать—и «агитировать». Не даром тов. Сосновский говорил как-то об «агиткартошке». Гнилая картошка может тоже агитировать... против Советской власти.

У нас, в Смоленске, существует при Художественном подотделе губотнароба «Агит-Изо», которое умеет тоже работать «под агиткартошку».

Не так давно через губпартком и губроста пришел запрос от Дорогобужского упарткома, кто занимается, вопреки здравому смыслу, распространением по дорогобужской деревенщине... супрематистско-футуристических «агитплакатов»?

Припоминается, как покойный Бессалько писал об агитационном значении кубистского творчества:

— «Нарисованный на полотне рабочий в кубе и в квадрате с вихляющимся задом и с развалившимся на квадраты позвоночником едва ли завоюет симпатию в широких трудовых массах»...

Изготовленный Смоленским супрематистом плакат «Труд» с безносыми рабочими целиком подходит под ту же самую категорию.

А вот невинный лозунг по ликвидации безграмотности. В правой стороне вклеен покосившийся красный квадратик и черная клякса. А внизу робко и боязливо приютился небольшой... крестик (!).

Но, может быть, сила в самом лозунге? может быть, он боеспособен по яркости, образности и картинности?

— «В Советской Республике все должны быть грамотны. Учитесь грамоте» (!).

Трудно, конечно, утверждать, что грамотный этого не поймет, но во всяком случае в этих словах нет ничего особенно убедительного. Что касается неграмотного, то ему, очевидно, предоставляется право гадать на черные и красные кляксы... Издание таких плакатов, да еще не одного, а поддюжины, да еще несколько тысяч экземпляров (для всей губернии)—это не только напрасная трата бумаги, но и вредная агитация против Советской власти, которая де «вместо того, чтобы просвещать народ, мутит его и без того темные головы».

Конечно, где уж нам «газетчикам» «с суконным рылом в калашный ряд»—указывать направление пролетарскому искусству... Но все же я смею думать, что искусство, которое поощряется коммунистами в настоящий момент, не может быть «terra incognita» для широких масс. Такое искусство было бы не классовым, а кастовым, в итоге сводящимся к тому принципу, что я «рисую, как хочет моя левая нога».

Мы не «чураемся» ни одного из буржуазных направлений и мы вольны брать пригодную нам технику как у самоновейших, так и у самых архаических «измов».

Но в том-то и дело, что нам пригодна только та техника, которая помогает нам идейно и культурно организовать массы в определенное классовое пролетарское целое.

В особенности резко протестовать против загадок и ребусов мы должны тогда, когда они практикуются в деле печатной и плакатной

агитации. Здесь хозяева-журналисты, и здесь прежде, чем в других областях, нет места никакой «свободе» искусства. Здесь оно должно сознательно служить нашим целям.

С агитационных плакатов всякая неясность, двусмысленность и нелепость изображений должна быть беспощадно изгнана.

Нелепо писать такие «агитплакаты», возле которых приходилось бы ставить человека с указкой, чтоб он расхваливал свой товар и пояснял, что значит в супрематической мазне куб и что художник хотел было сказать «кляксой».

Плакат должен сам говорить за себя и за лозунг, который он иллюстрирует.

В. Астров.

УСТНАЯ—В ГЛУШ.

(Письмо из Кустаная. Тургайской обл.).

6 февраля 1921 года впервые нам пришлось выпустить устную газету «Красный Рупор». Несмотря на то, что на уездных конференциях Р. К. П. (больш.) были вынесены резолюции о необходимости организации устных газет, упарком никаких мер по этому поводу не принял, и уездному отделению Роста своими силами и средствами пришлось обслужить газету. Были даже такие товарищи, которые только ухмылялись и махали на это дело рукой.

Работников в отделении только двое, и на них лежат все обязанности: и редакции и конторы. Пользуясь инструкциями Центро-Роста и «Красным Журналистом», они с утра в воскресенье принялись за обработку полученного материала и к 5 часам устная была готова. Готовили ее таким образом: выправив полученный материал, распределили его по отделам. Отделов всего было 5: 1) огни революции, 2) в стане контр-революции, 3) по советской России, 4) по уезду и 5) по гор. Кустанаю, при чем этим отделам *предшествовала передовая статья*. Местной жизни было посвящено строк 350.

Все отделы при чтении «приправлялись» стихами Д. Бедного, Ив. Кулина и фельетонами. Всего в газете было строк 1500 — 2000. Одному из товарищей коммунистов с сильным голосом было поручено прочесть газету. Место чтения — театр Агитпроса. Прочитав предварительно газету в редакции, отправились в помещение театра. Зал уже был переполнен, так как публика была заранее оповещена.

Появление на сцене с бумажками заинтересовало публику. Новая «выдумка», слышалось с разных сторон. Пришлось сделать пояснение, что такое устная газета.

При чтении передовой было тихо. Читаем дальше. Слушают с напряженным вниманием. Ни звука. Только по окончании фельетона «Варваринские богоискатели» слушатели не утерпели и расхохотались. Но только на минуту. Далее же во все время чтения устной соблюдалась абсолютная тишина и газета прослушалась с напряженным вниманием.

И. Грублин.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ:

Стр.

А. Луначарский. Свобода книги и революция 3
Н. Мещеряков. О работе Государственного Издательства 9
Вяч. Полонский. Очередная задача Государственного Издательства . 14
Н. Бельский. Русская бумажная промышленность 18
М. Шендерович. Полиграфическая промышленность и перспективы на 1921 г. 25
Вад. Смушков. Распределение произведений печати 37
Проф. А. А. Сидоров. Искусство книги. Статья первая 42
Н. Семашко. Задачи медицинского издательства 50
Проф. Д. Анучин. О необходимости восстановления русских научных журналов 52
Пав. Новицкий. Из истории Крымской печати в 1919—1920 54
Н. Мещеряков. Русская печать за границей (обзор) 63
В. Кипарисов. Обзор литературы по ликвидации неграмотности . . . 66

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ: . . . . . 69—169

I. **Социализм и Коммунизм.** — Ш. Дволайцкого, Е. Преображенского, И. Степанова, Вяч. Полонского 69
II. **Гражданская война.** — Д. Петровского, А. Аросева, Б. Шапошникова, Н. Мещерякова, С. Закса (Гладнева). Мих. Павловича, Е. Варги 77
III. **Империализм и международная политика.** — А Аросева, Вл. Виленского (Сибирякова), В. Н. Сторожева, Г. Бергмана 87
IV. **Национальный вопрос.** — Вл. Виленского (Сибирякова) 91
V. **Профессиональное движение.** — А. Чекина, Ф. Сенюшкина 93
VI. **Народное хозяйство.** — В. Милютина, С. Членова, Б. Кушнера, А. Бессера 98
VII. **История.** — Д. Анучина, В. Сторожева, В. Полонского, И. Бороздина, Валерия Брюсова, Т. Козьминой 104
VIII. **История революции.** — И. Степанова, В. Фриче, Книголюба, Б. Горева, Б. Козьмина, М. Ольминского, П. Лепешинского, К. Новицкого 116
IX. **Право.** — Зин. Тетенборн 123
X. **Социология.** — С. Членова 125

XI. **Народное просвещение.**— Вад. Смушкова, В. Лебедевой, В. Блоха, И. Степанова 125
XII. **Медицина и народное здравие.** — И. Гельмана, В. Сукенникова, А. Перуанского, Р. Фронштейна, В. Островского 129
XIII. **Науки о природе.** — В. Костицына, С. Блажко, Д. Анучина, С. Конобеевского, Н. Андреева 134
XIV. **Художественная литература.** — Валерия Брюсова, Г. Устинова, Сергея Боброва, И. Аксенова, В. Кириллова, В. Вольпина, П. С. Когана, В. Фриче, Н. Крупской, И. Степанова 144
XV. **Искусства.** — А. Габричевского, А. Стрелкова, В. Блоха, И. Корницкого, Абрама Эфроса, Б. Виппера, А. Сидорова, Н. Моргунова, Д. Анучина 157
XVI. **Разные.** — Е. Херсонской, Г. Устинова, И. Гельмана 166

НЕКРОЛОГ: П. Кропоткин, Б. Горева (с портретом) 170

ХРОНИКА: 175
I. **На Западе.** Кризис культуры. (Письмо из Берлина.) *С. Ратомского.* Социалистическая и историко-революционная литература. Художественная литература. Русские книгоиздательства за рубежом. Издатель и писатель.
II. **По России. В Петербурге:** Дом искусств; Дом литераторов; Союз писателей; Союз поэтов. **В Москве:** Комиссия Ц. К. Р. К. П. по улучшению печатного дела в Р. С. Ф. С. Р. Литературно-издат. отдел Пролеткульта. Лито Наркомпроса. Дом Печати. Собрание сочин. В. Ленина. Изучение истории Красной армии. Русское общество друзей книги. Выставка плакатов по санит. просвещению. Конкурсы.
III. **На местах:** Письма из Туркестана, Смоленска и Кустаная.

ЛИТЕРАТУРНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ.

Редакция просит все литературные организации и учреждения, а также частные издательства, сообщать сведения о своих работах, планах и т. п. для помещения в Отделе Литературной Хроники. Представляемые сведения должны быть четко написаны на одной стороне листа.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ.

Редакция просит авторов статей и рецензий представлять рукописи в четко переписанном виде на одной стороне листа.

В заголовках рецензий обязательно должно быть указано: 1) фамилия автора книги, 2) полное заглавие книги, 3) имя переведчика и язык, с которого книга переведена (если книга переводенная), 4) название издательства, 5) город, где книга издана, 6) год издания, 7) количество страниц, 8) тираж издания.

Редакция обращает внимание авторов на то, что отсутствие указания на количество страниц прорецензированной книги (п. 7) лишает ее возможности вычислить причитающийся автору рецензии ганорар.

Непринятые рукописи не возвращаются.

ЛИТЕРАТУРНЫМ РАБОТНИКАМ НА МЕСТАХ.

Редакция журнала „ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ“ просит товарищей, работающих в провинции сообщать редакции сведения о состоянии литературно-издательского дела, для помещения в хронике журнала. Желательна также присылка корреспонденций, посвященных общим вопросам литературного дела на местах.

Редакция.